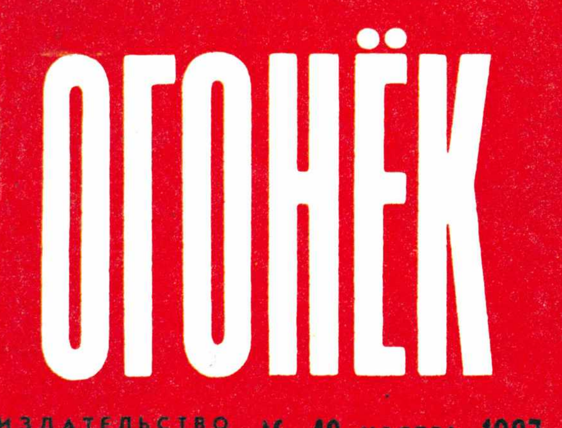

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 46 НОЯБРЬ 1987

НЕ ПО ВЫЗОВУ, А ПО ЗОВУ

СКВОЗЬ ТЕРНИИ — В «ЗВЕЗДЫ»

В ПЛЕНУ У КРАСОТЫ

ДВА БЕРЕГА ЖИЗНИ

1917 · 1987

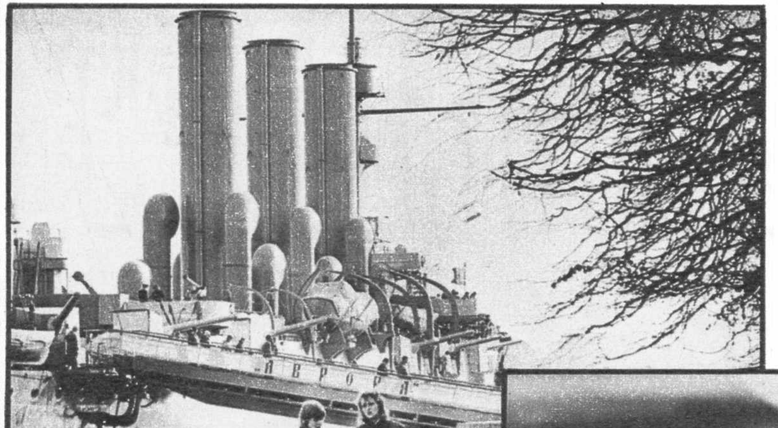
СЕМЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ ПРОШЛО С ТОГО ДНЯ, КОГДА НАРОД НАШЕЙ СТРАНЫ, СВЕРШИВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ, ОТКРЫЛ НОВУЮ ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ЭРУ. И С ТЕХ ПОР НЕ БЫЛО ТАКОГО ГОДА, КАКИМИ БЫ ТЯЖКИМИ И СЛОЖНЫМИ ОНИ НИ ВЫДАВАЛИСЬ, ЧТОБЫ КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ МОСКВЫ НЕ СТАНОВИЛАСЬ БЫ ЦЕНТРОМ НАРОДНОГО ТОРЖЕСТВА. РАЗНЫМИ ОНИ БЫЛИ, ЭТИ ПРАЗДНИКИ: В 1918-м, КОГДА ПЛОХО ОБУЧЕННЫЕ, ПЛОХО ОБМУНДИРОВАННЫЕ, НО ГОРДЫЕ ДУХОМ СВОИХ ПОБЕД, ВЫШЛИ НА ПЕРВОМАЙСКУЮ КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ ТЕ, КТО УЖЕ СВЕРШИЛ РЕВОЛЮЦИЮ И КОМУ ПРЕДСТОЯЛО ЕЩЕ ЕЕ ОТСТОЯТЬ НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ; И В ГРОЗНОМ 1941-м, КОГДА СУДЬБА СТРАНЫ ОКАЗАЛАСЬ, ОБРАЗНО ГОВОРЯ, НА КОНЧИКАХ ШТЫКОВ ВОИНОВ МАРШЕВЫХ БАТАЛЬОНОВ, НАПРАВЛЕННЫХ ПРЯМО С ПАРАДА НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ В ОКОПЫ БЛИЗКОГО К СТОЛИЦЕ ФРОНТА; И В ПОСЛЕДУЮЩИЕ МИРНЫЕ, СЛОЖНЫЕ, МНОГООБРАЗНЫЕ ГОДЫ, КОГДА ВСЯ НАША ЖИЗНЬ, СЛОВНО В ЗЕРКАЛЕ, ОТРАЖАЛАСЬ В ЛОЗУНГАХ И ТРАНСПАРАНТАХ ПРАЗДНИЧНЫХ НОЯБРЬСКИХ ДЕМОНСТРАЦИЙ... НО НА КРАСНЫХ ПОЛОТНИЩАХ, ПРОПЛЫВАВШИХ У СТЕН КРЕМЛЯ, ВСЕГДА, В ЛЮБОЙ ИЗ ЭТИХ СЕМИДЕСЯТИ СЛАВНЫХ ГОДОВ, БЫЛИ НАЧЕРТАНЫ СВЯТЫЕ ДЛЯ ВСЕХ НАС СЛОВА: «ОКТЯБРЬ», «ЛЕНИН», «ПАРТИЯ КОММУНИСТОВ», «СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ»...

ОНИ УШЛИ ВМЕСТЕ С НАМИ И ДАЛЬШЕ, В СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ ГОД ОКТЯБРЯ, РЯДОМ С ПРИЗЫВАМИ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ, СУТЬЮ КОТОРЫХ СТАЛИ СЛОВА «МИР», «ДЕМОКРАТИЯ», «УСКОРЕНИЕ», «ПЕРЕСТРОЙКА». ОТЗВУК ЭТИХ СЛОВ, КАК ОТЗВУК ШАГОВ ПО КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ, ПРОКАТИЛСЯ ПО ВСЕМ РЕСПУБЛИКАМ, ГОРОДАМ И СЕЛАМ НАШЕЙ СТРАНЫ, ВОЗВЕЩАЯ ВСЕМУ МИРУ О ПОБЕДОНОСНОМ, ПРОДОЛЖАЮЩЕМСЯ ДВИЖЕНИИ САМОЙ ВЕЛИКОЙ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА РЕВОЛЮЦИИ!

ШАГИ ОКТЯБРЯ

Репортаж с Красной площади вели:
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ, Анатолий БОЧИНИН,
Алексей ГОСТЕВ, Геннадий КОПОСОВ,
Павел КРИВЦОВ.

И вновь продолжается бой

Незабываемой вехой в жизни Юрия Шикова, как и многих его сверстников, останется прошедший в Ленинграде Всесоюзный слет комсомольцев и молодежи, посвященный 70-летию Великого Октября. На борту «Авроры», где завершилась международная «Эстафета Октября», проводившаяся братскими союзами молодежи социалистических стран, молодому рабочему со «Скорохода» вручили высшую правительственную награду — орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Юрию 21 год. Уроженец деревни Паньково Новодеревеньковского района Орловской области. С десяти лет рос без отца. Первое свое поле, первую жатву в качестве помощника комбайнера осилил шестиклассником. Когда подрос, поманили огни большого города, уехал в Ленинград, поступил там в ПТУ-147 при объединении «Скороход». Стал рабочим-универсалом на фабрике № 2 «Пролетарская победа», отсюда и в армию уходил, сюда вернулся.

Про службу свою в Афганистане рассказывать не любит. Справедливо считает, что военная судьба ему выпала редкостная: за два года боевых действий в самом пекле, в разведке не получил ни единой царапины. И вот такой ошеломительный даже для него самого финал — Золотая Звезда, «Аврора», внезапно обрушившаяся слава...

О многом хотелось мне поговорить с Юрием. О нем самом, о судьбе других «афганцев», его товарищей, чьи мирные будни начались не так удачно. Но жизнь — непредсказуемый драматург. На митинг, посвященный закладке Аллеи памяти героев-интернационалистов, где мы условились встретиться, попасть оказалось не просто.

...Обширный пустырь, на котором выстроились участники слета, отделяла от посторонних цепочка дружинников; когда я все-таки попробовал влиться в не слишком стройные ряды молодежи, меня вежливо, но решительно осадили: «Туда нельзя». Осадили и шагнувшего вслед за мной хромого паренька с орденом Красной Звезды на лацкане пиджака, видневшимся из-под распахнутой куртки.

«Не очень-то и хотелось»,— вспыхнул он.

Я подумал о том же. За свои комсомольские годы, пришедшиеся на застойный, как его сейчас называют, период, митингов таких перевидал десятки. Этот отличался от прочих разве что редкостной заунывностью, с которой читал по бумажке положенный к случаю текст ответственный комсомольский работник. Слова были гладенькие, правильные, но тем и коробили. Нельзя, видит бог, нельзя всуе поминать Испанию и Афганистан, и, если не болит о них твое сердце, если нет в нем своих искренних, выстраданных слов, уйди с трибуны, уступи место тому, кто пусть неумело, но горячо и благодарно расскажет о тех, кто уже никогда не встанет с нами рядом.

И не случайно, наверное, завихрило, закружило вдруг плавное течение митинга, вдребезги разлетелось его внешнее благочиние, разбившись о гранитный утес только что открытого памятного знака, возле которого, к великой растерянности организаторов, разбушевались те самые интернационалисты, которым, по логике, надлежало быть главными действующими лицами торжества.

А поначалу все шло строго по сценарию: отговорил свое оратор, что-то бодренькое музыкальное прохрипели озябшие на морозце динамики, в лунки, выкопанные заранее, были вставлены саженцы лип и сосен.

И уже заворчали двигателями «Икарусы», потянулись к ним делегаты слета, когда не выдержал, взорвался вдруг Олег Никулин, председатель штаба воинов запаса Красногвардейского района:

— Слушайте, но почему же о нас-то, живых, забыли?! Мы на этом пустыре всю черновую работу сделали, тонны земли переворочали, а нас даже на открытие пригласить забыли.

И началось... Как в атаку, ринулись ребята на поиск организаторов — ответработников ОК, ЦК ВЛКСМ, чтобы выплеснуть им свою обиду. Шумели, перебивали друг друга, но, в общем, решающее слово взял на себя самый старший, Александр Александрович Остапченко, чей единственный сын Павел, кавалер двух орденов Красной Звезды, пал смертью храбрых.

— Мне теперь эти мальчишки как сыновья родные. Аллею мы задумали, полтора месяца вместе со школьниками, ребятами из ПТУ приезжали на этот пустырь в свободное время, не ради галочки в чьем-то отчете о военно-патриотической работе, а потому, что душа того требовала. Ведь нигде в Союзе нет пока памятников павшим «афганцам». Совершенно случайно в пятницу вечером узнали мы о сегодняшнем торжестве и всю ночь просидели на телефонах, чтобы оповестить кого возможно. Отыскали лишь тридцать человек. Из нескольких тысяч. Так и тех дружинники к трибуне не подпустили. В сценарии нас, видите ли, не было.

Честно говоря, думал я, что повинятся организаторы перед ребятами. Ну пусть даже формы ради, чтобы загладить неприятный инцидент, призовут принародно к ответу кого-нибудь, принародно всыплют ему за оплошность.

Плохо я знал начинающих лидеров. Не в оборону они ушли, сами в штыковую бросились. «А кто вас приглашать должен? И насчет дружинников ерунда, вон Валентины Петровны, мамы погибшего в Афганистане Михаила Тарабыкина, тоже в сценарии не было, сама подошла и слово при закрытии получила. Ну и главное, аллею-то открыли, дело сделали, чего же вам еще нужно?»

Да, когда стоишь на трибуне, мелкие волнения в толпе бывают незаметны. А зачем, спрашивается, вообще нужны были в чистом поле дружинники, наряды милиции? Чего опасались ответственные работники комсомола: что зацелуют их от избытка чувств местные девчонки? Да и случись такой всплеск патриотизма, рядом сотни парней-делегатов, они, полагаю, охотно приняли бы этот огонь на себя.

Одним словом, неловко получилось. Погнавшись за парадностью, организаторы использовали все набившие оскомину штампы прошлого, под барабанный бой переступили тончайшую грань, отделяющую трогательное от фальшивого.

Ну, а представьте действительно голое поле, настоящую, не липовую работу, костры, полевую кухню, свои, «афганские», военные песни под гитару; не митинг — братство интернационалистов, породненных общей пролитой кровью, молодых и пожилых людей. Разве лишними были бы здесь окрестные мальчишки, разве могут быть вообще посторонние у нашей общей саднящей памяти! Но искренность, видимо, не укладывалась в напряженную программу, сценарий торопил дальше, к следующему торжественному мероприятию. И умчались резвые черные кони ответработников, увлекли за собой караван автобусов.

Ну уехали, и ладно, о чем теперь толковать.

Но вот что тревожит — в общей действительно праздничной атмосфере Всесоюзного слета, это был не единственный «парадный», так скажем, прокол. И пишу о нем не в укор, в раздумье. Потому что перед глазами стылый осенний вечер, широкое опустевшее поле и на нем, возле тонюсеньких стволов, у гранитного холодного камня кучка озябших, обиженных ребят.

Верно, по-разному начинается у вчерашних солдат мирная жизнь. Не свистят в ней пули, не рвутся мины, но бой продолжается, и мужество по-прежнему в чести. Мужество поступка, слова, решения. Не тускнеют боевые ордена и медали, только теперь им иная цена — это память о том, каким ты был вчера, и лишь тебе самому дано решать, каким ты станешь завтра, какую дорогу выберешь, с кем по ней пойдешь.

И еще вспоминаются очень верные слова первого секретаря ЦК ВЛКСМ Виктора Мироненко, сказанные им здесь, в Ленинграде: «Даже если «афганец» не ранен, у него ранена душа». Эти бы слова да не забывать организаторам будущих комсомольских и прочих торжеств, обязательной фигурой которых в президиуме наряду с седоусым ветераном стал воин-интернационалист. Единственный подчас незабытый воин в безбрежном поле показухи, которой подменена действительная забота о молодых инвалидах, участниках боев в Афганистане. Они крепкий народ. И все-таки не надо посыпать их раны солью безразличия...

Олег ПЕТРИЧЕНКО.
Фото Александра ДРОЗДОВА

Юрий РОСТ

СВЕТОТЕНЬ

ПЕСНЯ ПРО ОХОТНИКА

...Евдокия Ивановна Кривоносова еще не выступает. Она сидит за столом в своем доме на берегу Дона и предвкушает песню. Без Дуни хора нет. Она это знает и роль свою в песне любит. В казачьей песне Дуня «дишканит».

Не сразу вступая, забирает она высоко и, словно уйдя от мелодии, чертит в небе узоры, тонкие и круглые большей частью; припадая на крыло и опираясь на тугой осенний воздух, кружит над полем, над долом, над лесом, над Доном и, вдруг срываясь, пикирует вниз и уже у самой воды... чуть не задевая крышу пристани, впадает в мелодию, купается в ней, одну-две строки, и, не в силах удержаться, в конце повтора вновь взмывает ввысь...

Так поет Дуня с товарищами, и песня летит, летит над Доном и вдруг стихает.

— Запамятовала далее...— улыбаются певцы,— старая больно. Будешь в Кружилинском, расспроси старого казака Топилина, он помнит, а мы после допоем.

Казака Топилина я встретил у хлебной лавки. Старик был в настоящей казачьей фуражке, овчинном полушубке, с большой опрятной бородкой, а сам маленький и крепкий.

— Знаете ли вы песню про охотника, дедушка?

— Как же не знать. Я и поныне пою, хоть сам с 1894 года рождения. Только не тут же петь.

Я стал усаживать казака в «газик», когда к магазину подошла женщина.

— Куда это вы наше престарелое достояние везете?

— Песни играть.

Дома у Василия Ивановича Топилина, участника всех войн, начиная с первой мировой, было чисто и уютно. Подушки до потолка, фотографии прямых с усами людей и на столе две чистенькие перевернутые чашки.

— Со старухой живем, Ульяной Степановной, вдвоем,— и тут же появилась маленькая аккуратная бабушка.

— Давайте я вас сфотографирую на память.

Вышли во двор. Стул поставили.

— Я только вязанку надену,— сказала Ульяна Степановна. Отчего не надеть, если есть. Она сбегала за кофтой. Я предложил ей сесть на стул. Но Василий Иванович, стрельнув глазами, сел сам, а жена быстро стала у правого плеча.

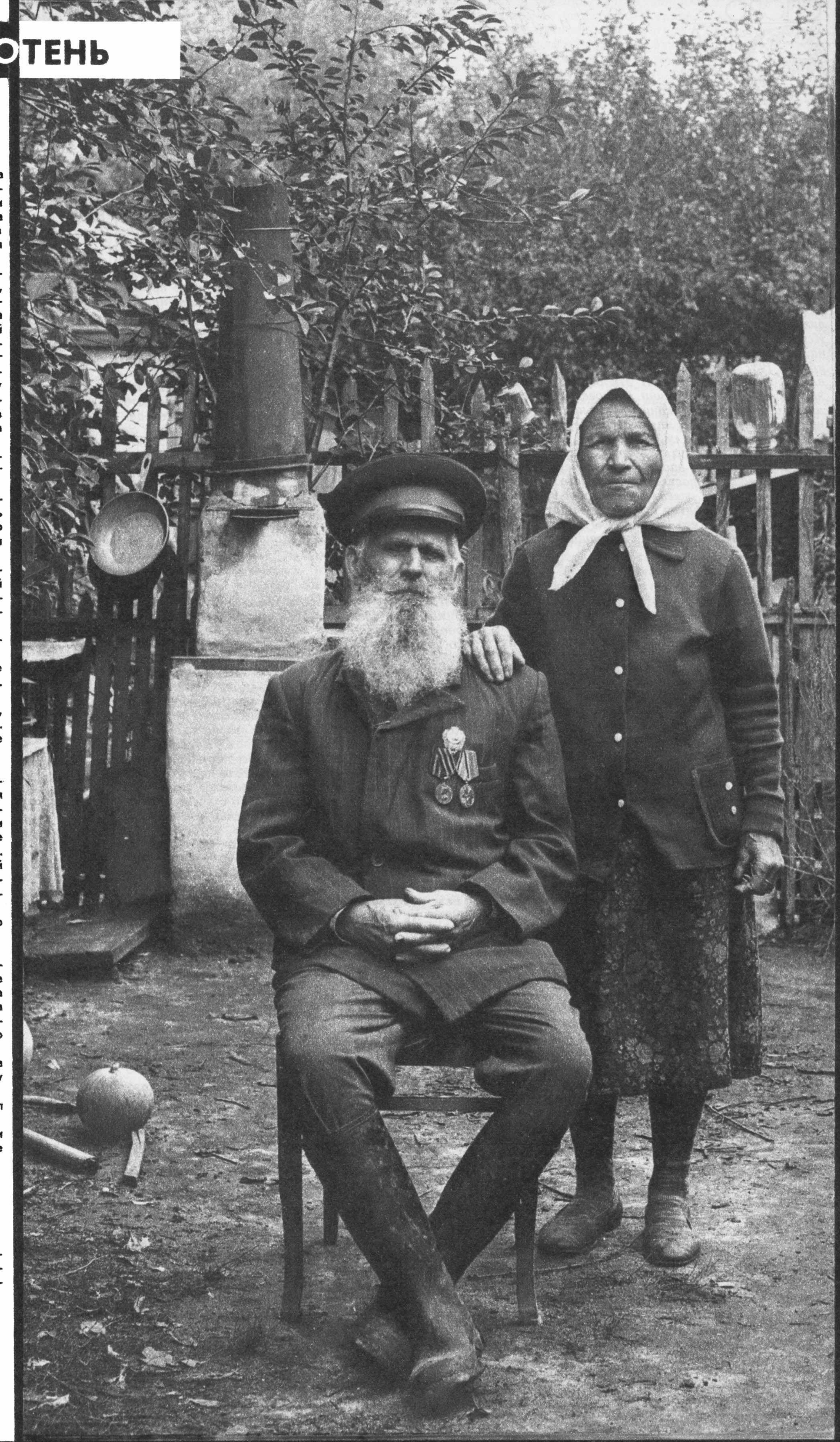
— С другого боку,— шумнул на жену казак. И Ульяна оказалась у другого плеча.

— С какого боку шашка,— пояснил он мне,— с того и женка...

Потом он сказал мне слова песни про охотника, и отправился я к Дуне доигрывать песню.

«Ой, бог с тобою,
ей младенец сказал,
пожал праву ручку
и прочь ускакал».

Расходились мы поздно, но в некоторых домах еще пели. «Сообщаются люди»,— сказал бы казак Топилин.

КАК МЫ БОРЕМСЯ С ПЬЯНСТВОМ ●
ПРОЩАЙ, АЭРОФЛОТ! ●
КТО ЗАПЛАТИТ ЗА ПОЖАР? ●

■

Интерес к школе, ее настоящему и будущему становится всенародным. Причина, пожалуй, одна: какой будет школа, такой будет и личностная позиция тех, кто вступает в самостоятельную жизнь. Уже первые отклики на интервью с М. П. Щетининым свидетельствуют о том, что нет не только единства мнений, но, напротив, позиции авторов писем А. Берлизова и П. Александрова (№ 37) взаимно исключающие. У Берлизова, как и в былые времена, интерес к делу подменяется инквизиторским интересом к выдающейся личности. Искажая идеи и честную позицию М. П. Щетинина, он формулирует «состав преступлений» на уровне 1937 года, вплоть до «врагов Советской власти и провокаторов». И эти обвинения предъявляет М. П. Щетинину, человеку, стремящемуся изменить содержание школьного образования в соответствии с марксистско-ленинской концепцией личности. Для расправы с учителем он призывает подключить органы государственной безопасности, ибо видит в его идеях «образец замаскированного растления молодого читателя». Жаль только, что, ослепленный злобой к личности М. П. Щетинина, автор письма не видит преобразующей сущности его идей. Иначе не стал бы так примитивно передергивать и извращать его фразы.

В. И. КУЛЕШОВА,
врач
Москва.

■

У меня пятеро детей, но я бываю в театрах, кино, читаю газеты, журналы, в выходные дни всей семьей едем на велосипедах в лес, ходим в походы. И работу свою люблю. Родителей рядом с нами нет, моя мама в Иркутске. Трудность у меня в одном — как себя сделать лучше. Мы потому и решили с мужем иметь пятерых детей, чтобы жизнь не прошла впустую. Все ведь зависит от мировоззрения, от того, как человек отвечает на вопрос — для чего он живет. Что для него главное — потреблять или отдавать? Чтобы иметь большую и благополучную семью, надо многое уметь, много знать и применять это в жизни. Знать о рациональном питании и о закалке, заниматься спортом и за модой следить, и вкус развивать. Жить творчески. Это интересно, и в этом счастье. Результат всегда перед глазами. У многодетной семьи все самое счастливое не только сейчас, сию минуту, но и в будущем. Если говорить откровенно, то только с рождением третьего ребенка мы стали получать такую духовную радость, что никакие трудности в сравнение не идут. Но я далека от того, чтобы рекламировать многодетность. И согласна с Ж. И. Фирсовой (№ 38): чтобы решиться на большую семью, надо объективно оценить свои силы. А их нужно немало. Льготы ничтожны. У кого нет ни фантазии, ни юмора, организаторских способностей и доброго отношения к людям, любви и понимания семейной жизни, тот обязательно пожалеет, если пойдет на это.

А мы только сейчас и жить «для себя» стали — так нас обогащают дети, каждый день стремимся совершенствовать себя. Хочу, чтобы и у моих детей было не менее трех ребятишек. Наверное, так и будет — они видят, как это здорово. Для нас с мужем стало привычкой преодолевать трудности. В их преодолении — наше счастье.

Л. Г. ТИМОФЕЕВА,
архитектор
Москва.

■

В № 1 была опубликована беседа с академиком И. И. Минцем «Оружие не менее острое...». В ней, в частности, критиковалось издательство «Наука», в котором бесцеремонно «исправляют» и «поправляют» авторов.

Хотелось бы, чтобы на страницах журнала читатели получили информацию о том, что уже сделано конкретно после публикации беседы, как издательство «Наука» перестраивается. Меня интересует, в частности, судьба монографии доктора исторических наук В. Д. Поликарпова о военной контрреволюции, рукопись которой, как мне стало известно, маринуется уже, кажется, два года по той причине, что автор отказывается вносить в текст изменения, навязываемые ему издательскими редакторами, ибо это противоречит его научной совести.

Меня этот вопрос интересует еще и потому, что в свое время, когда в «Исторических записках», выходящих в издательстве «Наука», публиковалась моя статья «Разгром Корнилова на Северном Кавказе», статью в одном месте тоже произвольно исправили (в верстке), выбросив приводившуюся мной цитату из доклада Г. К. Орджоникидзе Совнаркому РСФСР от 8 июля 1919 года и заменив ее текстом, не соответствующим реальной действительности того времени и оценке событий со стороны их очевидца, Г. К. Орджоникидзе. Следовательно, меня поставили перед необходимостью впоследствии фактически опровергать самого себя. Что может подумать читатель об авторе, который пишет сегодня одно, а завтра от его имени преподносится нечто совсем иное?

И в других издательствах приходилось испытывать принудительные «исправления» и даже полный отказ печатать работы только потому, что они не согласовываются с давно устаревшими шаблонами и трафаретами уровня представлений 30—40-х годов.

Н. А. ЕФИМОВ,
доцент

■

Наконец-то мы всерьез взялись за пьянство и, думаю, со временем всем миром зеленого змия одолеем. Однако если внимательно присмотреться, то увидишь зигзаги, не имеющие абсолютно никакого отношения к искоренению алкоголизма.

Ю. Черниченко через «Огонек» и с голубого экрана рассказал нам о том, как в Крыму, Молдавии, Азербайджане, Грузии уничтожают ценнейшие сорта винограда, выкорчевывают и выжигают лозу, которую люди пестовали столетиями.

При чем тут борьба с пьянством? Когда же это было, чтобы алкаши надирались дорогими уникальными винами, которые уж если не самим вкушать, то можно за крупную валюту продавать империалистам? Пройдет время, и о таком злодеянии — в стране уже раскорчеваны сотни тысяч гектаров ценнейших лоз — наши потомки будут говорить гневно и осуждающе. Как сейчас мы говорим о делах Лысенко и К°.

Другое уродство — гигантские очереди. «Не стойте»,— говорят нам. Увы, иногда приходится. Есть вековые традиции — день рождения, смерть, дата. Не уйдешь от них никуда. В Столешниковом переулке я насчитал как-то около пятисот граждан и гражданок, терпеливо стоявших в знаменитый магазин. Вышла женщина, неся бутылку вина. Спросил: сколько отстояла? Оказалось, три часа! Чтобы украсить праздничный стол.

Из официальной статистики известно, что введение ограничений вызвало резкое увеличение потребления сахара — на миллион тонн в год. Превращение его в самогон с лихвой компенсировало сокращение продажи спиртного государством.

Так первый опыт борьбы с пьянством показал и слабые ее места, перегибы. Надо бы, наверное, гибче решать эту проблему.

Как быть? Над этим, надеюсь, уже думают и компетентные специалисты, и электронные компьютеры...

В. КАТИН,
журналист

■

В 1866 году усилиями прекраснейших российских граждан, писателей и интеллигенции, в России было создано Общество покровительства животным.

«И действительно, не одни же ведь собачки и лошадки так дороги «Обществу», а и человек, русский человек, которого надо образить и очеловечить, чему Общество покровительства животным, без сомнения, может способствовать» (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя за 1876 год).

«...чем живее в человеке сострадание ко всему живому (включайте в это, что хотите), тем он добрее, лучше, более человек» (Л. Н. Толстой. Круг чтения).

Сейчас у нас это общество более не существует. В отличие от других цивилизованных стран у нас нет приютов для бездомных животных, мы не имеем соответствующего законодательства, способного гарантировать их от безнаказанного жестокого обращения.

В последнее время в связи с намечающимся нравственным оздоровлением пришла пора, как нам кажется, серьезно, громко и откровенно поговорить об этой наболевшей проблеме. Отдельные выступления прессы и телевидения освещают чудовищные факты садистского отношения к животным. Но, по-видимому, всего этого мало, может быть, не найдены слова, которые должны быть сказаны.

Зло плодит зло, а добро порождает добро. И забота о «братьях наших меньших» сторицей вернется нам, нашим детям и внукам.

Булат ОКУДЖАВА,
Михаил УЛЬЯНОВ

■

На 70-м году существования Советской власти собираются увеличить число хозрасчетных поликлиник, платных медицинских услуг, создать кооперативы. А где же завоевания Октября — бесплатная медицинская помощь? Цены на хлеб повысили, но хлеб не стал лучше. Введение платных медицинских услуг не улучшит общего положения дел. И кадры те же, и медицина отсталая. А кого мы воспитаем, если утвердим, что бесплатно можно плохо обслужить, а за деньги — хорошо? В печати только обсуждают «Основные направления развития здравоохранения», а у нас уже давно в городской поликлинике введена плата за массаж.

Н. ПАРХОМЕНКО
Буденновск, Ставропольский край

■

Прочитав в № 36 статью А. Рубинова «И никаких проблем», задаю вам нескромный вопрос: а зачем это напечатано? Если бы статья заканчивалась логическим эпилогом в духе времени: «И вот уж ни в министерствах, ни в Моссовете, идя в присутствие, не берут с собой грязное белье, и никто за счет государства не устраивает себе сверхсервис, а милиция, сняв белые халаты и облачась в униформу, выполняет свои прямые служебные обязанности»,— все было бы понятно. Но этого не произошло. Зачем тогда вскрывать язвы, обнажать их, если не умеем лечить?

Все критические материалы хорошо бы начинать со следствия — результатов критики. Таким методом мы бы укрепили веру в действенную и обязательную результативность выступлений прессы, а иначе все превращается в занимательное чтиво.

И. ТУМАНОВ
Ленинград.

■

Читала в № 25 статью О. Петриченко «Радужный убийца» и не думала, что такое может происходить с нашими цветными телевизорами. Но вот подобное случилось в нашей семье, к счастью, без жертв. Приобрели мы цветной телевизор «Славутич Ц-202» в конце апреля 1984 года в кредит. А через месяц он вышел из строя и 3 месяца был в ремонте из-за дефицитной детали. Затем в течение года еще 4 ремонта одного и того же сенсорного поля. Хотели вернуть этот заколдованный телевизор в магазин, но все наши усилия оказались бесполезными.

И вот 16 августа, в воскресенье, мы с сестрой мужа встали пораньше, чтобы посмотреть передачу «90 минут», включили... и вместо передачи увидели черный дым. Я быстро выдернула штепсель из розетки, но телевизор уже весь был охвачен пламенем. Мы бросились к соседям, вызвали пожарную машину. Наш «Славутич» сгорел буквально за 5 минут, загорелись другие вещи, все в комнатах покрылось жирной сажей. Только сейчас квартиру еле-еле привели в порядок. А вот смогу ли привести в порядок свое здоровье после невроза, не знаю.

Самой дорогостоящей вещью в нашей квартире

был телевизор. Могу ли я предъявить претензию заводу-изготовителю и получить какую-либо компенсацию? Я просила телеателье составить акт о причине возгорания, но меня отослали к технологу в райцентр. Там тоже отказали, потому что телевизор не был застрахован. И в нарсуде иск не приняли, заявив, что якобы мы сами во всем виноваты: надо было его чистить, поскольку загорелся он у нас, возможно, от пыли.

Очень прошу разъяснить, как поступить в нашей ситуации?

Г. Н. НИКИФОРОВА
Приморский край.

ОТ РЕДАКЦИИ: Этот вопрос «Огонек» адресует Министерству промышленности средств связи СССР.

■

Аэробус СУ 82084 двигался по маршруту Прага — Москва. Вдруг из динамика голос командира корабля известил: «Из-за непогоды в Москве мы сделаем посадку в Ленинграде».

Пять часов после посадки не было никакой информации. Экипаж уехал в гостиницу, остались только стюардессы и стюарды, разносившие минеральную воду, а затем быстро скрывавшиеся.

Когда терпение иссякло и мы начали настаивать на выяснении обстановки, пограничники, стоявшие у дверей и сторожившие курящих, решили отправить нас в аэропорт Пулково.

И вот зал транзитных пассажиров. Полутемный холл, несколько десятков кресел, валютная «Березка», прилавок с теплой кока-колой за рубль. А пассажиров все привозят и привозят. Кто успел сесть в кресло, тот удачник.

Молодежная команда японских дзюдоисток расположилась на полу. Тут же финская мама с двумя детьми, один из них грудной. Рядом шведы — на газетах ко сну приготовились, хорошо что хоть свежих газет хватало.

И вдруг в 2 часа ночи объявление: «Все рейсы откладываются до 10 часов утра. Желающие могут уехать отдыхать во Дворец спорта. По возможности пассажиры будут обеспечиваться ужином».

Кто остался в аэропорту, не выиграл и не проиграл. Во дворце пассажиров ждали простые стулья спортивного стадиона. Но, говорят, было тепло.

В транзитном же зале и заснуть было невозможно. Каждые полчаса повторяли одно и то же объявление. Только рано утром привезли несколько подносов с бутербродами и несколько бутылок минеральной воды. Кто успел, захватил. Кофе продавали только за валюту. А динамик повторял: «Рейсы откладываются до 12 часов... до 14 часов...»

В Ленинград пограничники не выпускают, говорят, что в поездах нет мест. Наконец, шесть человек из нашего аэробуса пропустили в главное здание. Все-таки нас привезли к Московскому вокзалу и даже предоставили ужин.

Так что до свидания! Но говорим это не службам Аэрофлота. В следующий раз приедем в Москву поездом.

Ольга ЮРКОВА
ЧССР.

■

С большим интересом прочитал № 39. Особое внимание привлекли письмо известного историка В. А. Дунаевского и очерк А. Ненарокова «У времени в плену». Не нужно быть большим пророком, чтобы предвидеть, какую гамму разнообразных мыслей и чувств вызвали эти две публикации у читателей. Одни, к которым отношу и себя, благодарны В. А. Дунаевскому за то, что он дал оценку каракозовым, берлизовым, а А. Ненарокову — за возможность узнать об Иване Яковлевиче Врачеве, еще одном подлинном герое революции. Другие же при чтении испытывают огромный душевный дискомфорт и в минуту отчаяния готовы слезно просить авторов и редакцию: «Пусть все это правда, но пожалейте нас, у нас и так «забот полон рот». Однако главный читатель — это тот, не знающий сомнений, который в черный список своей памяти вносит: Дунаевский, Ненароков, Врачев... Правда, есть сомнение: куда писать? В привычные инстанции? Могут не обратить внимания...

Даю информацию для тех, кто нуждается в специальном органе печати. Это днепропетровская газета «Зоря», орган обкома партии и облисполкома, издающаяся на украинском языке. Если сомневаетесь, полагая, что я внештатный агент по распространению «Зори» среди населения, то прочтите газету от 4 октября сего года. Передовая за подписью ее главного редактора Г. Бурейко явится бальзамом на ваши кровоточащие раны. В ней наконец-то вынесен приговор и «Детям Арбата», и «обновленному «Огоньку», и всем тем писателям и журналистам, всем «горе»-историкам, которые роются в «мусорных ямах», при этом «проявляют полное неуважение ко всем нашим идейным и моральным ценностям». И именно они, как утверждает автор, виновны в том, что у значительной части людей «появляется недоверие ко всему нашему: к литературе и искусству, к моде, традициям и обычаям. Утрачивается самое важное — классовое чутье!». Воистину, если бы не собственноручная подпись Г. Бурейко, подумал: а не старший ли лейтенант Берлизов (№ 37) подвизался в местной газете?

Е. ЧЕРНОВ
Днепропетровск.

1032

письма получил «Огонек» за последнюю неделю.

Для сравнения сообщу: в прошлом году примерно столько же писем мы получали за месяц.

Начиная с этого номера мы намерены регулярно публиковать редакционные обзоры почты «Огонька». На этот раз наибольший интерес вызвали следующие публикации последних номеров журнала:

«Бесповоротно!» В. Лейбовского, № 40 («Считаю, что в настоящий момент, когда отсутствует независимый государственный орган, контролирующий экологическую ситуацию в стране, только с помощью общественности можно воздействовать на безразличных чиновников...» А. Царьков, Свердловск).

«Падчерицы большого города» Ю. Осипова, А. Михайловского, № 41 («...Это удивительно, но каким-то немыслимым способом, с помощью различных зацепок, бюрократических крючков, административных параграфов, мы поставили лимитчиц, по сути, в крепостную зависимость от прописки...» Ю. Бутов, Ленинград).

«Безделицу позабыли» С. Власова, № 40 («...Подскажите, что нам сделать, чтобы принять участие в спасении музеев наших великих, прекрасных писателей К. Чуковского и Б. Пастернака, вы можете на нас положиться...» Аня Беспалова, Ира Чугунова, 17 лет, Москва).

И все же самое большое количество откликов мы получаем на наш ставший уже традиционным разворот писем «Слово читателя». Пожалуй, ничем мы в новом «Огоньке» так не гордимся, как вашими письмами, этими удивительно искренними, честными, острыми, забавными, злыми, умными посланиями в адрес журнала. Мои слова — не кокетство, не дань традиционно-банально-безразлично-уважительному отношению к голосу читателя. Нет, на самом деле без той почты, которую мы получаем, без читательской поддержки нам делать «Огонек» было бы очень сложно, наверное, невозможно.

Письма, приходящие сейчас в журнал,— это своеобразный слепок нашего времени, тех проблем, которыми живет страна. Еще совсем недавно основная часть почты состояла из жалоб, описаний различных склок, свар, дрязг, анонимок на начальников и т. д. и т. п. Теперь количество таких писем резко уменьшилось. Не думаю, что с жильем теперь замечательно, а начальники стали значительно лучше. Дело в другом. Просто хочется изменений не в мелочах, а по существу. Хочется идти вперед с поднятой головой, а не спрятанной в плечи, хочется не озираться, хочется не врать и не бояться, никогда и нигде.

Еще одна деталь последнего времени. Мы сейчас особенно остро чувствуем — наши читатели постоянно с нами, в одной цепочке с журналом, крепкой и неразрывной.

Только журнал «Молодая гвардия» вышел с нервно-волнительной статьей против нескольких изданий, в том числе и «Огонька», так тут же наши читатели обрушили просто шквал писем, телеграмм в поддержку позиции «Огонька». Не успела еще, кажется, высохнуть типографская краска на белорусском журнале «Политический собеседник», навесившем ярлыки и смешавшем в одну кучу роман А. Рыбакова «Дети Арбата» и рецензию на него, творчество Марка Шагала, прекрасный спектакль по пьесе М. Шатрова «Диктатура совести», созданный ребятами из минской школы № 93, и, естественно, журнал «Огонек», так тут же, немедленно, из Минска, Белгорода, Витебска, Гомеля, Бобруйска и даже села Белынковичи, со всей Белоруссии к нам полетели письма с вложенным внутрь журналом, с просьбой достойно ответить на эту странную публикацию. Мы были завалены «Политическим собеседником», просто непонятно было, куда его девать...

А сейчас мы не знаем, куда деваться от вырезок из днепропетровской газеты «Зоря» от 4 октября с передовой статьей главного редактора газеты Г. Бурейко. Читатели с Украины шлют нам их в большом количестве и пишут гневные, язвительные, недоумевающие, возмущенные письма (одно из них мы печатаем в сегодняшней подборке). Но, читаю в последней почте «Огонька», главному редактору «Зори» одной передовой показалось мало, и он через три недели решил пояснить свою позицию в редакционном послесловии к читательским откликам на передовую. Ничего в его взглядах, надо честно признать, не переменилось, по-прежнему правда, которая звучит сегодня громко и ясно, в том числе и со страниц «Огонька», вызывает у днепропетровской редакции глубокую тоску и нескрываемое раздражение. Так что ваше возмущение и ваша насмешливость, дорогие читатели, так понятны...

Вообще же, читая ваши письма, испытываешь прекрасное ощущение — мы вместе. Со своими друзьями, со своими единомышленниками. Мы постоянно чувствуем поддержку совершенно незнакомых людей, но удивительно близких и родных по духу. Спасибо вам! Спасибо и за поздравления с Октябрем, за многочисленные письма, телеграммы, пришедшие в наш адрес. «Все мы исходим из главного — из понимания того прекрасного факта, что именно дело Октября, высокие его идеалы объединяют нас»,— А. Крутов, Новосибирск.

Мы ждем новых писем!

Валентин ЮМАШЕВ,
редактор отдела морали и писем

ВНИМАНИЕ: КОНКУРС

«ЛУЧШИЙ ВРАТАРЬ»

Подходит к финишу футбольный сезон. На последнем заседании редколлегии мы обсуждали шансы голкиперов на получение приза «Огонька», который традиционно вручается лучшему вратарю года. Не скроем, прозвучало предложение в этом сезоне приз вообще никому не вручать, уж слишком неровно играют стражи ворот.

Было решено определить лучшего голкипера с помощью читателей. Просим любителей футбола включиться в конкурс «Лучший вратарь».

На открытке вы должны написать фамилию лучшего, на ваш взгляд, вратаря, и тот голкипер, кто наберет наибольшее количество голосов, станет лауреатом года. Последний срок отправки открытки (либо телеграммы) — 6 декабря.

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный проезд, 14.

Вера **ИНБЕР**
1890—1972

Начала печататься в 1910 году в Одессе, пройдя через многие литературные влияния. Обратила на себя внимание, написав одно из лучших стихов на смерть Ленина. Во время войны написала заметную поэму «Пулковский меридиан» о блокаде Ленинграда. Своими высказываниями о поэзии Вера Инбер, на мой взгляд, словно пыталась сделать все, чтобы забыли о ее декадентском прошлом.

ПЯТЬ НОЧЕЙ И ДНЕЙ

На смерть Ленина

И прежде чем укрыть в могиле
Навеки от живых людей,
В Колонном зале положили
Его на пять ночей и дней...

И потекли людские толпы,
Неся знамена впереди,
Чтобы взглянуть на профиль желтый
И красный орден на груди.

Текли. А стужа над землею
Такая лютая была,
Как будто он унес с собою
Частицу нашего тепла.

И пять ночей в Москве не спали
Из-за того, что он уснул.
И был торжественно-печален
Луны почетный караул.

1924.

СЕТТЕР ДЖЕК

Собачье сердце устроено так:
Полюбило — значит, навек.
Был славный малый и не дурак
Ирландский сеттер Джек.

Как полагается, был он рыж,
По лапам оброс бахромой;
Коты и кошки окрестных крыш
Называли его чумой.

Клеенчатый нос рылся в траве,
Вынюхивал влажный грунт;
Уши висели, как замшевые,
И каждое весило фунт.

Касательно всяких собачьих дел
Совесть была чиста.
Хозяина Джек любил и жалел,
Что нет у него хвоста.

В первый раз на аэродром
Он пришел зимой, в снег.
Хозяин сказал: «Не теперь — потом
Полетишь и ты, Джек».

Биплан взметнул снежную пыль,
У Джека — ноги врозь:
«Если это автомобиль,
То как же оно поднялось?»

Но тут у Джека замер дух:
Хозяин взмыл над людьми.
Джек сказал: «Одно из двух:
Останься или возьми!»

Но его хозяин все выше лез,
Треща, как стрекоза.

ДВИЖЕНИЕ ВРЕМЕНИ, ДВИЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

В канун Октябрьского юбилея в Ленинграде проходила Всесоюзная конференция на тему «Великий Октябрь: социалистический интернационализм, советский патриотизм и современная литература». Раздумья о судьбе отечественной культуры, готовность принять на себя ответственность за ее развитие отличали выступления ораторов, видных мастеров слова. Нельзя сказать, чтобы единодушие было полным, чтобы понимание задач, стоящих перед советской литературой, было однообразным. Заботясь об одном и том же — о необходимости сохранения высоких идейных и художественных достоинств литературы социализма, ораторы по-разному трактовали отдельные имена и события нашей истории. Ярким примером сегодняшних споров, направленных к выяснению истины, могут служить выступления главного редактора журнала «Молодая гвардия» А. Иванова и одного из старейших писателей В. Каверина, которые мы публикуем по стенограммам Всесоюзной конференции.

Анатолий **ИВАНОВ**

Жизнь человека-революционера никогда не бывает без лишений. Но она всегда прекрасна.

История народа-революционера никогда не бывает легкой, не бывает без потерь и утрат, но она всегда величественна. И прожитые нами годы после Октября, годы, наполненные борьбой за наши идеалы, за отстаивание с оружием в руках наших свобод, наполненные созиданием социализма, эту величественность ярко и убедительно подтверждают.

Безусловно, наши успехи были бы сейчас еще более грандиозны, если бы мы так рано не потеряли Ленина, будь у руководства партией и страной люди, обладающие такой же силой ума, прозорливости, таким же революционным гением. Но, увы, история была такой, какой была.

Ныне советское общество вступило в новый этап революционного обновления. С помощью гласности и ленинских демократических принципов критики сегодня смело вскрываются негативные явления в нашей жизни, устраняются их причины, расчищается путь для более ускоренного продвижения к великой нашей цели, провозглашенной Октябрем.

Перестройка и демократизация всех сторон нашей жизни уже породили и по мере их дальнейшего развития будут порождать все новые и новые социально-нравственные процессы в обществе, в самых глубинных слоях народных масс. И, конечно, процессы эти будут неоднозначны, порой противоречивы, как всегда противоречива жизнь, неизбежно будут возникать всюду, в том числе и в духовной жизни общества, и нежелательные явления, о чем здесь уже говорилось, особенно в докладе Ф. Кузнецова.

Советские писатели, все советские художники, конечно, станут пристально исследовать эти процессы, создавать на этом героическом и драматическом материале жизни свои произведения, в которых честно отобразятся как позитивные, так и негативные явления, возникающие в ходе перестройки, в ходе дальнейшей демократизации жизни общества. Ясно, что это будет в произведениях лишь писателей настоящих, больших мастеров, объективно исследующих жизнь, а не в спекулятивных сочинениях юрких дельцов от литературы, которых в отечественной словесности всегда было, к сожалению, немало.

В последнее время, читая некоторые журналы и газеты, смотря телевизор, слушая радио, я невольно задумываюсь: а не воспользовались ли некоторые недобросовестные люди, а может быть, и прямее сказать — некие недоброжелатели нашего дела, теми изменениями, той обстановкой, которая сложилась в обществе, в каких-то своих интересах, в каких-то недобрых целях, неприемлемых для нас?

За чистоту нашей идеологии уплачено очень дорого, и в основном кровью человеческой. Но не пустили ли мы ее в какой-то мере на самотек? Причем уже давненько. Вспомните, как когда-то некоторые писатели, особенно драматурги, начали сперва осторожненько, а потом все настойчивее и упорнее разрабатывать тему вражды поколений, противопоставляя так называемых прогрессивных детей их отцам, когда-то, мол, революционным, но затем обюрократившимся, переродившимся. На этой теме возникли и долгие годы процветали многие театры (например, московский театр «Современник»), на этой теме многие писатели и драматурги сделали себе карьеры...

Скажите, разве не было отцов-перерожденцев, обюрократившихся прежних революционеров и восставших против них детей? Были, конечно. И писать о них надо было. Да только вот как писать, сколько писать? Кто же, позволительно спросить у противопоставленцев детей отцам, поднял сплошь крестьянскую страну из разрухи гражданской войны, привел ее к годам войны Отечественной могучей индустриальной державой? Отцы-перерожденцы, что ли? Но вот об этом — о героических усилиях отцов в создании социализма, о передаче отцами детям революционной и трудовой, патриотической эстафеты — мы писали мало, а спектаклей вообще не ставили.

Далее, коль отцы были плохие, то их руководители еще хуже. Ладно, многие ретивые историки, публицисты, писатели, кинематографисты и т. д. трактовали всю дореволюционную историю России как сплошное мракобесие, сплошной кровавый террор и мрак, не видя в ней ничего прогрессивного. К сожалению, многие с этим почти уже смирились. Но в последнее время и вся послереволюционная история дается только в негативе. Давнее прошлое — сплошной мрак, а все 70 лет после Октября мрачны еще более, ибо все эти годы в Советском государстве царил террор, лилась кровь, царили несправедливость, неразбериха, и руководителей-то порядочных после Ленина в стране не было.

Я совсем не хочу восхвалять или оправдывать все действия бывших наших руководителей, будь то Сталин, Брежнев или кто-то иной. Но нет ли потребности все же задуматься о вышесказанном? Подумать хотя бы о том, есть ли еще в мире какая стра-

Джек смотрел, и вода небес
Заливала ему глаза.

Люди, не заботясь о псе,
Возились у машин.
Джек думал: «Зачем все,
Если нужен один?»

Прошло бесконечно много лет
(По часам — пятнадцать минут).
Сел в снег летучий предмет.
Хозяин был снова тут...

Пришли весною. Воздушный причал
Был бессолнечно-сер.
Хозяин надел шлем и сказал:
«Сядьте и вы, сэр!»

Джек вздохнул, почесал бок,
Сел, облизнулся — и в путь!
Взглянул вниз и больше не смог —
Такая напала жуть.

«Земля бежит от меня так,
Будто я ее съем.
Люди — не крупнее собак,
А собак не видно совсем».

Хозяин смеется. Джек смущен
И думает: «Я — свинья.
Если это может он,
Значит, могу и я».

После чего спокойнее стал
И, повизгивая слегка,
Только судорожно зевал
И лаял на облака.

Солнце, скрытое до сих пор,
Согрело одно крыло.
Но почему задохнулся мотор?
Но что произошло?

Но почему земля опять
Стала так близка?
Но почему начала дрожать
Кожаная рука?

Ветер свистел, выл, сек
По полным слез глазам.
Хозяин крикнул: «Прыгай, Джек,
Потому что... ты видишь сам...»

Но Джек, припав к нему головой
И сам дрожа весь,
Успел сказать: «Господин мой,
Я останусь здесь...»

На земле уже полумертвый нос
Положил на труп Джек.
И люди сказали: «Был пес,
А умер, как человек».

1923.

Николай АШУКИН
1890—1972

Литературовед, библиограф. Печататься начал в 1906 году. Выпустил сборники «Осенний цветник», «Скитания». Составитель знаменитой книги «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения».

РАЗЛУКА

Придет весна. Весна обманет.
Мечты насмешливо солгут.
Твой бледный день ненужно канет,
И тихо сумерки придут.

Старуха мать уйдет к вечерне.
Ты грустно сядешь у окна.
Душа замолкнет суеверней,
И будешь ты — совсем одна!..

Платочек беленький сжимая,
Слезу с ресниц смахнет рука,
И затомят тебя, сжигая,
Любовь и ревность и тоска.

* * *

Пусть ты была лишь вымысел прекрасный,
Но в прошлых днях я был любим, влюблен,
А наяву, во сне ли — сон неясный —
Вся жизнь! И сам я тоже — чей-то сон...

на, где бы так очерняли, так односторонне трактовали, если хотите, так втаптывали в грязь свою историю?

Почему же мы подобное допускаем? И задумываемся ли всерьез, что же из этого получается? Раз мы свою историю (и дореволюционную, и послереволюционную) очерняем, отцов противопоставили детям, выставив перерожденцами, объяснили молодежи неприглядную сущность почти всех бывших руководителей Советской страны, виновных во всех наших непорядках, тогда не логично ли прозвучал со страниц «Комсомольской правды» страшный вопрос некоего молодого человека: «Как мне жить дальше?» Я думаю — логично, ибо у этого молодого человека уже отняли историю его народа, уже заставили его поверить в бесперспективность социалистической системы, а значит, в бесперспективность своей дальнейшей жизни.

Если мы и впредь будем так фальсифицировать и очернять свою историю, вычеркивать из нее все героическое и патриотическое, то в дальнейшем можем услышать и не такие вопросы.

А дело-то, увы, обстоит так, что подобные негативные явления в нашей исторической науке, в нашей литературной, культурной среде пока нарастают. А надлежащего отпора им, увы, нет. Вот хотя бы взять ту волну газетных и журнальных публикаций, содержанием которых является коренная переоценка наших признанных духовно-нравственных ценностей. Ну, скажем, в нашем писательском мире — Шолохов уже вроде бы не Шолохов, Леонов — не Леонов, Алексей Толстой — не Алексей Толстой, а так... средненькие беллетристы. Когда-то Троцкий объявил их в числе многих талантливых русских писателей «присоединившимися» к молодой советской литературе, или «попутчиками». В одной своей книжице он написал о них так (цитирую): «Присоединившиеся» ни Полярной звезды с неба не снимут, ни беззвучного пророка не выдумают. Но они очень полезны — пойдут навозом под новую культуру».

Похоже, что ныне некоторые литературные деятели воспринимают эти слова злейшего врага Ленина, революции и Советского государства как завет. Во всяком случае, на замену этим всемирно признанным художникам, глубже других и лучше всех других исследовавшим и отобразившим в своих произведениях ход революционных процессов в России, торопливо объявляются пачки новоявленных гениев: это и Пастернак, и Мандельштам, и многие, многие другие. Вениамин Каверин недавно в своей статье назвал гением даже Зощенко. Правда, неловко и стыдливо, но все же выговорил это слово. Диву даешься, чего в подобных действиях больше — несерьезного или упорного желания во что бы то ни стало пойти наперекор истории.

В нашей печати сейчас свободно публикуются и взахлеб прославляются убежденные противники нашей революции, клеветавшие на нее в своем творчестве, типа Зинаиды Гиппиус, о чем здесь уже говорил Ф. Кузнецов, или художника-модерниста Марка Шагала (тоже, кстати, объявленного гениальным). Зачем все это делается? Не стоит ли все-таки задуматься, почему некоторые органы печати и литературные деятели с удивительной расторопностью бросились заполнять определяемые ими «белые пятна» в литературе, уценять давно и справедливо оцененное народом и временем, зачеркивать старые заслуженные имена и буквально навязывать людям сомнительные художественные эталоны? Делается это методом давно знакомым. Тот же Троцкий называл Льва Толстого «замшелой каменной глыбой», а Горького — «псаломщиком культуры».

Пора бы понять разного рода гениеобъявителям, что только народ, только время определяют и называют гения за его реальные заслуги перед человечеством. А всем нам пора бы квалифицировать подобные действия новоявленных гениеобъявителей если не враждебными по отношению к истинным духовным ценностям народа, то уж по крайней мере антипатриотическими.

Я коснулся всего двух-трех негативных явлений в идеологической сфере, а их проявилось сейчас немало. Но каждое должно получить очень четкую и ясную партийную оценку. Ибо только по-ленински ясное, целенаправленное и крепкое идейно-политическое обеспечение всякого дела, в том числе и дела перестройки,— залог его успеха.

Мы прожили 70 сложных, нелегких послеоктябрьских лет и должны в полной мере воспользоваться опытом и уроками прожитого. Ныне мы еще пристальнее должны всматриваться в нашу революционную, героическую историю, в каждый год, в каждый день, в каждый час народной жизни и видеть не одни ошибки, упущения, потери, а все отчетливее видеть и понимать те грандиознейшие победы и достижения людей всех послеоктябрьских поколений. Видеть и понимать, чтобы рассказать о них нашим потомкам.

Вениамин КАВЕРИН

Не буду повторять общеизвестных истин. Мы, без сомнения, находимся в новой, еще небывалой полосе развития нашего общества. Глубокие перемены не продиктованы, необходимость их породило само время. Одни эти перемены восторженно приветствуют, другие ими недовольны, и это недовольство подчас переходит в глухую злобу.

Это процесс естественный, сопровождающий любое развитие. Существенно и ново то, что никто не мешает спорить.

Борьба идет между теми, кто думает главным образом о себе, то есть как отразятся на его судьбе происходящие в стране грандиозные перемены, и теми, кто думает не о себе, а о литературе.

Первые считают, что восстановление исторической справедливости по отношению к Зощенко, Пастернаку, Платонову и другим первоклассным писателям бесполезно, если не вредно, а вторые считают, что это необходимо, потому что с такой ношей злобных несправедливостей, незаслуженных обид и, наконец, просто преступлений литература не может двигаться вперед или должна двигаться на подгибающихся ногах. Первые побаиваются, что их установившееся высокое положение может пострадать, когда будут опубликованы и уже публикуются шедевры, которые способны вывести нашу литературу на мировую магистраль, и становится ясно, что в сравнении с этими шедеврами их произведения ничего не стоят. А вторые думают, что мы должны снять грубые, бессовестные, лживые обвинения с Мандельштама, Ахматовой, Зощенко.

К первым принадлежит Анатолий Иванов, а ко вторым Василь Быков, Сергей Залыгин, Григорий Бакланов, Даниил Гранин, Анатолий Рыбаков.

Для первых характерно плохое знание истории советской литературы, для вторых — радость, что восьмидесятые годы напоминают двадцатые, когда литература и история литературы стояли рядом.

Анатолий Иванов где-то прочел, что я назвал Зощенко гением. Но высоко оценивая Зощенко, я шел вслед за Горьким, который считал Зощенко одним из самых талантливых писателей, а среди группы «Серапионовых братьев», в которую входили Федин и Тихонов,— самым талантливым. По совету Горького Зощенко написал свою «Голубую книгу», недаром он посвятил ее Горькому. Да, я считаю его выдающимся писателем. Да, то, что его выставили на 10 лет в стеклянной клетке на позорище, называли его, офицера царской и Красной Армии, награжденного в 21 год пятью орденами, благородного, мужественного писателя, открывшего совершенно новую полосу в русском литературном языке, трусом и подонком, было преступлением.

Можно бы все это назвать и глупостью, если бы эта глупость не опозорила 40-е и 50-е годы нашей литературы.

Анатолий Иванов — не один. К сожалению, так думают и другие. К счастью, немногие. Подавляющее большинство не сетует, а приветствует перемены, происходящие в нашей литературе. Литература — зеркало общества, и оно отражает небывалую с середины двадцатых годов картину жизни, полную размышлений о прошлом и настоящем.

Кто зачеркивает старые заслуженные имена? Кто считает, что Шолохов — не Шолохов? Ал. Толстой — не Ал. Толстой? Кто утверждает, что Леонов — «средненький беллетрист»? И при чем здесь давно забытый Троцкий, самое имя которого в этой борьбе консерваторов с передовыми писателями вызывает недоумение? Все это, как говорится, взято с потолка, а вернее, не с потолка, а из арсенала печально известной критики 30—40-х годов.

Такую аргументацию мне приходилось слышать от тех, кто не знает, что Маяковский и Пастернак были друзьями, принадлежали к одной литературной группе и очень высоко ценили друг друга. Кто не понимает, какое место занимают в нашей литературе Платонов и Цветаева. Кто мечтает о том, чтобы восстановить мнимую литературу, на которую ушли тонны бумаги. Кто не понимает, почему застрелился Фадеев. Кто считает Ахматову блудницей с мистическим уклоном. А «Серапионовых братьев», будущих руководителей Союза советских писателей,— реакционной группой. Кто страстно не желает никаких перемен в литературе, потому что, если эти перемены будут продолжаться, любой школьник покажет пальцем на иного литератора и скажет: «Король гол».

Да, мы уже дышим нашим будущим. И мне думается, что есть все основания надеяться, что оно будет счастливым для нашей многострадальной литературы.

После появления в № 34 «Огонька» очерка народного художника СССР Бориса Ефимова «Тайна судьбы Михаила Кольцова» редакция получила много писем от наших читателей с просьбами продолжить публикацию воспоминаний известного мастера политической сатиры.

НАДО ЛИ "ВОРОШИТЬ ПРОШЛОЕ"?..

Борис ЕФИМОВ

Что заставляет человека, особенно на склоне лет, возвращаться к давно минувшим нерадостным событиям? Зачем об этом вспоминать? Кому это нужно?

Разумеется, я не имею в виду тех, кому обращение к прошлому положено, так сказать, по штату, по профессии,— историков, исследователей, литературоведов. А должны ли этим заниматься «простые смертные»? Они-то зачем берутся за перо?

Думаю, вовсе не для огульного очернения прошлого нашей страны, в котором было так много замечательных дел и героических свершений. А для того, чтобы не пропала без следа память о бессмысленно загубленных честных советских людях, которые, кстати сказать, в эти великие свершения внесли свою немалую долю.

Смысл воспоминаний о трагедии этих людей кроется, на мой взгляд, в высоком и человечном явлении сопереживания, когда твои чувства смыкаются с чувствами сотен и тысяч других людей, твои переживания — с их переживаниями, твоя боль — с их болью. Когда ты четко ощущаешь некую «цепную реакцию», которую в их памяти пробудило твое воспоминание. Когда ты понимаешь и веришь, что слезы, с которыми они, как сами о том мне пишут и говорят, читали о судьбе Кольцова, были и слезами об их бесследно исчезнувших братьях, отцах, мужьях, сыновьях...

Только поэтому я беру на себя смелость снова вернуться в минувшие годы и кое-что добавить к тому, о чем я рассказал в предыдущем своем очерке.

...Напомню, что раннее утро 13 декабря 1938 года принесло мне весть об аресте брата. Думаю, нет надобности распространяться о том, что я испытал в эту минуту. Это состояние хорошо знакомо всем тем людям, а их миллионы и миллионы, кого вот так же внезапно и оглушающе, беспощадно и необратимо ударила «похоронка», весть о гибели самого близкого человека. При этом я нисколько не сомневался, что мне находиться на свободе остаются какие-то считанные часы, в лучшем случае дни. По неписаным, но прочно установившимся законам того времени мне «полагалось» последовать за братом.

В тот недобрый день я вполне четко и трезво оценивал свое положение. Я понимал, что там отлично знают мою близость к брату и, естественно, осведомленность обо всех его делах, настроениях, планах. И с точки зрения тех, кто, очевидно, уже сфабриковал против Кольцова «дело» об измене Родине, самый близкий к нему человек, то есть я, не мог не принимать в этом участия или, во всяком случае, не мог не знать о вражеских замыслах своего брата. Немного удивляло только то, что меня не арестовали одновременно с Кольцовым. Впрочем, это могло быть только случайной и легко поправимой «технической накладкой». Вот почему не следовало убаюкивать себя, а деловито, по-мужски приготовиться к дальнейшему...

«Но что же случилось?—мучительно размышлял я.— Что же вдруг произошло? Ведь со времени памятного доклада у Сталина в мае 1937 года, когда брату показалось, что его активная деятельность в Испании вызвала некую зловещую настороженность у всегда подозрительного хозяина, прошло полтора года. Срок немалый. И как будто ничего плохого за это время не случилось. Не случилось? Как знать...»

Конечно, в ту декабрьскую ночь я еще не мог знать об известном письме Ф. Ф. Раскольникова, в котором он бросает в лицо Сталину гневные слова обвинения в деспотизме, жестокости, кровом произволе, в котором он спрашивает Сталина: где Борис Пильняк? где Сергей Третьяков? где Михаил Кольцов? где Всеволод Мейерхольд?

Это письмо тогда еще не было написано. Но, мысленно опережая время, нетрудно представить себе, в какую ярость оно привело Сталина, какую роковую роль оно могло сыграть в участи упомянутых в нем людей.

Раскольников... Федор Федорович... Они были с Кольцовым дружны, общались, как принято говорить, домами. Кстати, с Раскольниковым у меня связано одно воспоминание, курьезное, забавное. Оно мало гармонирует с трагическими событиями, о которых идет речь. Но вот... вспомнилось...

Лето 1923 года. В Кремле какое-то большое совещание. Я стою рядом с Кольцовым в кулуарах вблизи Андреевского зала, с интересом наблюдаю вокруг, рассматриваю известных всей стране людей. И тут мы с Мишей одновременно замечаем: неподалеку остановилась небольшая группа весьма видных товарищей. Я узнаю среди них Бухарина, Чичерина, Радека, Сталина. В руках у Бухарина номер «Огонька». Указывая на что-то напечатанное в журнале, он заразительно хохочет, откидывая назад голову. Беззвучно трясется от смеха Чичерин. Поблескивая большими очками, хихикает Радек и даже сдержанный Сталин усмехается в густые усы. Мы с Мишей переглянулись.

— Гм... Интересно, что их там так рассмешило?— пробормотал редактор «Огонька» несколько встревоженно. В этот момент Бухарин заметил брата и, продолжая смеяться, жестом попросил подойти. Я вижу, как Кольцову показывают что-то в журнале и снова смеются. Улыбается и Миша, но как-то кисло и возвращается ко мне явно расстроенный.

— В чем дело? — спрашиваю я шепотом.

— Да чушь какая-то. Но, в общем, неприятно. Что же оказалось?

Что так рассмешило столь незаурядных читателей «Огонька», который, напомним, только три месяца как начал выходить в свет? На обложке июньского номера журнала (№ 11) напечатана фотография со следующей подписью:

«Полномочный представитель РСФСР в Афганистане Ф. Ф. Раскольников (сидит на слоне), отзыва которого потребовало английское министерство иностранных дел, посещает город и крепость Джелалабад, вблизи Кабула».

На снимке действительно отлично виден Раскольников, сидящий в паланкине на спине огромного слона. По лесенке, приставленной к слону сбоку, спускается Лариса Рейснер, вокруг — разные «сопровождающие лица».

В чем же была причина смеха? А в том, что если подпись под фото прочесть вслух, то получается, что английское министерство требует отзыва... слона, на котором сидит полпред, а не самого полпреда.

— Ч-черт... Действительно, идиотский ляпсус,— ворчит брат,— хотя орфографически здесь все правильно. «Сидит на слоне» взято в скобки. Но все равно звучит смешно. Досадно... Теперь Бухарин будет до-олго издеваться по этому поводу.

...А вот всплывает еще один «кадр» воспоминаний, уже значительно более серьезный. Это было позже, в 1924-м. Брат как-то мне рассказывает:

— Знаешь, меня на днях вызывал Сталин. Очень любопытно.

— Зачем? — спросил я с интересом, но совершенно спокойно: имя Сталина тогда еще не вызывало такого страха, его еще не именовали «хозяином».

— А вот послушай. Мне позвонили, я приехал в ЦК, поднимаюсь на четвертый этаж, вхожу. Както странно — ни души. Ни секретарей, ни помощников. Тут из какой-то боковой двери выходит сам Сталин, здоровается и ведет к себе в кабинет. Садимся, и он сразу к делу:

«Товарищ Кольцов. «Огонек» — неплохой журнал. Разнообразный, живой. Но у некоторых товарищей членов ЦК есть мнение: в журнале замечается определенный сервилизм».

«Сервилизм? А в чем, товарищ Сталин?»

«Да, сервилизм. Угодничество. Некоторые товарищи члены ЦК говорят, что вы скоро будете печатать, по каким клозетам ходит товарищ Троцкий».

— Сначала я даже растерялся,— рассказывал мне Миша,— уж очень это было откровенно, а потом говорю: «Товарищ Сталин. «Огонек» — журнал массовый, для широкой аудитории, и мы считали, что в наши задачи входит рассказывать народу о его вождях, об их деятельности, работе, отдыхе, деталях их жизни и биографии. Мы и поместили подборки фотоснимков «День Калинина», «День Рыкова», «День Троцкого», другие. А не так давно мы напечатали фотографию окна, через которое бежал товарищ Сталин в Батуми в 1902 году, когда полиция нагрянула в подпольную типографию, им организованную».— Сталин, как-то прищурившись, недоверчиво на меня посмотрел и сказал:

«Товарищ Кольцов. Я передал вам мнение членов ЦК. Учтите в дальнейшей работе. Всего хорошего».

Рассказывая об этом разговоре, Миша прибавил полушутя:

— Вот я и получил, по сути дела, выговор от Генерального секретаря.

...И я размышляю: при феноменальной памяти Сталина в потайных ее уголках вполне могло сохраниться, что уже в далеком прошлом Кольцов рекламировал в «Огоньке» Раскольникова с нелепым слоном, там же печатал в изобилии фотографии многих осужденных руководителей да еще пытался втереть ему, Сталину, очки этим жалким «окном».

Обо всем этом я размышляю, бродя в ту декабрьскую ночь по заснеженной Москве.

Где-то около пяти часов утра я подхожу к автомату и набираю номер своего телефона.

— Аллоу!— слышится в трубке голос жены. (Это означает, что «незваных гостей» нет.)

— Иду,— откликаюсь я.

Так прошла эта первая ночь. Так же прошла и вторая. Я уже не уходил из дому, но был готов. Прошла неделя. Прошла другая, и тут я начал приходить к выводу, что по какому-то капризу судьбы, воплотившемуся в каприз одного человека, в отношении меня «судеб вершителем земным» было определено:

— Не трогать.

А раз так, то надо было подумать о работе, о заработке.

Конечно, нечего было и рассчитывать на то, чтобы по-прежнему печататься в газетах, в журналах. Это стало мне особенно ясно после разговора с исполнявшим тогда обязанности редактора «Известий» Я. Г. Селихом. Это был человек, много лет друживший и с Кольцовым, и со мной, доброжелательный и честный.

Тщательно прикрыв дверь кабинета, он посокрушался по поводу происшедшего, хотя и както осторожно, избегая каких-либо определенных суждений и позволяя себе только общего характера восклицания.

В один из первых дней 1939 года я снова сидел в кабинете Селиха. Он был так же дружелюбен, но уже не сокрушался.

— Вот что я вам скажу,— многозначительно и почти торжественно начал он.— О вашей работе в «Известиях» мы ничего плохого, кроме хорошего, сказать не можем. И потом, кто в конце концов знает, что Борис Ефимов — это брат Михаила Кольцова?

— Ну, Яков Григорьевич, это довольно широко известно.

— Да бросьте вы!— загремел Селих.— Об этом знают каких-нибудь сто человек в Москве, а наша газета имеет миллионный тираж.

Такое начало разговора звучало обнадеживающе. «Наверно,— подумал я,— относительно меня запросили, где надо, и получили благоприятный ответ».

— Но если меня спросят,— продолжал Селих,— будем ли мы вас печатать в «Известиях», то я отвечу: нет, не будем.

Я обалдело уставился на Селиха, несколько ошарашенный таким неожиданным выводом.

— Да, не будем. И вы это сами хорошо знаете. Но мы вас ни к чему не принуждаем. Хотите —

Продолжение на стр. 14.

С. В. ГЕРАСИМОВ. 1885—1964. ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ! 1957.

Творчество С. В. Герасимова отличает удивительная широта диапазона — он автор многочисленных пейзажей, портретов, тематических полотен, иллюстраций. Секрет успеха картины «За власть Советов!», посвященной героям гражданской войны в Сибири, кроется в глубоком проникновении в эпоху, близости художника к жизни, стремлении к ясному живописному языку, правдивости психологических характеристик исторических образов.

В. А. МЯГКОВ. Род. 1936. Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ В КИЕВЕ. 1977.

ПАЛИТРА
ЭРЫ
ОКТЯБРЯ

Украинский художник послевоенного поколения, В. Мягков обращается к историко-революционной теме через жанр портрета, стремясь осмыслить человеческую личность в тесном сопряжении различных эпох.

Работая над полотном «Ф. Э. Дзержинский в Киеве», художник не ставил своей целью создание точного образа с достоверными подробностями, а стремился к обобщению, позволяющему увидеть за конкретным лицом воплощение высокой духовности, долга, героики прошлого.

Николай ФЕДОРЕНКО,
главный редактор журнала «Иностранная литература»

В МИРЕ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В тревожном нашем мире все еще царит разобщенность культур. И это, вне сомнения, лишь усугубляет недоверие в отношениях различных стран Запада и Востока.

Тем более важно языком литературы, через искусство слова стремиться к достижению взаимопонимания. И нам отрадно отметить, что в свет вышла сотая книжка библиотеки журнала «Иностранная литература» — сборник рассказов английского писателя В. С. Притчетта «Фантазеры».

Библиотека, как и журнал, стремится знакомить читателей с лучшими произведениями зарубежной литературы, стирать белые пятна на литературной карте XX века. Для примера можно привести эссе Жанна Кокто и дневники Франца Кафки. Читатели пишут: «Ваша библиотека становится самостоятельным культурно-эстетическим явлением».

Естественно, возникает вопрос об аналогах, о взаимном уважении — издании книг русских и советских авторов в крупнейших странах Запада, таких, как Соединенные Штаты Америки, ФРГ, Великобритания, Франция... Отвечают ли они тем же, стремятся ли к тому, чтобы читатели Запада знали нашу литературу в ее лучших образцах?

Увы, на это пока можно лишь надеяться... На Западе все еще действует политическая предубежденность, боязнь правды о Советском Союзе.

Сто книжек тиражом по пятьдесят тысяч экземпляров — существенный вклад в духовную жизнь общества. Рассказы и повести выдающихся писателей XX века: Анны Зегерс и Ярослава Гашека, Ясунари Кавабата и Кобо Абэ, Джеймса Джойса и Дэвида Герберта Лоуренса, Хорхе Луиса Борхеса и Дино Буццати, Кэтрин Энн Портер и Джона Гарднера, Патрика Уайта, Германа Гессе и других — для многих читателей стали настоящими литературными открытиями.

У подавляющего большинства людей, живущих в разных частях планеты, нет более важных стремлений, чем учиться, созидать, любить, растить детей. Это та основа, на которой создается общность идеалов всего человечества, делающая символику художественных образов понятной всем представителям многоязыкой семьи землян. Писательское слово — проявление человеческой души. И, если над ней нависает угроза, мастера пера находят общий язык вне зависимости от религиозной, политической или национальной принадлежности.

Трудно себе представить, что какая-либо литература может сегодня существовать и творчески развиваться обособленно. Художественные достижения одного народа быстро становятся в современных условиях достоянием всех наций и стран (достаточно назвать Гарсиа Маркеса). Процесс сближения различных национальных литератур обретает все новые аспекты в движении самой жизни. Еще не так давно нежелание печатать то или иное переводное произведение у нас сопровождали отговоркой: читатель едва ли поймет его или поймет неправильно. А наш читатель тем временем уже научился понимать лучше иных издателей. Я бы сказал, сейчас у нас сложилась уникальная читательская аудитория. И тон в ней задает читатель пытливый, интеллигентный. По крайней мере именно такому мы и адресуем книжки нашей библиотеки.

Может быть, здесь не место говорить о недостатках. Они у нас были и есть. И мы их исправляем. Свежо в памяти время, когда из-за чиновного рвения и некомпетентности бойкотировались отдельные писательские имена, произведения, вымарывались абзацы из книг. Наши идейные противники ловко всем этим пользовались да к тому же еще выдавали талантливых, всемирно известных писателей, художников за «борцов с коммунизмом». Взять хотя бы Франца Кафку. Познакомившись с его «Дневниками», любой непредубежденный читатель увидит, как страдал этот выдающийся и честный мастер от буржуазной бездуховности, сколь антибуржуазно по своему заряду его творчество, в каких бы странных формах ни выражался его протест. А ведь западные недоброжелатели не без помощи наших доброхотов долгое время навязывали концепцию антигуманизма всего творчества Кафки... Теперь мы отдаем долги и мировой литературе, и нашей читательской общественности, тем самым не только обогащая нашу духовную жизнь, но и показывая широту наших критериев, наше идейное и культурное превосходство.

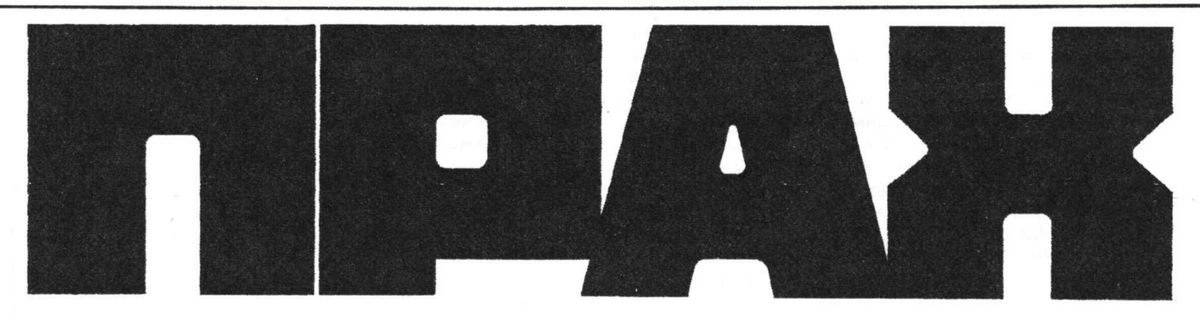
В ближайшие годы советских читателей ждут в «Библиотеке журнала «Иностранная литература» книги Райнера Марии Рильке, Эмиля Ожье, Веркора, Ингмара Бергмана. В планах библиотеки фигурируют имена Роберта Пенна Уоррена, Маргерит Юрсенар, Дилана Томаса, Сэмюэла Беккета, Марио Варгаса Льосы, Гилберта Кита Честертона, Герберта Эрнста Бейтса, Реймона Радиге, Андре Мальро и многих других.

Нетрудно заметить, что наши авторы представляют разные литературные школы и направления. Но всех их объединяет художественный талант, гуманизм творчества и тот заметный след, который они оставили в духовной культуре своих народов.

* * *

Предлагаем читателям «Огонька» новеллу из сборника, который вскоре выйдет в серии «Библиотека журнала «Иностранная литература».

Артуро УСЛАР ПЬЕТРИ

Артуро Услар Пьетри (родился в 1906 году) — крупнейший венесуэльский писатель, критик, социолог, политический деятель. Член Венесуэльской академии языка и Национальной академии истории. С именем А. Услара Пьетри связаны новаторские тенденции в венесуэльской прозе, в его произведениях черты европейского авангардизма слились с национальными фольклорными традициями. Первая книга писателя, «Варрава и другие рассказы», вышла в 1928 году. Затем последовали исторические романы «Алые копья», «Путь Эль Дорадо», романы из цикла «Лабиринт фортуны», «Заупокойная месса» (русский перевод — 1984), сборники рассказов «Сеть», «Тридцать человек и их тени», «Шаги и прохожие» и др. «Испано-американская литература,— писал в одном из эссе А. Услар Пьетри,— метиска от рождения... Все здесь стремится к слиянию: традиции и современность, народность и рафинированность, рационализм и магическое начало». Сказанное в полной мере можно отнести к творчеству самого писателя.

Он снова приподнял тряпки, которыми только что с величайшей тщательностью укрыл слитки, быстро глянул: на темном дне сундука золото сверкнуло желтым густым светом.

Постоянная тревога, постоянное стремление увериться, что золото на месте,— это и есть болезнь, которая точит его. Мгновенная, видная ему одному вспышка в глубине сундука, и сразу спадает жар, наступает покой — на какое-то время.

Он опускает крышку, садится на сундук, опершись локтем на подоконник, прижав потную ладонь к пылающей, обросшей щетиной щеке. И так сидит долго, как бы в дремоте, тяжело дыша полуоткрытым ртом.

В глубине маленькой спальни — кровать со смятыми простынями. В головах, на белой стене — деревянное распятие. Под распятием — шандал с горящей свечой. Тяжелая дверь закрыта. В углу — куча разноцветной одежды; на единственном стуле — еще какое-то тряпье, к спинке прислонена тяжелая шпага, рядом на полу — глиняный кувшин с водой. Забытье постепенно проходит. Он приоткрывает глаза, видит яркое пламя свечи, темные углы; повернув голову, жадно всматривается в вечерний свет, плывущий над колокольнями и крышами города. Постоялый двор стоит в верхней части узкой улицы, улица, петляя, спускается вниз, вливается в порт. Время от времени из-за крыши какого-нибудь домика выглядывает, покачиваясь, мачта, ему даже кажется, будто он видит, как дрожат в воздухе отблески волн.

Улица пуста. Потом слышится стук копыт, появляется лошадь, нагруженная мехами с вином; следом, напевая, шагает погонщик. Прошел солдат и скрылся за дальним углом, сверкнули на солнце латы. На колокольнях зазвонили к мессе.

Он перекрестился дрожащей рукой. Качалось пламя свечи, колеблющиеся тени полога, стула, шпаги ложились по стенам. Кувшин походил на отрубленную голову.

Высоко к потолку тянулась тень распятия, длинная, будто чье-то уродливое лицо. Потрескивало дерево.

Кажется, никогда еще не был он так безнадежно, так отчаянно одинок, так далек от родного

дома, и все же темнота, что вползает в окно,— это ночь его детства, ночь Испании, родина снова принимает его под свое широкое крыло.

Он глубоко вздохнул, легкие словно высохли, воздух с трудом проникал в них. Влажный воздух, липкий, как кровь. И такой же запах, как в той жуткой башне. Посредине лежал там огромный камень, облепленный засохшей кровью, на камне приносили жертвы, и в глубине в полутьме стоял Уичилобос.

Чьи-то шаги на лестнице, он прислушался в смятении и ужасе. В дверь постучали.

— Не надо ли вам чего-нибудь?

— Нет, ничего.

Шаги стали удаляться, но сердце все еще бешено колотилось. Он собрал силы, крикнул:

— Где я?

Шаги остановились, сквозь толстую дверь послышался приглушенный голос:

— Господи, да в Пуэрто-де-Палос, капитан.

И снова все мало-помалу погрузилось в тишину, а он кое-как дотащился до кровати и лег, вновь одинокий, всеми покинутый.

Приподняв тяжелые веки, увидел в открытом окне звезды. Постепенно сознание возвращалось, он вспомнил, где находится. Лежит на постоялом дворе, он здесь уже несколько дней, потому что внезапно заболел.

Опять шаги на лестнице, кто-то грубым голосом заговорил за дверью. Потом, приоткрыв одну створку, втиснулся человек, толстый, неопрятный, мерзкий. Как бы ища защиты, больной взглянул туда, где стоял сундук, в нем лежали золотые слитки, в нем таился желтый свет, вечный, несущий успокоение. И тотчас понял, что вошедший проследил направление его взгляда, мало того — он знает, что в сундуке. Ужас ознобом прошел по телу.

Трактирщик назойливо-хрипло бубнил что-то, он не слушал, в болезненном волнении, в страшной тревоге лихорадочно громоздил одну догадку на другую.

Трактирщик, конечно, все понял. Он вспомнил, как в поисках пристанища явился из порта сюда, на постоялый двор, гонимый болезнью. Два человека тащили за ним тяжелый сверток. И с самого начала хозяин то и дело слишком внимательно поглядывал на сверток, маленький, а такой тяжелый. Капитан приплыл из Америки, где улицы мостят золотом, куда в жажде богатства устремилась половина Испании. Хозяин шел за свертком, как собака за дичью, пока не увидел наконец, как сверток опустили в сундук.

Вот и сейчас, разговаривая с ним, хозяин незаметно посматривает на сундук, и глаза его блестят. Больной не слушает хозяина, настороженно следит за направлением его взгляда. Он лежит на кровати, глядит на трактирщика снизу, и тот кажется ему огромным. Грозный великан все растет, а шпага, что стояла, прислоненная к спинке стула, исчезает, растворяется в полутьме.

Это похоже на те мучительные, немыслимые кошмары, что потрясали его душу в детстве. Он видел стену, которая росла, тянулась вверх и наконец рушилась, погребая его под обломками. Или он летел с замирающим сердцем в пропасть, и не было этому полету конца.

Голос отца пробуждал его, он поднимался с жесткой постели, весь еще там, в ночи, в кошмаре, съедал кусок черствого хлеба и выходил на улицу городка, пронизанную холодным светом раннего утра. И тотчас же начинали звонить на колокольне, и старухи выходили из домов, брели к церкви. Он шагает мимо дома нотариуса, там спят спокойно, с чувством собственного достоинства. Он вспоминает длинное лицо нотариуса, его черный костюм и церемонные жесты. Рядом — большой дом священника, священник толст, любит подарки, добрых каплунов, дружеские пирушки. Так шагает он мимо жизни родного городка, и, наконец,— загон, громкое хрюканье, он должен пасти свиней. Вот она, его боль, его мука. Нет, он не смирится, не останется всю жизнь свинопасом, но карьера нотариуса или священника его тоже не прельщает. Он хочет иметь много денег, у него будут женщины, слуги, пажи, лошади, дворцы. А ко всему этому лишь одна дорога — по морю на каравеллах, что отплывают в Новый Свет.

В тревожной полудреме предрассветных часов, когда, еще не совсем проснувшись, он мечтал без конца о чудесных приключениях, созревало решение.

Снова заговорил хозяин постоялого двора, грубый голос вернул его к действительности. Хозяин предлагал привести врача, пусть посмотрит больного, и еще хорошо бы заказать молебен, это недорого. Нет, он не хочет, ни в коем случае. Они войдут в комнату вдвоем, легко будет с ним справиться, задушат его и возьмут сверток из сундука.

— Нет, нет!— вскричал он громко, в отчаянии. Трактирщик вышел, прикрыв за собой дверь, а он лежал и представлял себе, как его душат, как уносят золото. Нет больше маленького свертка, и он... Он снова такой, как в те ранние утра, когда отец будил его, он поднимался со своего жалкого ложа и шел пасти свиней. Все исчезло, рассыпалось в прах: лишения, битвы, тревоги. В одну секунду жизнь потеряла смысл. Невозможно, немыслимо. Холодный пот тек по всему телу. С невероятным трудом поднялся он с кровати, взял шпагу и, опираясь на нее, как на трость, добрался до сундука; поднял крышку. Слитки лежали на месте.

Глубокий радостный вздох вырвался из груди; он опустился на край открытого сундука. Привалился спиной к холодной стене. Он был счастлив, по-настоящему счастлив. Опустил руку в сундук. Медленно скользя пальцами по дну, добрался до слитка. Мгновенное, всегда нежданное волнующее прикосновение. И — отблески, искрящиеся пятна, как на шкуре ягуара.

Наверное, это то самое золото, точно так же сверкало оно тогда в полутьме.

Он въехал со своим отрядом в побежденный, взятый штурмом город. Под ярким солнцем, под синим небом слепили белизной башни и плоские крыши. У подножия крутой лестницы он спешился, оставил коня одному из солдат и стал подниматься в сопровождении небольшого конвоя, перепрыгивая через бронзовые трупы индейцев, темневшие на голубом камне. Он привык уже к этим мертвецам, плосколицым, с узкими глазами и блестящими гладкими волосами. Наверху открывался узкий проем — вход в храм. Иногда слышался далекий одинокий мушкетный выстрел и следом стук падающего с крыши на улицу тела. На пороге храма он на секунду остановился. Потом, перекрестившись, решительно шагнул внутрь. После солнечной улицы здесь в полутьме сначала ничего не было видно. Пахло, как на бойне, засохшей кровью, гнилым жиром, во всех здешних храмах, где приносили жертвы, пахло так. Помещение узкое. Он различил желтое сияние, плававшее среди теней, и над сиянием — мрачное, свирепое лицо бога. На каменной его груди сверкала золотая пластина. Одним движением он сорвал пластину и вышел на свет. В руке было золото, и он испытал тогда неизъяснимое чувство, то самое, что сейчас, когда коснулся слитка на дне сундука. Край сундука больно впивается в тело. Такая же боль, как когда-то,— много дней подряд пришлось сидеть на лопнувшем седле. Но тогда он забывал о боли, увлеченный битвой, сознанием опасности, неистощимой жаждой крови; да и конь у него был необыкновенный. Гнедой конь со звездой во лбу. Чуткий, нервный, стремительный. Он помнит, как Мотилья взвивался в прыжке, как, поднявшись на дыбы, вертелся во все стороны на задних ногах, как, остановленный с маху в безумном беге, храпел, дрожа, весь в мыле.

Вместе с Мотильей приплыл он с Эспаньолы сюда, в край невиданных приключений. В те времена до предела дошла его радостная вера в удачу, он рвался навстречу неведомой, но счастливой судьбе. И не сомневался, что впереди — жизнь, полная чудес. На палубе судна толпились лошади. Над их опущенными головами виднелись чуткие изящные уши и прекрасные глаза Мотильи. Солдаты томились бездельем, некоторые играли в кости, кто-то вспоминал родные места и семью, кто-то мечтал вслух, как разбогатеет в этой войне.

Он привык к одиночеству и не любил болтать, оттого стоял в стороне у борта, смотрел на синюю воду, пытался угадать, что предсказывают ему вечно бегущие волны, тучи над морем, далекий полет птиц.

От лошадей пахло хлевом, запах настойчиво напоминал прошлое. Землю, посевы, спокойную жизнь. Дни, похожие один на другой, в тихом городке, где не знают, что такое риск. Теперь совсем не то. Жребий брошен. Он вступил в опасную игру с судьбой.

Поставил на кон жизнь; жизнь против золота. Может быть, он не выиграет ничего и погибнет, но все равно отступать поздно, он покинул все то, что составляло до сих пор вкус и цвет его существования, он предался на волю случая, и нет ничего соблазнительней и страшнее.

Только теперь взвешивает он все за и против. Раньше он ни о чем не задумывался, полный веселой, легкомысленной веры. Горел нетерпением как можно скорее добиться своего и не желал ждать ни одной минуты. Скоро он увидит вблизи непонятный страшный мир, куда так стремился, и впервые познает цену покинутому.

Навсегда отошли в прошлое утренний звон колоколов, деревенские праздники, родные женщины, наивные надежды. Непоправимо ушедшее меняется, обретает нежданно цену. В сущности, это и была настоящая жизнь, его жизнь.

Печаль и безнадежность медленно цепенили душу, но игроки в кости громко смеялись, и он очнулся от горьких дум. Глубоко вдыхая крепкий морской воздух, слушал, как потрескивают мачты, как поет ветер, надувая паруса. На атласный круп Мотильи полосами ложились солнечные лучи.

Конь всегда и повсюду будет с ним; верхом на Мотилье он избежит всех опасностей и вернется с завоеванными богатствами.

Слава его ширилась и с ней вместе слава Мотильи. Все ему завидовали. Он садился на коня, и вера в себя, сила и отвага росли с каждой минутой. Мотилья весь в мыле вертелся в толпе индейцев, всадник рубил направо и налево, сверкающие взмахи бешеным ореолом крутились вокруг конской головы. Не было бы ему такой удачи, если бы не Мотилья.

И вот он разбогател и решил вернуться в Испанию; коня пришлось продать. Баснословную цену дали за него. Верхом он доехал до порта. Получил золото. Сжал в ладони, другой рукой рассеянно трепал коня по прекрасной его голове, по звезде на лбу между тревожными внимательными глазами. Потом вспрыгнул на борт и больше не оборачивался, словно преступник, бегущий от взгляда жертвы.

Теперь Мотилья — всего лишь часть тех золотых слитков, как и вся остальная его бурная, полная приключений жизнь. Как дочь вождя. Утром они вошли в город. Он расположился со своим отрядом в светлом дворце из тесаного камня, с кедровой крышей, с садами под огромными навесами, дававшими тень и прохладу. Тянулись к небесам благоухающие деревья, под деревьями цвели розы, клумбы доходили до самых каналов, а по каналам плыли из озера лодки, наполненные цветами.

В полдень пришли вожди и просили разрешения говорить с ним. Одетые в яркие ткани, с разноцветными перьями на головах, молча смотрели они на лошадей, стоявших во дворе. За вождями несколько человек втащили на носилках глиняные сосуды и куски золота, две индеанки стояли молча, кротко опустив глаза.

Все обернулись на звон шпор и шпаги, волочившейся за капитаном по каменным плитам.

Индеец-толмач переводил слова главного вождя.

— Наши ведуны сказали, что ты из племени богов. И мы пришли смиренно предложить тебе нашу верную дружбу. В знак чего принесли мы тебе богатые дары и отдаем девушку, родную мою дочь, дабы кровь моя смешалась с твоей.

Девушка выступила вперед вместе с индеанкой-служанкой. Спокойный, с удовольствием, смотрел он на девушку, на маленькие ноги в легких сандалиях, на золотистую кожу, теплую и благоуханную, на черные блестящие волосы, украшенные разноцветными перьями. Люди вождя составили на землю глиняные вазы тонкой работы, сложили ткани, оружие, толстые плиты золота.

Потом, бесшумно пятясь, все удалились.

Он остался с толмачом и двумя женщинами. Она не смела поднять голову, и он почти не видел ее лица.

Приказал солдатам унести подарки. Обратился к толмачу:

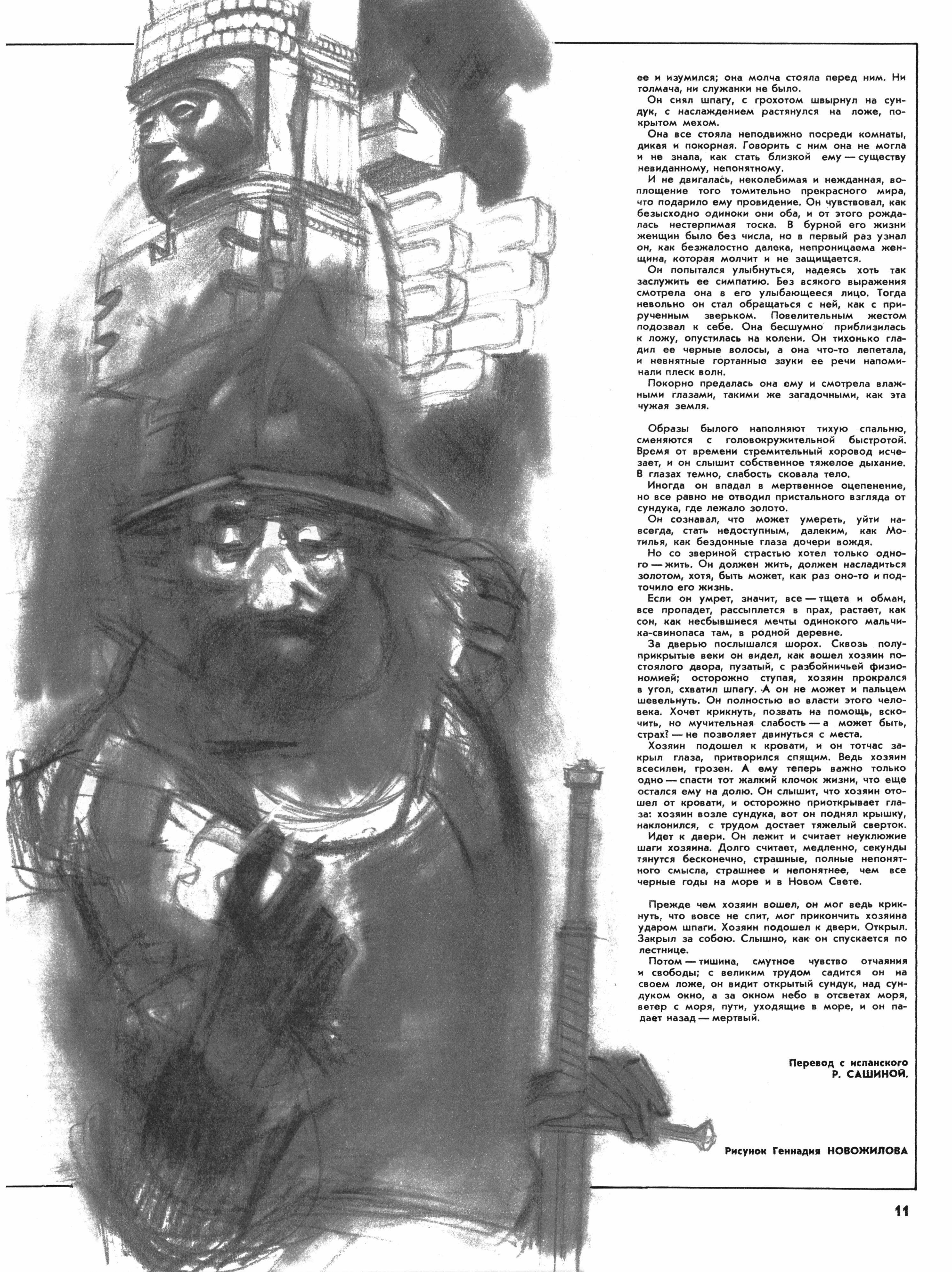
— Спроси, чего она хочет.

Она подняла лицо, заговорила голосом нежным, летящим, как птичья песнь, и он увидел ее большие черные глаза, полные страха, и детский овал щек.

— Она говорит, что с этой минуты принадлежит тебе и может хотеть лишь того, чего хочешь ты.

Простота ответа и кроткое ее смирение заставили его усмехнуться.

Не сказав больше ни слова, он повернулся и пошел к себе. Звон оружия заглушил легкие ее шаги, и он не заметил, что девушка следует за ним. И только в своей комнате вдруг увидел

ее и изумился; она молча стояла перед ним. Ни толмача, ни служанки не было.

Он снял шпагу, с грохотом швырнул на сундук, с наслаждением растянулся на ложе, покрытом мехом.

Она все стояла неподвижно посреди комнаты, дикая и покорная. Говорить с ним она не могла и не знала, как стать близкой ему — существу невиданному, непонятному.

И не двигалась, неколебимая и нежданная, воплощение того томительно прекрасного мира, что подарило ему провидение. Он чувствовал, как безысходно одиноки они оба, и от этого рождалась нестерпимая тоска. В бурной его жизни женщин было без числа, но в первый раз узнал он, как безжалостно далека, непроницаема женщина, которая молчит и не защищается.

Он попытался улыбнуться, надеясь хоть так заслужить ее симпатию. Без всякого выражения смотрела она в его улыбающееся лицо. Тогда невольно он стал обращаться с ней, как с прирученным зверьком. Повелительным жестом подозвал к себе. Она бесшумно приблизилась к ложу, опустилась на колени. Он тихонько гладил ее черные волосы, а она что-то лепетала, и невнятные гортанные звуки ее речи напоминали плеск волн.

Покорно предалась она ему и смотрела влажными глазами, такими же загадочными, как эта чужая земля.

Образы былого наполняют тихую спальню, сменяются с головокружительной быстротой. Время от времени стремительный хоровод исчезает, и он слышит собственное тяжелое дыхание. В глазах темно, слабость сковала тело.

Иногда он впадал в мертвенное оцепенение, но все равно не отводил пристального взгляда от сундука, где лежало золото.

Он сознавал, что может умереть, уйти навсегда, стать недоступным, далеким, как Мотилья, как бездонные глаза дочери вождя.

Но со звериной страстью хотел только одного — жить. Он должен жить, должен насладиться золотом, хотя, быть может, как раз оно-то и подточило его жизнь.

Если он умрет, значит, все — тщета и обман, все пропадет, рассыплется в прах, растает, как сон, как несбывшиеся мечты одинокого мальчика-свинопаса там, в родной деревне.

За дверью послышался шорох. Сквозь полуприкрытые веки он видел, как вошел хозяин постоялого двора, пузатый, с разбойничьей физиономией; осторожно ступая, хозяин прокрался в угол, схватил шпагу. А он не может и пальцем шевельнуть. Он полностью во власти этого человека. Хочет крикнуть, позвать на помощь, вскочить, но мучительная слабость — а может быть, страх? — не позволяет двинуться с места.

Хозяин подошел к кровати, и он тотчас закрыл глаза, притворился спящим. Ведь хозяин всесилен, грозен. А ему теперь важно только одно — спасти тот жалкий клочок жизни, что еще остался ему на долю. Он слышит, что хозяин отошел от кровати, и осторожно приоткрывает глаза: хозяин возле сундука, вот он поднял крышку, наклонился, с трудом достает тяжелый сверток.

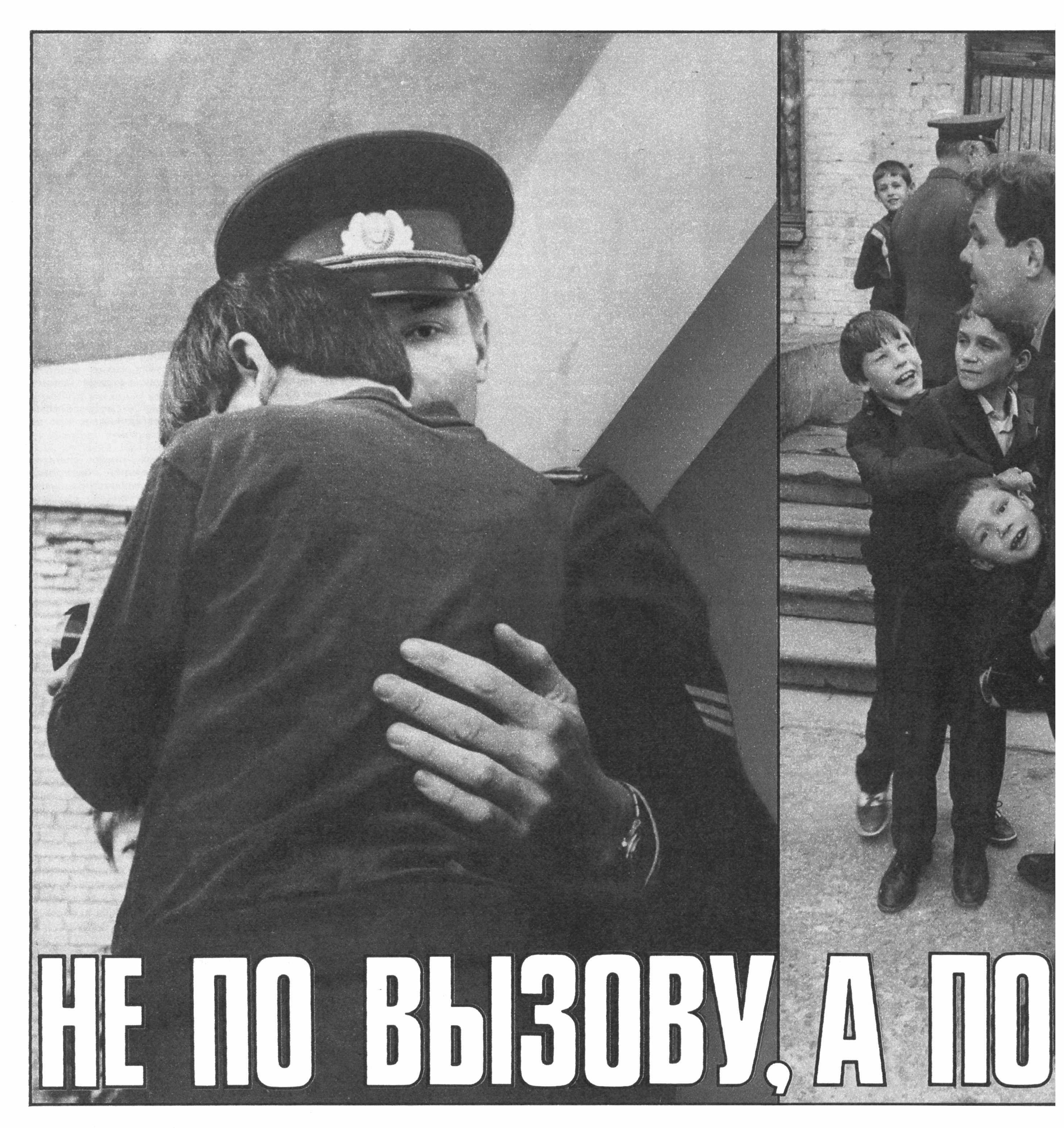
Идет к двери. Он лежит и считает неуклюжие шаги хозяина. Долго считает, медленно, секунды тянутся бесконечно, страшные, полные непонятного смысла, страшнее и непонятнее, чем все черные годы на море и в Новом Свете.

Прежде чем хозяин вошел, он мог ведь крикнуть, что вовсе не спит, мог прикончить хозяина ударом шпаги. Хозяин подошел к двери. Открыл. Закрыл за собою. Слышно, как он спускается по лестнице.

Потом — тишина, смутное чувство отчаяния и свободы; с великим трудом садится он на своем ложе, он видит открытый сундук, над сундуком окно, а за окном небо в отсветах моря, ветер с моря, пути, уходящие в море, и он падает назад — мертвый.

Перевод с испанского
Р. САШИНОЙ.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

НЕ ПО ВЫЗОВУ, А ПО

Александр ЩЕРБАКОВ,
соб. корр. «Огонька».
Игорь ФЛИС (фото)

Перед городом автобус остановился, и из него вышли люди в милицейской форме. Перекур! Так заведено с самого начала: покурят у въезда в Воложин, а в школе-интернате никто из них не притронется к сигаретам. Там годятся только хорошие примеры!

Курили недолго. Пора ехать.

Автобус — под завязку. Сами да еще груз: музыкальные инструменты, гостинцы всему школьному семейству, подарки именинникам. На этот раз июльским, августовским, сентябрьским, потому что летом ребята отдыхали, кто в пионерских лагерях, кто у родителей или у родственников... Так что долго не виделись, и не терпелось узнать: как там в школе, как здоровье Олега Новикова, что изменилось у Васи Вергейчика, с каким настроением вернулась от дедушки Илона Скалабо?

Ребята тоже заждались. Толпились у калитки: где же он, знакомый автобус?! Наконец-то показался! Гурьбой к нему.

Тут же целая ватага повисла на дяде Юре — кто еще покружит, посадит на закорки, развеселит смешными историями?!. Окружили дядю Сережу. Он всегда приезжает с фотоаппаратом, а потом привозит или присылает снимки. Для стендов, альбомов и каждому на память. И возле дяди Валеры толпа — он первый нашел дорогу в школу-интернат, а сле-

дом за ним приехали все остальные. Ребята его буквально «рвут на части»...

В Минской высшей школе МВД казенное шефство отвергли сразу, безоговорочно. По отношению к детворе из Воложинского интерната оно выглядело бы не только бесполезным — кощунственным.

243 ребенка с замедленным психическим развитием... У большинства оно или от горького сиротства, или от кричащей беспризорности при живых, но беспутных родителях. И хочется им, маленьким, обездоленным, поверить в то, что на свете есть сильные и веселые люди, с душами, распахнутыми для ближних, люди с искренним желанием всем делиться, верить во все хорошее и никогда не обижать беззащитных. Разве это уместится в оказененное часто понятие «шефство»?!

Владимир Иосифович Подрез, полковник, начальник политотдела высшей школы МВД, рассуждает просто: воспитанникам интерната нужно убедиться, что чье-то сердце может биться и для них, а слушателям школы — в том, что для борьбы со злом надо непременно уметь делать добро. Именно поэтому начальник политотдела уделяет «воложинским десантам», как он выражается, так много внимания. Именно поэтому в школе заведено правило: в интернат едут лучшие, а организацией дела серьезнейшим образом занимается преподаватель психологии, опытный педагог Георгий Георгиевич Романович...

...Сделали щиты для хоккейной коробки, отремонтировали мебель, оформили стенды, помогали строить новый корпус, обрезали деревья на школьной усадьбе... Это — курсантские руки.

Выкраивают из своих стипендий деньги на гостинцы, на подарки имениннникам; покупают на эти деньги отходы искусственного меха на швейной фабрике — девочкам для рукоделия, покупают книги, альбомы, краски... Это — курсантские души и сердца.

...Возвращаются в Минск дядя Валера, дядя Юра, дядя Миша, дядя Сережа... Теперь в автобусе они не «дяди», а лейтенант Кадулин, слушатель Шоломицкий, преподаватель Кириченко, слушатель Вялов...— «дяди» остались в Воложине, в школе. И вместе с ее директором Александром Александровичем Турским, завучем по воспитательной работе Юлией Владимировной Жданович, учителями и воспитателями выводят ребят в настоящий мир, помогают найти в нем достойное дело и достойное место.

● В добрых руках.

● С дядей Юрой весело.

● Минуты расставания.

● Быстрее...

НАДО ЛИ «ВОРОШИТЬ ПРОШЛОЕ»...

Начало на стр. 8.

сами пишите заявление, хотите — мы вас просто освободим.

Я слушал Селиха, огорченный и разочарованный, но, надо сказать, без всякого удивления или тем более протеста. Мы были тогда еще очень далеки от понимания происходящих в стране событий, многое еще было плотно закрыто пеленой тайны, еще никто и слыхом не слыхивал о таком понятии, как «культ личности», но кое-какой опыт за прошедшие месяцы был уже накоплен. И я отлично понимал, что Селих говорил и поступал в духе времени. И любой другой на его месте, будь он добрый или злой, участливый или равнодушный, смелый или трусоватый, говорил и поступал бы точно так же. Главное было в том, что мы давно освоились и сжились с незыблемым и не подлежащим обсуждению положением: гениальность и мудрость Сталина, его абсолютная и непререкаемая правота всегда, везде и во всем полностью и безоговорочно заменяют все прежние укоренившиеся понятия, такие, как здравый смысл, логика, справедливость, законность, человечность.

...Помолчав, я сказал:

— Я напишу заявление, Яков Григорьевич.

Так я, проявив похвальное понимание, вполне добровольно, «по собственному желанию» оставил работу, которую любил и в которую вкладывал, как говорится, всю душу. «По собственному желанию» я покинул ряды художников-публицистов, бойцов политической сатиры, в которые вступил еще в годы гражданской войны, «революцией мобилизованный и призванный», а ныне, после двадцатилетней службы досрочно демобилизованный, а попросту говоря, от этой работы отстраненный.

Я сам себя сравнивал тогда со случайно отставшим от поезда пассажиром, который, уныло провожая глазами исчезающий вдали вагон, где он только что сидел в приятной компании дружелюбных спутников, растерянно оглядывает пустынный полустанок, на котором внезапно очутился. Его одолевают мрачные раздумья. Удастся ли сесть в следующий поезд? И скоро ли представится такая возможность? И где найти пристанище и средства к существованию?

Придерживаясь этого сравнения, скажу, что мне, ох, как нескоро удалось сесть в «следующий поезд». «Кондуктора» и «проводники» проходящих «поездов» не обнаруживали ни малейшего желания предоставить мне место. А если отказаться от литературных метафор, то скажу простыми словами: никто не хотел рисковать. Никто из повстречавшихся мне откровенных или более деликатных перестраховщиков не жаждал брать на себя ответственность за помощь брату арестованного — не какой-нибудь там мелкой сошки, а столь известного и потому, вероятно, крупного «врага народа». Никто из них не был намерен пошевелить для меня пальцем, не получив на это «добро» свыше.

Понимая это, я сам решил обратиться «повыше», как принято говорить, в «соответствующую инстанцию». К тому же как раз в это время было опубликовано в печати выступление А. А. Жданова, покритиковавшего, между прочим, неправильный, или, как он выразился, «биологический» подход некоторых, чрезмерно «бдительных» товарищей к родственникам репрессированных. Это высказывание Жданова явно перекликалось со знаменитым «сын за отца не отвечает» и также породило определенные надежды (также не оправдавшиеся).

Принуждаемый трудными обстоятельствами, я снова через некоторое время весьма деликатно обратился в «соответствующую инстанцию» по поводу работы. Вскоре мне довольно сухо было отвечено, что инстанция, в которую я обратился, трудоустройством не занимается, но мне никто не запрещает самому искать себе подходящую работу и, если я таковую найду, то со стороны инстанции никаких возражений скорее всего не последует. Одновременно я не переставал думать о брате.

Сколько же, бог ты мой, перевидал я в ту пору различных приемных, справочных бюро, комендатур и тому подобных угрюмых мест, где после многочасового стояния в очереди получал возможность полутораминутного и, как правило, пустопорожнего разговора с принимавшим посетителей лицом, которое, кстати сказать, само абсолютно ничего не знало. Периодически подавал я какие-то бессмысленные заявления с просьбами о передаче брату, скажем, теплых вещей, предметов гигиены, лекарств и тому подобного, заявлений, которые у бериевских подручных, безусловно, ничего, кроме издевательского смеха, не вызывали. Впрочем, денежные передачи — 30 рублей в месяц — у меня принимали, и это было для меня единственным свидетельством, что брат жив. Кроме того, я, быть может, наивно рассчитывал, что Миша при получении денег видит мою, тщательно выведенную на квитанциях подпись. Ведь правила бухгалтерии, думал я, повсюду одинаковы и обязательны.

Между прочим, вначале мне пришлось преодолеть существенное, хотя и чисто формальное затруднение: фамилии-то у нас разные, и поэтому сразу возникал строгий вопрос: «А какое, собственно, вы имеете отношение к Кольцову и почему о нем спрашиваете?»

Не без труда удалось мне «выбить» в отделе кадров «Известий» документ, довольно необычный по тем временам, когда всякое небезопасное родство тщательно скрывалось:

Москва, 4 января 1939 года.

СПРАВКА

Дана тов. ЕФИМОВУ Б. Е. в том, что в его автобиографии, находящейся в делах редакции «Известий Советов депутатов трудящихся СССР», значится, что он является братом Кольцова М. Е.

ЗАВЕД. ОТД. КАДРОВ

(Чемыхина)

Мне кажется, что этот документ — своего рода шедевр. Как видим, отдел кадров тут ничего не утверждает и ни за что не отвечает. Он просто *констатирует*, что в моей автобиографии *значится* то-то и то-то. И не более того. Тем не менее эта замечательная справка свое дело сделала и верно служила мне в моих хождениях.

Наконец пришли и первые заработки. Мне заплатили за афишу для популярного джаз-оркестра Ренского, а вслед за тем за портрет М. В. Ломоносова для серии школьных пособий. Далее я усердно потрудился над красочным плакатом «Песня о Чапаеве» и был очень доволен, когда мое произведение, изображавшее легендарного полководца в развевающейся бурке, с обнаженной шашкой в руке и «на лихом коне», удостоилось одобрительного отзыва одной московской газеты.

Неизмеримо большее творческое удовлетворение доставила мне, конечно, работа над серией сатирических рисунков-иллюстраций к произведениям М. Е. Салтыкова-Щедрина. Этой работой, которая не только порадовала меня как художника, но и неоценимо поддержала меня в то тяжелое время морально и материально, я всецело обязан был замечательному человеку — И. С. Зильберштейну, который со свойственным ему неистовым напором смог уговорить директора Государственного литературного музея В. Д. Бонч-Бруевича заказать мне эти рисунки в связи с 50-й годовщиной смерти великого сатирика. Вот уж поистине друзья познаются в беде. И я, как говорится, по гроб жизни не забуду этого редкого по тем временам поступка Ильи Самойловича.

К этому следует добавить: людей, которые в тот «жестокий век» решились бы конкретно, практически помочь «родственнику репрессированного», было, конечно, очень мало. Но надо, мне кажется, вспоминать не малодушных — бог с ними, а вспоминать тех, чье молчаливое, но безошибочно ощутимое сочувствие было в ту пору так дорого. Оно помогало ощущать себя полноправным участником общего дела. Помогало *выстоять*.

Не забуду красноречивого молчаливого участия в черных глазах Евгения Петрова и его долгого рукопожатия, когда я, уже в дни войны, зашел в «Огонек», редактором которого он был назначен вместо Кольцова.

Не забуду такого же выразительно-крепкого рукопожатия Константина Симонова, когда мы с ним познакомились на прифронтовых дорогах Подмосковья в феврале 1942-го.

Не забуду, как в самолете, в котором летела из Москвы на Нюрнбергский процесс группа советских писателей и журналистов, ко мне вдруг подошел Всеволод Вишневский, взволнованно обхватил руками. «Эх,— прошептал он,— вспомнил я... Как мы с твоим Михаилом... в Испании...» Он замолчал, глаза его увлажнились. Я молча сжал его руку.

Да что говорить... Все годы, прошедшие после 13 декабря 1938 года, люди старались чем-нибудь неуловимым, но достаточно понятным выразить свое абсолютное неверие во «вражескую деятельность» Кольцова. Спасибо им.

Февраль 1940 года принес немаловажное для меня событие: мне позвонили из газеты «Труд» и предложили в ней работать. Незачем говорить, как я обрадовался. Я дико соскучился по живой, оперативной газетной работе, и буквально со следующего после этого звонка дня мои рисунки стали почти ежедневно появляться на страницах «Труда». Конечно, при этом была принесена некоторая дань перестраховке: первая моя карикатура была подписана буквами «В. Б.», а последующие — «В. Борисов».

И почти одновременно с приглашением в «Труд» мне в соответствующем месте сообщили, что «дело Кольцова» следствием закончено и передано в Военную коллегию Верховного суда СССР. Кто читал мой очерк «Тайна судьбы Михаила Кольцова», может быть, помнит, как меня принял председатель Военной коллегии небезызвестный В. В. Ульрих, сообщивший мне приговор — 10 лет лагерей без права переписки — и сопроводивший это любезным советом «спокойно работать и поскорее забыть об этом тяжелом деле»...

По сей день я не знаю, существует ли причинная связь между этими двумя фактами — осуждением брата и предоставлением мне ранее запрещенной работы в печати. Если существует, то нельзя не ужаснуться двойственности некоего *каприза*, оборачивающегося то холодной жестокостью, то снисходительной благосклонностью.

Следует, кстати, упомянуть и о том, что художник «В. Борисов» на 12-й день своего сотрудничества в «Труде» прекратил существование. Произошло это при следующих обстоятельствах: коллегия Наркоминдел слушала отчет редакции «Труда». Надо пояснить, что, будучи официально

Оригинал карикатуры Б. Ефимова, опубликованной в «Правде». 1947 год.

органом советских профсоюзов, «Труд» в то время, по сути дела, состоял по иностранному ведомству, и именно «Труду» было поручено в тогдашней сложнейшей международной обстановке шире и свободнее других газет освещать и комментировать мировые события (а также, кстати сказать, помещать политические карикатуры). При отчете редакции комплект «Труда», естественно, лежал на столе, и, перелистывая его страницы, нарком иностранных дел (В. М. Молотов) обратил внимание на ежедневные рисунки и спросил:

— Это не Ефимов ли рисует?

И, получив утвердительный ответ, заметил:

— Странно, что не ставит своей подписи.

Это было равносильно прямой директиве.

Карикатура, впервые после полуторагодичного «карантина» напечатанная за моей подписью, изображала антисоветскую возню на Ближнем Востоке французского генерала Вейгана.

Мое возвращение в строй политических карикатуристов было замечено не только коллегами и читателями. В германской газете «Франкфуртер цайтунг» мне были уделены следующие любезные строки: «В «Труде» снова вынырнул после длительного молчания уже считавшийся покойником циник Борис Ефимов». То, что гитлеровский орган обозвал меня «циником», я перенес, в общем, довольно мужественно. То было в канун больших и грозных событий. Великая, небывалая война стояла у порога Родины.

...Великая Отечественная война закончилась сокрушительным разгромом лютого врага, советские воины-победители возвратились домой, к мирному труду, но на художников-сатириков де-

мобилизация не распространилась. Перед ними встали новые мишени, новые задачи. Начиналась новая война — «холодная».

Мне довелось принять участие в этой новой главе деятельности советской политической сатиры. Об этом, мне думается, стоит рассказать подробнее, тем более что факты, о которых далее пойдет речь, дают, пользуясь крылатым выражением, некоторую «информацию к размышлению».

Дело было ранним летом 1947 года. Все началось с того, что мне позвонил тогдашний редактор «Известий» Л. Ф. Ильичев.

— Вот что,— сказал он,— вам надо завтра быть на дискуссии по книге Александрова о западноевропейской философии. Это в ЦК. Пройдете через первый подъезд на углу Ипатьевского переулка. Пропуска не надо. Часовой будет знать. Все.

— Леонид Федорович! Одну минуточку,— закричал я,— я что-то не понял. А при чем тут...

— Через первый подъезд,— повторил Ильичев и положил трубку.

— Что за чушь?— размышлял я вслух.— Какое отношение я имею к западноевропейской философии? Бред какой-то...

На другое утро я назвал часовому свою фамилию и был действительно пропущен в здание ЦК.

Войдя, я осмотрелся вокруг. Раздавались звонки, видимо, заканчивался перерыв, и все спешили из буфета и курилки в конференц-зал. Среди проходивших я увидел несколько знакомых журналистов. Они с веселым удивлением меня спрашивали:

— А вы-то что здесь делаете?

На что я, тоже улыбаясь, отвечал:

— Да вот заинтересовался западной философией.

Вскоре фойе опустело, и я, еще раз оглянувшись вокруг и не замечая, чтобы кто-нибудь обратил на меня внимание, подумал: «Собственно говоря, у часового я отметился, мое отсутствие в зале вряд ли кто заметит. Поеду-ка я домой работать». И с чистой совестью собрался ретироваться.

В этот момент ко мне подлетели два запыхавшихся товарища в одинаковых светло-серых габардиновых кителях.

— Вы Ефимов?

— Я.

Не говоря ни слова, они повлекли меня через весь переполненный зал за сцену в комнаты президиума. Там тоже было довольно многолюдно, но все как-то быстро расступались перед моими спутниками.

Мы подошли к закрытой двери, и один из сопровождавших меня вполголоса сказал:

— Пройдите к Андрею Александровичу.— И так же тихо, но внушительно прибавил: — К товарищу Жданову.

Я вошел в кабинет. Там стояло несколько человек, и шел какой-то оживленный разговор, но все почти мгновенно исчезли, и я остался наедине со Ждановым. Он очень приветливо со мной поздоровался и, пригласив сесть на один из стоявших вдоль стены стульев, уселся рядом.

— Мы вот почему вас побеспокоили,— начал он.— Может быть, вы обратили внимание на газетные сообщения о намечающемся военном проникновении американцев в Арктику? Они стягивают туда большие воинские силы под тем предлогом, что из Арктики им угрожает «русская опасность». Товарищ Сталин сказал, что это дело надо бить смехом. Товарищ Сталин вспомнил о вас и просил поговорить с вами, не нарисуете ли вы на эту тему карикатуру.

Я слушал Жданова, что называется, «весь внимание», а в голове проносилось: «Товарищ Сталин вспомнил о вас... Товарищ Сталин просил нарисовать...» Фантастика...

Но, не найдя никаких подходящих слов, я только склонил голову и слегка развел руками, что, видимо, должно было означать, какая для меня великая честь — доверие товарища Сталина и с какой радостью я приложу все силы, чтобы это доверие оправдать.

Очевидно, Жданов так меня и понял. Одобрительно кивнув головой, он продолжал:

— Товарищ Сталин так примерно представляет себе этот рисунок: огромная американская военная армада во главе с генералом Эйзенхауэром рвется в Арктику. Тут же стоит простой, рядовой американец и спрашивает: «В чем дело, генерал? Почему такая бурная военная активность?» А Эйзенхауэр отвечает: «Разве вы не видите, что отсюда нам грозит русская опасность?» Или что-нибудь в этом роде.

— А по-моему, Андрей Александрович, как раз так очень хорошо и выразительно. Если позволите, я так и нарисую.

— Ну вот и отлично. Я доложу товарищу Сталину.

— Позвольте, Андрей Александрович, только один вопрос.

— Пожалуйста.

— А когда это нужно?

— Гм...— Жданов на секунду задумался.— Мы вас не торопим. Но и очень задерживать не надо. Итак, ждем. Всего доброго.

Дома с интересом выслушали мой рассказ. А сын Миша, подумав, сказал:

— Не забудь только над Арктикой изобразить северное сияние.

— Об этом можешь не беспокоиться,— ответил я,— но вот вопрос: как истолковать — «мы вас не торопим, но и задерживать не надо»? Если завтра рисунок будет готов, могут сказать: поторопился. Несерьезно отнесся к заданию товарища Сталина. Опасно. А сделать через два-три дня — затянул, не постарался. Тоже рискованно.

Поразмыслив, я решил избрать «средний вариант». Завтра не спеша начать работу над рисунком, а еще через день спокойно закончить и сообщить, что он готов.

И вот на другой день после посещения философской дискуссии я с утра неторопливо уселся за стол. Для рисунка я взял не обычную четвертушку бумаги, а полный лист ватмана. Примерно к трем часам дня рисунок в карандаше был готов. И увешанный оружием Эйзенхауэр на «виллисе» с перископом, и идущие за ним танки и бронетранспортеры с грозно нацеленными орудиями, и «рядовой американец». Потом я взялся за «русскую угрозу», изобразив ее в виде крайне удивленного военным нашествием эскимоса, рядом с которым стоит и маленький эскимосик. Малышу я дал в ручку «эскимо» — популярное в те годы мороженое на палочке. Так же удивлены приближением американского воинства два медвежонка, олень, морж...

Не забыл я, конечно, и северное сияние. Рассмотрев рисунок, я решил, что на сегодня с меня хватит и можно с чистой совестью сделать перерыв до завтра.

В эту минуту зазвонил телефон. Я снял трубку.

— Это товарищ Ефимов? Ждите у телефона. С вами будет говорить товарищ Сталин.

Я встал.

После довольно продолжительной паузы и легкого покашливания в трубке послышался глуховатый голос, который я последний раз слышал по радио 3 июля 1941 года.

— С вами говорил вчера товарищ Жданов по поводу одной сатиры. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Понимаю, товарищ Сталин.

— Вы там изображаете одну персону. Вы понимаете, о ком я говорю?

— Понимаю, товарищ Сталин.

— Так вот, надо так изобразить, чтобы эта личность была вооружена, как говорится, до зубов. Пушки там разные.. Самолеты, танки... Понятно?

На долю секунды в моей голове мелькнуло: «Хорош бы я был, если бы сказал: «А я уже так и нарисовал, товарищ Сталин. Сам догадался». Вслух я ответил:

— Понятно, товарищ Сталин.

— Когда мы можем получить эту штуку?— спросил Сталин.

— Мне говорил товарищ Жданов...— начал я.

— Мы хотели бы получить сегодня.

Я похолодел. Ведь тут работы еще минимум на целый день. Вот-те и «мы вас не торопим»...

— Хорошо, товарищ Сталин,— сказал я,— если можно, часам к шести.

— В шесть часов к вам приедут,— сказал Сталин и положил трубку.

Я почувствовал себя шахматистом, попавшим в острейший цейтнот в ответственнейшей и решающей партии, когда надо делать только единственные, самые точные ходы, в данном случае штрихи и линии. Когда ни о каких поисках, вариантах, поправках нечего и думать. Лишь бы успеть...

И я успел. Успел даже написать под рисунком следующий текст:

«РЯДОВОЙ АМЕРИКАНЕЦ. В чем дело, генерал? К чему такая бурная активность в этом мирном районе?

ЭЙЗЕНХАУЭР. Как? Неужели вы не видите, какие здесь сосредоточены опасные силы? Один из противников уже замахнулся на нас гранатой».

Ровно в шесть часов перепоясанный ремнями офицер связи с пистолетом на боку явился за карикатурой. Свернутый в трубку лист ватмана был уже приготовлен. Я облегченно вздохнул.

Следующий день прошел без всяких событий, а на другой раздался телефонный звонок. Говорил помощник Жданова.

— Андрей Александрович просит вас к часу дня быть у него в ЦК.

...Жданов любезно пошел мне навстречу через весь огромный кабинет, вернее сказать, зал, в глубине которого стоял монументальный письменный стол. Но Жданов работал, как я успел заметить, не за этим столом, а на торце перпендикулярно к нему стоящего длиннющего стола заседаний.

Именно на этом столе лежал мой рисунок. Дружелюбно взяв за плечо, Жданов подвел меня к столу.

— Ну вот,— сказал он,— рассмотрели и обсудили. Кстати, несколько минут назад звонил товарищ Сталин и спрашивал, пришли ли вы уже. Я сказал, что пришли и ждете у меня в приемной.

«Сталин спрашивал у Жданова, пришел ли я...— повторил я про себя,— ну и ну... Попробуй рассказать — кто поверит?..»

— Так вот,— продолжал Жданов,— есть поправки. Вот. Все они сделаны рукой товарища Сталина.

Произнеся эти слова, Андрей Александрович многозначительно на меня посмотрел. Я молча склонил голову. Потом, еще раз посмотрев на рисунок, сказал:

— Андрей Александрович! Но, насколько я вижу, поправки, в общем, относятся больше к тексту, а по рисунку как будто...

— Да, да,— сказал Жданов,— по рисунку, в общем, нет возражений. Некоторые, правда, высказывали мнение, что у Эйзенхауэра слишком акцентирован зад. Но это ничего. Да, по рисунку все в порядке.

«Рукою товарища Сталина» на моем рисунке были сделаны следующие поправки.

Прежде всего сверху красным карандашом было написано печатными буквами «Эйзенхауэр «обороняется» и подчеркнуто легкой волнистой линией. Ниже тем же красным карандашом было начато «Се», но тут, видно, красный карандаш сломался, и дальше уже простым черным карандашом выведено «верный полюс», а также слова «Аляска» и «Канада».

— Товарищ Сталин сказал,— пояснил мне Жданов,— нужно, чтобы было ясно, что тут именно Арктика, а не Антарктика.

Потом Сталин взялся за мой текст. Слово «бурная» он зачеркнул и вместо него написал «боевая», а вместо «мирном» — «безлюдном». Фразу «Один из противников уже замахнулся на нас гранатой» он вычеркнул целиком и вместо нее написал: «Как раз отсюда идет угроза американской свободе».

С этими поправками в тексте карикатура «Эйзенхауэр «обороняется» была через два дня напечатана в «Правде».

Надо сказать, что на этом интерес хозяина к политической сатире не иссяк. В «Правде» было потом напечатано еще несколько карикатур, нарисованных мною и Кукрыниксами по его заданию. Конечно, для нас, карикатуристов-профессионалов, отдавших немало сил и трудов этому боевому жанру, не могло быть безразлично такое отношение руководителя страны к политической сатире, понимание ее значения и воздействия.

Но я больше думал о другом: я повторял про себя слова Жданова: «Товарищ Сталин вспомнил о вас...»— и вновь и вновь мысленно задавал вопрос: «А почему товарищ Сталин не вспомнил о Кольцове, не вспомнил о многих и многих других талантливых людях, которые могли бы верно и достойно послужить своей стране, а вместо этого жестоко и бессмысленно вырваны из жизни?»

Почему?

Каприз, капризность — понятия, которые всегда ассоциировались с чем-то не очень серьезным, может быть, даже легкомысленным, с непредвиденной и немотивированной прихотью. Но вот это слово «капризность» мы находим в серьезнейшем документе — в «Письме к съезду» В. И. Ленина, точнее, в «Добавлении» к нему от 4 января 1923 года. И слово это относится к Сталину. И мы знаем, как трагически оправдалось это тревожное предвидение Владимира Ильича, когда в последующие годы и десятилетия слово это окрасилось деспотизмом, жестокостью, кровью.

Впрочем, эта же капризность, надо сказать, оборачивалась для некоторых людей ливнем наград, почестей, высоких постов. А бывало и так: сначала оборачивалась одной стороной, потом другой. Или наоборот... Как кому повезло.

Мне, надо считать, «повезло», поскольку беда только коснулась меня своим черным крылом, но не уничтожила. И, казалось бы, к чему мудрить и философствовать? Разве недостаточно самого того факта, что я тогда не лишился свободы и жизни? К чему же пытаться проникнуть в мысли и психологию человека непредсказуемого, капризного и страшного?

Но так уж, видимо, устроен человек, что ему почему-то обязательно надо, особенно на склоне лет, что-то в своей жизни вспомнить, понять, осмыслить.

Не для того ль и память нам дана? И разум.

ИРОНИЯ СЛУЧАЯ,

ИЛИ НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ ДЕЛОВОЙ ЖЕНЩИНЫ

Татьяна СЕКРИДОВА

Все, что с нею произошло за минувший год, а вернее, если быть точными, за последние пятнадцать лет, до сих пор воспринимается ею же самой как странная случайность. Но случайность настолько желанная, что только неукротимое стремление все-таки осуществить ее помогло Лайме Вайкуле пройти «сквозь тернии в звезды».

Откуда появилась эта певица на всесоюзной сцене, этого любители эстрады в первое время наверняка и не заметили. Да и вряд ли кто сегодня с ходу, с первого удачного номера обратит внимание на эстрадного исполнителя. Сколько их у нас было, этих звезд-однодневок! Но после того, как мы увидели несколько песенных образов, удачно созданных Лаймой в различных музыкальных программах Центрального телевидения, после того, как она стала «королевой бала» на творческих вечерах композитора Раймонда Паулса, начались недоуменные, восторженные вопросы: «Кто такая?... Откуда?.. Почему не видели ее раньше?..»

Вопросы были большей частью риторические. Прозвучало несколько интервью, было опубликовано несколько очерков. На часть вопросов зрители получили ответы, удовлетворив свое любопытство. Но главный — почему не видели ее раньше? — все же остался. Потому что те, кто должен бы на него ответить, предпочитают ждать, когда «самородки» пробьются к популярности сами и завоюют аудиторию. И если не свернут себе шею, если удержатся, несмотря на все материально-технические трудности, на созданной ими же волне, возможно, они получат какую-то поддержку. А если нет?..

— ...Может быть, на самом деле все это...— Лайма как-то невзначай окидывает задумчивым взглядом уютный, просторный номер гостиницы «Россия», в котором она жила во время своего выступления в программе творческих вечеров Р. Паулса,— все это стало возможным благодаря тому, что своей эстрадной деятельности никогда не придавала серьезного значения, не комплексовала из-за каких-то неудач?..

Дело случая... Это сочетание слов стало настолько устойчивым в сфере эстрадного искусства, что многие процессы в области так называемой легкой музыки попросту предоставлены сами себе и идут каким-то непредсказуемым самотеком. Так, совершенно случайно двенадцатилетняя девочка Лайма (хотя родители, близкие люди и замечали в ней с самых ранних лет склонность к пению и танцам) «за компанию» с подругой оказалась на республиканском конкурсе юных вокалистов в рижском Дворце культуры ВЭФ и стала его дипломанткой.

Тот дебют мог так и остаться случаем: ее поздравили с успехом и благополучно о нем забыли. Впрочем, как и сама девочка. В то время ее мама часто болела, и Лайма твердо решила стать врачом. Даже поступила в медицинское училище. А пела в часы досуга в кругу друзей, иногда в самодеятельности. Как-то ее «подслушал» один латышский вокально-инструментальный ансамбль и предложил съездить солисткой на гастроли по Закавказью. Поездка та по каким-то причинам получилась неудачной. Но в шестнадцать лет такие «опыты» не приводят в уныние, и потому, вернувшись в Ригу, Лайма с удовольствием продолжила обучение медицине.

Однако случай оказался настойчивее, чем можно было предположить. Года через два Вайкуле предложили поработать в Рижском эстрадно-концертном объединении. За шесть лет она объездила с этим коллективом немало городов. Для Лаймы это были трудные годы постижения ремесла, наверстывания музыкального образования, которого не получила в детстве. Здесь многое приходилось делать самой: подбирать репертуар, ставить свои номера, изобретать, а порой и шить костюмы. И ни в чем никакой профессиональной помощи. Однажды ее пригласили в новую программу известного юрмальского варьете «Юрас перле». К тому времени Лайма уже сделала вывод, что единственное решение проблемы репертуара, когда специально для тебя никто новых песен не пишет,— это оригинальная постановка известных шлягеров, какая-то неожиданная сценография каждой песенной миниатюры. Чтобы осуществить ее, нужно создать свой ансамбль и эстрадный балет. В «Юрас перле» такая возможность представилась. Около пяти лет работы на Рижском взморье сделали ее довольно популярной артисткой варьете: стали частыми приглашения от объединения «Интурист», контракты с клубом «Меркурий» Центра международной торговли в Москве... И, наконец, в конце 1984 года Центральное телевидение пригласило на съемки новогоднего представления. С танцевальной миниатюрой «Мухоморы» Лайма Вайкуле и ее балет дебютировали на телеэкране...

Все эти годы жизнь заставляла ее быть не только певицей и балериной, но и художественным руководителем коллектива, и режиссером-постановщиком, и балетмейстером, и художником-модельером. Лайма сумела совместить в себе все эти труднейшие профессии благодаря исключительной работоспособности, неудержимому желанию быть «на уровне». Но опять-таки весь этот «комплекс внутренних достоинств» актрисы из области счастливых случайностей. И вряд ли он может быть для молодого перспективного эстрадного исполнителя каким-то примером или, скажем, рецептом к восхождению. Вовсе не обязательно выступать самому во всех лицах и тратить годы на освоение всех этих «смежных специальностей». Куда лучше это предоставить людям более профессиональным. Другое дело, конечно, где их найти, этих профессионалов? Еще раз повторю: у Лаймы другого выхода не было, и она долгие годы целенаправленно, неотступно совершала свое восхождение, создавая себе образ, который и помог ей составить серьезную конкуренцию нашим «звездам».

Публика истосковалась по красоте, образности, гармонии на эстраде. Может быть, Лайма Вайкуле как раз и стала для массового зрителя воплощением этой гармонии? И пусть у нее не богат диапазон голоса, пусть несколько скуповат ее сценический темперамент, может быть, именно благодаря тому, что она что-то недоговаривает, недоразжигает какого-то «огня страстей», во всем (от своего сценического облика, всякий раз непохожего, костюмов, хореографии своей до актерской игры в каждой песне) до конца выдерживает она столь дефицитное на нашей эстраде чувство меры.

В Рижском эстрадно-концертном объединении к теледебюту Лаймы Вайкуле, видимо, отнеслись с иронией. И, когда пришел новый вызов на съемки Центрального телевидения, местное начальство решило показать свою власть и не отпустило артистов в Москву. Но Лайма уже почувствовала, что коллектив созрел для работы на профессиональной эстраде, что им давно тесны ресторанные подмостки и...

— После этого «своевластия» мы прервали трудовое соглашение с концертным объединением,— говорит Лайма.— Но в Латвийскую филармонию нас не приняли. Зато нашлось место в Азербайджанской. Однако и эта организация недолго баловала нас вниманием... Мы сменили «крышу над головой», но проблемы оставались все теми же. И в первую очередь репертуар, аппаратура... Еще работая в «Юрас перле», стала исполнять латышские песни Раймонда Паулса. Особенно удачным получился номер «Верококо». Но просить у композитора новых песен, откровенно говоря, довольно долго не решалась.

Однажды случай свел меня с Ильей Резником. Разговорились о наших бесконечных эстрадных проблемах. И тогда Илья сказал, что у них с Раймондом Паулсом сейчас есть несколько новых песен и что можно попробовать какую-то спеть. Если опыт будет удачным, возможен будет разговор о дальнейшем сотрудничестве.

Тот экзамен с песней «Ночной костер» Л. Вайкуле выдержала успешно. С ней она участвовала в телевизионном смотре «Песня-86» из Вильнюса, в телемосте Москва — Рим, где состоялось знакомство с Валерием Леонтьевым и они впервые попробовали спеть дуэтом новую песню Паулса и Резника «Вернисаж». Потом был новогодний телеконцерт в Останкине, и опять новая песня — «Еще не вечер».

За полтора-два месяца Лайма подготовила восемь номеров, а фирма «Мелодия» записала первый диск-гигант Вайкуле с десятью песнями Р. Паулса. В конце мая Лайма впервые выехала за рубеж на международный конкурс и стала обладательницей Гран-при представительного песенного смотра «Братиславская лира», опередив очень сильных конкурентов — победительницу конкурса эстрадной песни Евровидения Николь из ФРГ и обладательницу Гран-при «Золотой Орфей» болгарку Петю Буюклиеву. Затем молодежный фестиваль дружбы в ГДР... Головокружительный взлет!

— И все дело случая,— говорит Р. Паулс.— Пример Лаймы красноречиво показал, насколько в жизни эстрадного исполнителя важна роль менеджера. Для нее великолепным менеджером стал Илья Резник. Он провел ее практически по всем этапам: от помощи в создании репертуара до организации концертов, звукозаписей и гастролей... И здесь главное не какая-то пробивная сила, «блат» или комбинации. Профессия певца вообще нуждается в такой административной помощи со стороны заинтересованного человека, потому что в большинстве случаев певцы те же дети, они ничего не смыслят в делах организационных, да, впрочем, и не должны смыслить...

У нас на эстраде большинство проблем связано с материальной стороной дела: она не позволяет приобретать необходимую аппаратуру, вовремя шить сценические костюмы. Хотя в принципе средства всегда где-то есть. Но где, никто искать не хочет. А менеджер бы нашел, и все закрутилось бы: пластинки, съемки и записи на телевидении, наиболее перспективные и удобные (об этом тоже надо думать!) схемы гастролей и концертов...

Мы только много говорим о том, что перспективным исполнителям надо помогать. Но кто поможет? А вот Резник взял да и помог!..

Случай привел Лайму Вайкуле на эстраду, научил фанатично работать и создавать себя «по образу и духу своему». Она обрела популярность в уже зрелом возрасте, когда многие подумывают о расставании с эстрадой. И четко осознавая это, стремится петь только те песни, которые вызывают раздумья, на которые откликаются люди мыслящие, а не заигрывает с молодежью, играя задорную девчушку.

— А у вас есть песни, которым вы отдаете предпочтение?

— Самые любимые — это «Вернисаж» и «Деловая женщина». Последняя мне очень близка и очень современна. В общем-то в деловых качествах женщины нет ничего плохого, скорее наоборот. Но когда она увлекается и заходит слишком далеко, это становится смешным. Образ, который я стараюсь создать в этой песне, и ироничен, и символичен. А женщина при всех своих деловых качествах все-таки должна оставаться женщиной.

— И каким вы видите свое творчество завтра?

— Этого я не знаю, потому что живу днем сегодняшним, эмоциями и образами, которые он вызывает. Мне очень нравится сам процесс работы над песенной ролью, репетиции, в которых бесконечно можно что-то менять, экспериментировать. Авторы музыки и стихов предлагают мне песенные темы, какую-то канву будущих миниатюр. Какими будут эти песни, я узнаю только завтра.

Театр песенных миниатюр, созданный деловой женщиной, готовится к премьерам. Театр, конечно, символический, но способный на равных сосуществовать с театрализованными программами Аллы Пугачевой, Валерия Леонтьева, скажем, на сцене Театра песни, о котором столь много в последнее время говорили, но который так и не обрел своих стен. И, видимо, до тех пор, пока его нет в реальности, судьбы перспективных эстрадных исполнителей будут находиться во власти случая.

Фото Игоря ГРАНКОВСКОГО

ВСЕ ЭТИ ГОДЫ ЖИЗНЬ ЗАСТАВЛЯЛА ЕЕ БЫТЬ НЕ ТОЛЬКО ПЕВИЦЕЙ И БАЛЕРИНОЙ, НО И ХУДОЖЕСТВЕННЫМ РУКОВОДИТЕЛЕМ КОЛЛЕКТИВА, И РЕЖИССЕРОМ-ПОСТАНОВЩИКОМ, И БАЛЕТМЕЙСТЕРОМ, И ХУДОЖНИКОМ-МОДЕЛЬЕРОМ. ЛАЙМА ВАЙКУЛЕ СУМЕЛА СОВМЕСТИТЬ В СЕБЕ ВСЕ ЭТИ ТРУДНЕЙШИЕ ПРОФЕССИИ БЛАГОДАРЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ РАБОТОСПОСОБНОСТИ, НЕУДЕРЖИМОМУ ЖЕЛАНИЮ БЫТЬ «НА УРОВНЕ»...

ДВА БЕРЕГА БАЙКАЛА

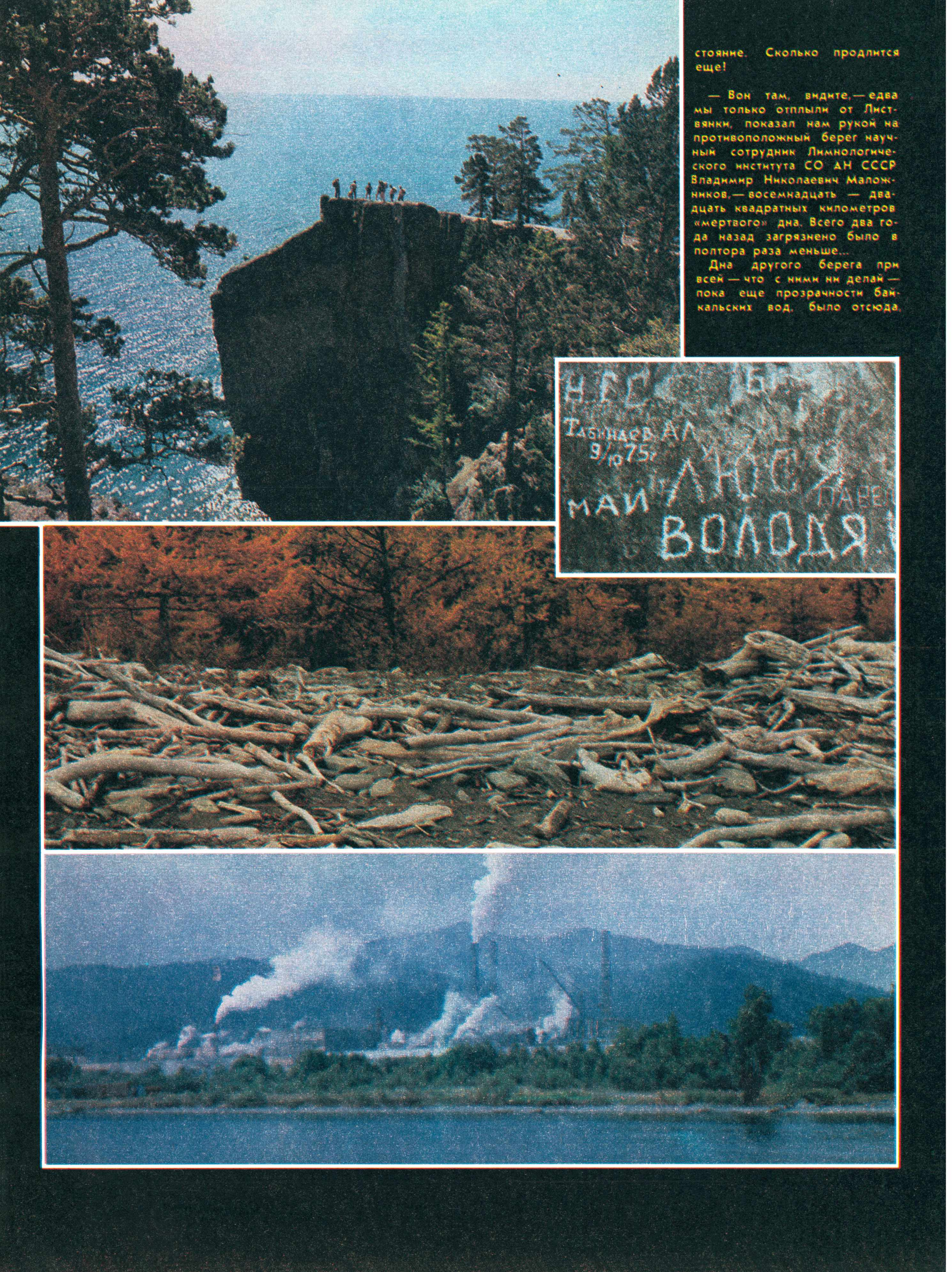

Георгий **ИВАНОВ-СМОЛЕНСКИЙ**, Геннадий **САПРОНОВ**, Вадим **НЕКРАСОВ**, Алексей **ФРЕЙДБЕРГ** (фото)

Оговоримся сразу: под двумя берегами мы имеем в виду отнюдь не озерный ландшафт. Не иркутский и бурятский берега Байкала. Пять дней вместе с небольшой экологической экспедицией мы плавали по великому озеру — от истока Ангары до острова Ольхон. Все пять дней вдоль одного и того же берега,— другой лишь маячил на горизонте заснеженными среди лета вершинами сопок. Но все эти пять дней наш, похожий не то на буксир, не то на торпедный катер, небольшой корабль «Бурливый» раз за разом натыкался именно на два разных берега.

Два берега — два отношения к Байкалу. Больное, подвижническое, беспокойное и сонливо-убогое, спесиво-чиновничье, корыстно-нахрапистое. Два берега — две гражданские позиции, две морали. И два времени.

Долго тянется это противо-

стояние. Сколько продлится еще!

— Вон там, видите,— едва мы только отплыли от Листвянки, показал нам рукой на противоположный берег научный сотрудник Лимнологического института СО АН СССР Владимир Николаевич Маложников,— восемнадцать — двадцать квадратных километров «мертвого» дна. Всего два года назад загрязнено было в полтора раза меньше...

Дна другого берега при всей — что с ними ни делай — пока еще прозрачности байкальских вод, было отсюда.

конечно, не разглядеть. Но зато пепельно-рыжее облако — извержение труб Байкальского целлюлозно-бумажного комбината,— его было видно еще часа полтора. Дымы — да, не скроешь. Сточные воды обыденным, а тем более праздным взглядом не уловить. «А не видно — значит, и нет. Вот кабы в палец мазут толщиной...» Мы почти не утрируем примитивно-дремучую, не назовешь ее даже ведомственной, логику многих администраторов самого разного ранга, чиновников от хозяйствования, долгие годы наносивших непоправимый урон Байкалу. А инструментарий карманной науки, прирученной ими для убаюкивания, обмана общественности, оказывался ненамного точнее, прозорливее наших невооруженных глаз.

Когда здесь, на берегах Байкала, целлюлозно-бумажным комбинатом еще и не пахло, когда только «зрело» решение о его строительстве, академик Н. М. Жаворонков утверждал, заверял, настаивал: высокопрочный вискозный корд необходим скоростной авиации, стоки же комбината не причинят озеру никакого вреда. Продолжал он упорно держаться этой «позиции» и в дальнейшем. Держится и сейчас. Как будто весь мир давно уже не перешел на гораздо более прочный и долговечный капроновый корд. Как будто вискозный — не то чтобы в авиации — в обычном автомобильном транспорте ежегодно не наносит ущерба в сотни миллионов рублей, не тормозит не только автомобили на дорогах, но и перспективные научные разработки в институтах, лабораториях. Но есть потери и куда более крупные, даже в обычных рублях с копейками. Ученые Сибирского отделения АН СССР подсчитали, что экологический ущерб, причиняемый комбинатом, во много раз превышает стоимость его продукции. А главное, «раковая опухоль» сточных вод уже поразила акваторию озера площадью 35 квадратных километров, изменяя, съедая своими «метастазами» уникальную флору и фауну.

Не плывет, нет, не плывет вверх брюхом косяками знаменитый байкальский омуль. И, стало быть, что сокрушаться, что тревогу бить — еще не вечер! На БЦБК родилась даже шутка: «Наш профиль теперь — охрана Байкала, а целлюлоза — так, почти ширпотреб». Юмор мрачный, как Байкал в ненастье.

Полумеры, полуправда — мы в последние год-два о них сказали, кажется, уже все, что думали. Экология не может тут быть исключением. И если где-то, возможно, разумный, здравый компромисс и допустим, то уж никак не на самом чистом (все еще) в мире озере. Триста тридцать восемь лет — таков цикл его полного водообмена. За такой лишь срок — какие праправнуки наши дождутся? — удалятся из него целиком инородные вещества. Мы не станем сомневаться в информированности министра лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР М. И. Бусыгина и министра мелиорации и водного хозяйства СССР Н. Ф. Васильева, не унизим таким подозрением и других руководителей, от которых напрямую зависит судьба Байкала. Цифру эту они, безусловно, знают. Ну, а если знают, знают и годами тянут волокиту, ограничиваются полумерами, тогда что предположить?

С такими вот мыслями начинали мы, в том числе несколько журналистов, свое плавание. Такие вели разговоры, пока все маячил на горизонте «Везувий» курящихся труб комбината. И все же... Двое из нас на Байкал попали впервые — эффект знакомства со «славным морем» не мог то и дело не прерывать невеселых и деловых разговоров: глаза наши были изумленные и широкие.

Чуден Байкал при ясной погоде...

На партийно-хозяйственном активе Бурятской АССР и Иркутской области, посвященном проблемам Байкала, вице-президент Академии наук А. Л. Яншин сообщил, что группа академиков обратилась к президенту АН СССР Г. И. Марчуку с предложением рассмотреть вопрос о личной ответственности академика Жаворонкова за урон, нанесенный уникальному озеру. Строго наказаны в том же повинные руководители министерств и ведомств. И меры подобные должны, непременно должны стать нормой, трибунальной неотвратимостью. Потому что экологическое беззаконие сродни английскому судебному праву: прецедент дайте... Ведь строительство в свое время целлюлозно-бумажного комбината оказалось не просто само по себе катастрофическим для Байкала. Победа сторонников БЦБК — что, возможно, еще страшнее — дала на долгие годы вперед именно прецедент. Открыла шлюзы — моральные, социальные, административные: можно! Сойдет!

И сходило. Сходит. Семьсот миллионов кубических метров стоков ежегодно сбрасывается в озеро. Свыше семисот семидесяти тысяч тонн вредных веществ выбрасывается в атмосферу только предприятиями Ангарско-Иркутского промышленного района. Двадцать три тысячи гектаров леса (15 процентов) погибло за пять последних лет в Прибайкалье. Загрязняли и продолжают загрязнять Байкал Селенгинский целлюлозно-картонный комбинат (концентрация вредных веществ в Селенге даже ниже его на километр значительно превышает предельно допустимые нормы), железнодорожные станции Бурятского участка БАМа (только на одной из них есть очистные сооружения), многочисленные предприятия Миннефтехимпрома, Черемховского угольного бассейна, электростанции Минэнерго, рыбозаводы, лесозаготовители объединения «Забайкаллес». Лишь чуть больше 37 процентов заводов и фабрик Бурятии оснащены газопылеулавливающим оборудованием. Десять с лишним лет все вводится система замкнутого водоснабжения на Селенгинском ЦКК...

ЦК КПСС и Совет Министров СССР в апреле этого года приняли постановление «О мерах по обеспечению охраны и рационального использования природных ресурсов бассейна озера Байкал в 1987—1995 годах». Те, кто внимательно и давно следит за судьбой Байкала, наверняка вспомнят, что это постановление — третье в ряду высоких партийно-хозяйственных решений, касавшихся проблем озера. Предыдущие два по изощреннейшим лоциям бюрократизма отыскали-таки в глубочайшем из озер мира для себя надежные мели.

Хочется верить, что новое постановление сдвинет дело защиты великого и беззащитного озера с якоря, с мертвой точки. Уже к концу года должен быть разработан генеральный проект развития производительных сил в бассейне Байкала. В эти же сроки предстоит закончить территориальную комплексную схему охраны природы, определить нормы допустимых воздействий на экологическую систему озера. Планируется перепрофилировать Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат, провести большие лесовосстановительные работы, реконструировать химические производства и закрыть устаревшие, сократить до минимума транспортировку по озеру нефтепродуктов, прекратить сплавлять лес в плотах... Во всем этом и многом другом приоритетная роль отведена науке, без нее, подчеркивается, ни шагу. Госкомитет СССР по науке и технике утвердил уже региональную программу научных исследований до 1990 года.

«И когда нечего нам более желать»,— заметил некогда поэт. «И в самом деле, что еще желать? — вправе спросить следом за ним читатель.— Принята программа, меры определены. Давайте дело делать. Зачем ворошить то, что было?»

Кто же спорит, дело делать надо. Будем делать. Уже делается кое-что. С выходом постановления точка экологического кипения, точка, во многом критическая на Байкале, вдруг, разом не снизилась.

Берега у Байкала все же два. Не географических — гражданских, нравственных, временных, повторимся. С некоторыми из тех, кто давно и прочно стоит на берегу подвижников, берегу рыцарей Байкала, мы и плавали пять дней по озеру.

Владимир Булыгин, заместитель директора по науке национального парка:

— Наш парк проектировали, не посоветовавшись ни с кем — ни с учеными, ни с партийными и советскими органами, ни с лесными и охотничьими хозяйствами. Результат? Спроектирован парк так, как не проектируются нацпарки нигде в мире,— узенькая полоска суши вдоль берега. А заходи по колено в воду — и твори все, что хочешь. Животные тоже на этой полоске ведь не сидят на привязи, уходят с парковой территории. Не подумали и о том, чтобы не был нацпарк мертвым капиталом, чтобы в разумных пределах велись здесь охота, рыбная ловля, развивался охотничий туризм.

Владимир Николаевич Маложников, научный сотрудник Лимнологического института СО АН СССР:

— До перепрофилирования целлюлозно-бумажного комбината Минлесбумпром намерен отводить промышленные стоки по специальной трубе, которую вот-вот начнут прокладывать. Но ведь это же вопиющие безобразие и безграмотность. Все эти стоки прямиком попадут в Ангару, а это питьевая вода Иркутска, других населенных пунктов. Кроме того, мера эта опять-таки половинчатая и в будущем она может дать козыри в руки противникам перепрофилирования комбината.

С тем же жаром, который не остужала даже четырехградусная байкальская вода, говорили, спорили о своих проблемах и директор национального парка Валерий Александрович Донской, и первый секретарь Ольхонского райкома партии Владимир Никитович Дружинин, и председатель Хужирского поселкового Совета Юрий Анисифорович Пряничников, и генеральный директор Иркутского отделения «Интуриста» Валерий Кислов, и председатель Иркутского БММТ «Спутник» Иван Кашинский, и выпускница географического факультета Иркутского университета Туяна Убонова, и егерь Николай Игнатьевич Полищук. Это те, с кем мы плавали, с кем встречались...

Сегодня люди самых различных взглядов, возрастов, уровня знаний и интересов с тревогой задают один и тот же вопрос: «В чем гарантия необратимости происходящих у нас в стране перемен?» И ответы на этот вопрос вопросов столь же различны и многообразны, как и люди, дающие их. Что ж, здесь есть, безусловно, свой смысл. Одной для всех гарантии быть не может. Гарантий в таком архиважном деле необходимо много — экономических, политических, нравственных. И одна из них, на наш взгляд, такова: память наша, едва нащупав в сегодняшнем дне аналоги с темным и злым прошлым, должна загораться стыдом.

Экология здесь не исключение. И Байкал — в череде самых первых нерешенных проблем.

Николай ТРЯПКИН

* * *

Угасло время той молвы.
И раны старые, сквозные
Свели туда — в земные рвы
Не всех защитников России.

И далеко не всех врагов,
Под тем ли жаром не добитых,
Они спровадили без слов
Под ту же сень, под те же плиты.

И не спалила та война
Ни гор земных, ни плоскогорий...
Иная грусть нам суждена,
Иное к нам стучится горе.

Увы, ровесник мой и друг,
Уже нам старость не помеха.
Покинуть с миром свой уструг —
Желать ли большего успеха?

И раны старые твои
Тебя не столь уже пугают.
И грозовые соловьи
Иной исход нам возвещают.

И может статься — не спасем
Уже ни гор, ни плоскогорий.
И не у нас ли под жильем
Гудит всемирный крематорий?

И, может, всем нам суждено
Уйти — без всякого остатка...
И не споет веретено,
И не расплачется солдатка.

СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ

Марку Лисянскому.

Семьдесят лет! Семьдесят лет!
Это не так-то плохо.
Семьдесят лет — мудрости свет,
А позади — эпоха.

Семьдесят лет — снежный берет,
Дым на крутой вершине.
Сколько воды! Сколько беды!
Сколько страды в помине!

Семьдесят лет... Пусть еще нет
Этой гряды за мною,
Эй, выручай! Руку подай!
Скоро взберусь. Освою.

Горная высь — острая рысь:
Лютая дрожь. Иголки.
А где-то внизу — гонял стрекозу,
Лихо стоял на двуколке.

Эй, помоги! Ходят круги
В этих глазах прикрытых...
Семьдесят лет! Эпос допет.
Сумрак сквозит в ракитах.

А мне еще — петь. Дай же успеть.
Давай-ка, дружище, вместе!..
Семьдесят лет — время бесед
Около дров, на присесте.

Семьдесят лет — лучший ответ,
Что там решили боги:
«Да» или «нет», тьма или свет
В последнем твоем итоге?

Семьдесят лет... Сколько замет!
Сколько сует в помине!
Сколько тщеты было на «ты»
В скорбной твоей долине!

Семьдесят лет — серебряный цвет,
Солнышко и прохлада...
Значит, привет! Не горюй, поэт.
Все идет, как надо.

Татьяна ИВАНОВА

ОТКРОВЕННОСТЬ ЗА ОТКРОВЕННОСТЬ

И жаль его очень, и надобно идти своей дорогой.

А. ГЕРЦЕН

О ЛИТЕРАТУРЕ! НЕ СТОЛЬКО О НЕЙ...

Что идеи становятся материальной силой, только овладев массами, знает всякий. Превратились ли в материальную силу идеи перестройки и гласности? Думаю, надо дать утвердительный ответ, потому что перемены в жизни нашего общества очевидны. Но очевидно и другое: путь к полной победе тернист и непрост.

Прочли ли вы статью Ю. Карякина в девятом номере «Знамени»? Журнальный обозреватель, пишущий, как принято говорить, «для широкого читателя», рекомендует для чтения в самую первую очередь не роман, не повесть и не рассказ, а статью на литературную тему. Почему?

Потому, что Ю. Карякин рисует тип противника перестройки. Показывает его типические черты, признаки. Анализирует его систему действий, поступков, высказываний и раскрывает подтекст высказываний, мотивы поступков, методику действий.

На материале литературы? Но материал литературы для исследования такого рода самый что ни на есть благодатный. Идет ли речь о романах В. Дудинцева, Б. Можаева, стихах А. Ахматовой, Е. Евтушенко, А. Вознесенского, судьбах М. Цветаевой, Б. Пастернака — это все известно, понятно и близко и читающим рабочим, и ученым, и учителям, и врачам, и инженерам.

Ю. Карякин рисует тип так четко и ярко, что люди, освоившиеся с его статьей, легко узнают противника перестройки в своей среде — рабочей, ученой, сельской, строительной. Отличат его даже по одной лексике, по оборотам речи. По круглым, обкатанным словам, которые создают то видимость мысли, то видимость страсти, гнева, торжества. По политическим ярлыкам, которые тип обожает навешивать и мастерски умеет изобретать. По тому, как он передергивает ваши слова, намекает на какие-то гнусности, ловит на ошибках, оплошностях, обмолвках, торжествует, когда поймал, а когда не поймал,— изобретает их, лжет, хитрит.

Этот тип не умеет спорить по существу, он знает только, как давать отпор. Отпор всем, кто думает иначе, чем он сам, чувствует по-другому, не так оценивает факты прошлого и явления настоящего, по-иному представляет себе перспективы, будущее. Это он давал отпор академику Н. Вавилову и композитору Д. Шостаковичу, земледельцу Т. Мальцеву и поэту Б. Пастернаку, редактору А. Твардовскому и певцу В. Высоцкому. Отпор! А если нельзя отпор — эпистола в инстанции. Не срабатывает эпистола — донос.

Сейчас, когда такие приемы не имеют желаемых последствий, этот тип затаился. Он не пользуется гласностью, он не берет слова, он хочет остаться инкогнито, дожидаясь своего часа. Ю. Карякин бросил ему перчатку. Прервется ли «заговор молчания»?..

Другой бой противникам перестройки предлагает и Ю. Буртин. Примут ли они его? Смогут ли принять?

Статья Ю. Буртина в восьмом номере «Октября» осмысливает прожитое нами время, годы сознательной деятельности социально зрелых сегодня поколений, осмысливая судьбу Твардовского. Вот вся его жизнь, вот поступки и их движущие причины — все на виду, на миру. А потом выходите на трибуну и вы. Расскажите, какова была ваша жизнь, почему вы, например, воспринимали деятельность Твардовского на посту главного редактора «Нового мира» как враждебную обществу, почему считали, что ее нужно как можно быстрее прекратить. Расскажите, как этого добивались, какими методами, пришлось ли преодолевать сопротивление, если да, то чье, если нет, то, как вы считаете, почему... И так далее...

Талантливый разговор о литературе неизменно, всегда становится разговором о самой жизни, о самом насущном. Статья Ю. Буртина призвана помочь каждому, обдумывающему прожитые годы, стремящемуся найти свое место в сегодняшней борьбе.

Как Россия выстрадала марксизм, так вся наша страна выстрадала перестройку, выстрадала гласность, выстрадала необходимость демократии. Защищая сегодня их словом, действиями, делом, мы защищаем собственную революционную теорию, ее святые идеалы — свободу, равенство, братское единение, защищаем цель коммунистов: «Преобразовать общество так, чтобы каждый его член мог совершенно свободно развивать и применять все свои способности и силы, не посягая при этом на основные условия этого общества». Я процитировала Ф. Энгельса, «Проект коммунистического символа веры».

Давно перечитывали?

Так много нужно сейчас читать, но, кажется, еще больше надо бы сейчас перечитывать. В различных газетах и журналах, с телеэкранов, из уст писательских звучат сейчас слова о том, что както не во что верить, куда-то подевались идеалы. На вопрос «Во что вы верите?» — серьезные люди вдруг отвечают: «В счастье, в духовность...» Я глубоко сочувствую этим людям и испытываю перед ними чувство вины. И хочу, чтобы вместе со мной испытывали его другие пишущие люди: гдето все мы крепко недорабатываем. Это нашим-то согражданам стало не во что верить?! А в собственный народ? А в разум? А в торжество правды, добра? А в то, что в конце концов восторжествует на земле самое справедливое человеческое общество?

НАУКА ЧИТАТЬ И ПИСАТЬ

«Я обратился к Вам по поводу, как говорится, личной проблемы,— пишет Сергей Майнагашев, 23 лет, из Абакана Хакасской автономной области.— Дело в том, что я не умею читать и писать». Эти строки я прочла с изумлением, потому что письмо держала в руках абсолютно грамотное. В чем же дело? «Мне хочется, чтобы кто-то понял меня не только как молодого человека, а как человека, пытающегося все понять... Я хочу понять искусство во всем его многообразии. Хочу понять поэзию, живопись, музыку. В музыке я понимаю совсем мало, это-то уж мне ясно как день, потому что я музыкант по образованию».

Хочется, чтобы это письмо прочли те, кто не устает бранить молодых. Слышите ли вы, какое это письмо? Овладели ли вы, старшие, своим делом настолько, чтобы понять, как мало в нем понимаете? Стремитесь ли вы научиться читать и писать? Или уверены, что уж этими-то премудростями владеете в совершенстве с раннего детства?

Письма от молодых читателей самые дорогие. Надеюсь, меня отлично поймут мои сверстники и старшие, особенно пишущие. Самые щедрые похвалы коллег, полнейшее понимание со стороны ровесников — ничто не сравнится с удовлетворением, которое испытывает пишущий, когда ему верят молодые, тянутся к нему, хотят читать, слушать, спрашивают совета, понимают... (О щедрых похвалах коллег сужу понаслышке и по свидетельствам великих писателей и критиков — мне они, увы, совсем неведомы.)

Так хочется, чтобы жизни молодых сложились чисто. Чтобы им не приходилось бояться типов, подобных выведенному Ю. Карякиным. Чтобы не были они вынуждены приспосабливаться к обстоятельствам, созданным этими типами, и отрекаться от правды, от дела, которому служат. Чтобы могли они жить и работать так, как мечтали старшие деятели русской свободы, как мечтали их прадеды семьдесят лет назад.

Мы не вправе позволять этим типам создавать обстоятельства. Больше не вправе. Создаваемые ими обстоятельства тяжелы, а то и невыносимы для чистых, честных, деятельных, думающих людей потому, что они не социалистические. Они искажают суть нашего общественного устройства, суть нашего строя, достойного человечества (Ф. Энгельс), коммунизм, по Марксу,— синоним гуманизма, практический гуманизм. За него и боремся. И не сдадимся, ни за что не сдадимся.

НЕ ЛЮБИШЬ — ХОРОШО НЕ НАПИШЕШЬ

Наталья Сорокалетова, москвичка, спрашивает, почему я никогда не пишу о Владимире Маканине. Тем более что ведь одновременно появилось сразу два его произведения — в «Октябре» и в «Новом мире».

Ну, почему же «никогда»... Я очень люблю повесть этого писателя «Где сходилось небо с холмами», люблю рассказы. И писала об этом. Что же до повестей «Утрата» и «Один и одна» — они оставили меня равнодушной. А оставаясь равнодушной, я не решаюсь писать.

Это, между прочим, очень серьезный вопрос, на мой взгляд, для критики коренной. Со всех сторон нас призывают: высказывайте объективные оценки. Субъективные не нужны. Но в состоянии ли хоть один человек высказать хоть одно суждение не субъективно, то есть не вложив в него собственное чувство — восторг, очарованность или, наоборот, антипатию,— в состоянии ли он высказаться при этом так, чтобы читатель понял суждение, принял его, посочувствовал ему, разделил? Объективность? Что же такое может быть в нашем деле объективность? Думаю так, а скажу иначе, как надо? Скажу, как подсказывает абстрактный здравый смысл и мнение большинства?

Но такому занятию я ни за что не стала бы предаваться: оно неинтересно. И бесполезно, на мой взгляд.

Объективное суждение о произведении сложится из самых разных, конечно же, субъективных критических суждений. И чем больше критик вложит в написанное собственного чувства, собственной души, чем искреннее он скажет, тем больше людей поймут его, захотят поддержать или оспорить.

В одном из обзоров я высказала недоумение в связи с публикацией в журнале «Москва» статьи об эпитете «синий». И напрасно, думаю, обиделся на «Огонек» и меня А. Косоруков, автор, приславший в редакцию гневное письмо. Достоинств и недостатков этой статьи я не разбирала. Но для исследований такого рода есть академические издания. Журнал же «Москва» не только литературно-художественный, но и общественно-политический. А вопрос о роли эпитета «синий» сегодня не самый злободневный, как на него ни посмотри. Мой упрек был обращен к журналу, нерационально в этом случае использовавшему свои страницы, литературовед же, конечно, имеет право на самые скрупулезные филологические изыскания, и тем более относящиеся к такому произведению, как «Слово о полку Игореве».

Это, естественно, ничуть не означает, что журналы должны заниматься только и исключительно современностью, ее проблемами. Да так, надеюсь, никто и не подумал. Когда Ольга Чайковская публикует в «Новом мире» за август статью «Гринев», она ведь не только учит нас читать классику. Она преподносит нам ту самую науку, о которой я говорила с самого начала: науку включения наших достойнейших предков в сегодняшний день, науку памяти, искусство учиться у прошлого. Когда в том же августе «Знамя» публикует мемуары участников Отечественной войны 1812 года и мы слышим голоса людей разных поколений, разных сословных и военно-профессиональных групп, не искаженные ни временем, ни пространствами — живые, близкие голоса собственных предков,— мы получаем заряд патриотизма, гордости, пищу уму, просвещаемся.

Когда в июльском номере «Звезды» мы читаем воспоминания М. Чулаки о Дмитрии Шостаковиче, мы узнаем о собственном великом соотечественнике и о собственном времени то, что, возможно, не знали или плохо себе представляли, и это просветляет взгляд. И новонайденная пьеса Н. С. Гумилева «Охота на носорога», конечно, естественна, уместна на страницах второго номера журнала «Русская литература».

Что касается критического отдела «Звезды», то кажется несправедливой весьма субъективная и неточная критика, которой подвергнута на страницах журнала интересная книга Анны Саакянц о М. Цветаевой, изданная «Советским писателем». Первое в нашей стране монографическое исследование жизни и творчества сложнейшего русского поэта, выполненное одним из самых авторитетных специалистов-цветаеведов, отличается, на мой взгляд, глубиной и своеобразием анализа, профессионализмом и корректностью. Странно, что эти качества монографии «Звезда» не приняла в расчет.

Думаю, никакие заслуги перед обществом не дают права на агрессивность по отношению к человеку, думающему иначе, чем ты, а тем более на хамство.

РАСШАРКИВАТЬСЯ!.. БЛАГОДАРИТЬ!..

«...Я повести Астраханцева не читал, но согласен с ним, а не с вами. Что Москва погрязла — это мнение не только Астраханцева и «Нашего современника» или мое лично. Это мнение всех так называемых простых людей из самых разных городов».

«...Мы пришли к выводу, что Вы точно такая же Таня, как описано в романе «Не умирайте с секретаршей Танечкой». Служебный роман цветет махровым цветом. Так что: молчать или его уничтожать? Уничтожать! А про Вас неплохо было бы сообщить биографию критика: замужняя — разведенная, есть ли дети, имеет ли любовника. Кто Вам дал право правду называть сплетней?»

«...Иванова обвиняет А. Астраханцева в несправедливом отношении к москвичам. Советует писателям для познания духовного мира москвичек заглядывать в их дамские сумочки. Оплакивает гибель красивых зданий Москвы — затянувший процесс москвичей. Воспитывает обращаться к религии. Чтобы понять, чем дышат московские женщины, достаточно было посмотреть передачу телемост Москва — США. Мы, женщины, как назвал нас А. Астраханцев, провинции, свое личное не ставим выше авторитета Родины и со своими невзгодами не пойдем на совет к капиталисту. Мы свою Родину любим беспредельно. Дамские сумочки — это интимный уголок женщины, а по содержанию они у всех нас одинаковы. Вот так, тов. Иванова!»

«Ваш обозреватель только делает вид, что пишет о литературе. Она на самом деле пытается, как это, среди определенной части модно (хрущевцы) под любым видом заниматься очернением нашей истории под руководством великого И. В. Сталина. Это было видно с самого первого ее обзора, где под видом похвалы молодому писателю Ю. Полякову она писала о вреде доносов. Но не доносы были в нашей истории, а борьба с такими вот очернителями и прочими врагами народа. Тоже завалированный призыв «убей культ в себе». Наш народ не может жить без сильной руки, это его природа. Копия моего письма отправлена в соответствующие инстанции».

Здесь приведены отрывки из ряда писем с сохранением стиля, орфографии и пунктуации авторов. Вот их имена: Олег Николаевич Конев из Свердловска; В. В. Доброхотова из Ивано-Франковска; Валентина Матвеевна Юрина из г. Крымска Краснодарского края; В. Г. Смирнов из Ленинграда.

Простите, товарищи, что ваши письма я привожу в отрывках. Оправданием мне может служить только то, что письма в поддержку журнала я ведь цитирую еще короче.

Гласность обязывает к прямому разговору, не так ли? Видимо, хватит благодарить и читателя за любое письмо, расшаркиваться перед каждым, кто обратился в редакцию. Хватит читателю льстить.

Раскладываю письма на две стопки. Условно обозначаю их так: «письма в поддержку» и «письма протеста». В первой стопке письма людей, «умеющих читать и писать». Во второй... Вы сами видели, что во второй.

Жалею всех: безграмотных, злобствующих, не видящих дальше своего носа, не понимающих, что смешны в своей ограниченности и агрессивности. Жалею — но... «надобно идти своей дорогой».

Вы никогда не задумывались над тем, сколько бед причиняют нам бескультурье, безграмотность? Конечно, в основе всего экономика, а культура так, не более чем надстройка. Конечно, важнейшие причины наших бед в ошибках планирования, в непомерно разросшемся бюрократическом аппарате, в низкой квалификации работающих, в халтуре, в разболтанности... Мало ли причин!

Ну, а ошибки планирования, а бюрократизм бюрократов, а хамское отношение к собственному делу и к окружающим людям — разве все это не от низкой культуры, не от недостатка культуры?

Наше общество сейчас на таком этапе, что одного чувства добра, справедливости, нравственности мало, чтобы быть его активным членом. Хватит только на то, чтобы не мешать прогрессу. Чтобы способствовать ему, нужна настоящая культура.

Право, о каком, например, патриотизме можно говорить с человеком, который даже родной язык знает чуть-чуть? О какой демократии? О какой активной жизненной позиции?

А социальных причин для бескультурья у нас сегодня нет. Оно может быть только следствием собственной лени, жуткой самоуверенности (одного из следствий все того же бескультурья).

ЕСЛИ НЕ РАВНОДУШНЫ — ЧИТАЕМ

Хоть этот обзор и посвящен в основном письмам, давайте-ка я хотя бы кратко выступлю в своей привычной роли: расскажу, на что обратить внимание в последних журнальных номерах.

Рассказ Вячеслава Кондратьева «На станции «Свободный» в «Юности» о тех самых годах, когда мы жили под «сильной рукой», без которой, по мнению одного из наших читателей, наш народ обходиться и не умеет. И потрясающее своей горькой правдой и страшной простотой документальное повествование Юрия Щербака «Чернобыль» — в том же журнале. О Чернобыле... Несколько читателей считают Чернобыль следствием именно вольной, без «сильной руки» жизни. Полагаю, что это — глубокое и вредное заблуждение.

Беды застойных лет скорее и вернее всего порождены как раз годами культа. Эпидемия равнодушия и безответственности вызвана вирусом глубоко въевшейся в нас психологии «винтиков», бациллой одного из самых античеловечных лозунгов: «У нас незаменимых нет». Раз люди — винтики, раз каждого ничего не стоит заменить, значит, нечего с нас и спрашивать. Такая логика.

А произведение Юрия Щербака все равно оптимистично. Да, вирусы, да, бациллы, да, эпидемия — но какие же чудесные люди, какие крепкие духом, стойкие, талантливые в деле, солидарные!

Нет, мой народ не нуждается в «сильной руке», она только гнет его, и давит, и мешает ему распрямиться. Он нуждается только в том, чтобы ему доверяли, уважали его, считались с ним. Много лет этого не было, много. Настоящее доверие только сейчас начинается, и он еще покажет себя с самых лучших сторон. В это я верю свято.

В июльском номере журнала «Простор» опубликована повесть Юрия Рожицина «Омут», обратите на нее внимание. Целый ряд произведений из времени коллективизации увидел свет в последнее время. Два из них особенно хороши, я бы назвала их даже выдающимися: в первую очередь это «Мужики и бабы» Б. Можаева, во вторую — «Кануны» В. Белова. Но даже и при этих условиях «Омут» Юрия Рожицина не должен уйти из нашего поля зрения, для себя мысленно ставлю его в тот же уважаемый ряд.

«Детский дом», записки воспитателя Ларисы Мироновой. Июньский номер «Урала». Стыдно обнаруживать в себе диктаторские черты, но, будь моя воля, я заставила бы всех прочесть эти записки. Прямо заставила бы, честное слово.

Суровое повествование без малейших сантиментов. Жалко детей... Не потому только, что они обворованы, унижены, живут в холоде и хамстве. Их жалко потому, что они не развиты, не образованы, чувства их воспитывать некому. Они живут в бегах и потом на вопрос «Что ты ел?» отвечают: «Помойку». Они воруют, хулиганят и дерутся, они не приучены к труду, абсолютно не готовы к самостоятельной жизни. Наши дети, наши...

О повестях из «Знамени» вам непременно расскажут другие критики в других изданиях — уже начали. Я же настойчиво рекомендую не пропустить статью Геннадия Лисичкина «Против течения». Перед нами тот самый случай, когда мы или хотим быть активными участниками происходящих в обществе перемен — тогда читаем Лисичкина, вникаем в него (с его помощью вырабатываем собственное отношение к процессам, происходящим в экономической жизни страны), или не хотим — тогда можно отнестись к этой статье и безразлично.

Снова обращаю ваше внимание на журнал «Урал», на повесть Владимира Соколовского «Непобедимый Костин» — в ней живет герой и живая жизнь, и читается она с большим интересом и сочувствием. Молодое, новое писательское имя, которое я запомню после этого первого знакомства. Открытие имени — радость, а радостью хочется делиться.

ГДЕ НАША БУМАГА!

Многие читатели прислали письма с одним вопросом: на что подписаться? Я внимательно слежу за последними страницами журналов, где объявляется программа будущего года, внимательно читаю интервью с главными редакторами журналов в «Литературной газете». Что сказать? Если вы можете себе позволить не более двух «толстых» журналов, я посоветовала бы «Знамя» и «Неву» — здесь перспективы самые заманчивые. Немало интересного обещают «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов». И мы последим с вами вместе за остальными: ведь когда в журнале идет настоящая перестройка, это сразу заметно, а подписку можно оформить с любого месяца. Она, конечно, дорога, но с розницей положение просто бедственное.

У меня есть старый внимательный читатель, с которым я переписываюсь много лет. Его письма помогали мне, бывало, делать обзоры: я что-то пропущу — он никогда. И вот какое горькое письмо прислал мне недавно этот читатель, прекрасно знающий литературу, по-настоящему любящий ее: «Больше чем полгода я ничего не читаю — ни одного произведения из тех, о которых Вы пишете в обзорах: в 1987 году в киосках «Союзпечати» нашего города я не мог купить ни единого экземпляра толстых литературно-художественных журналов. Я не могу себе позволить подписку. Я выписываю «Литературную газету», «Правду», «Советскую культуру» и две местные газеты. И хотя я всю жизнь считал, что потребности духа выше потребностей брюха, надо же хоть малую толику оставить и на удовлетворение «низменных» потребностей. Все это меня раздражает и злит до крайности: невозможность читать — я о ней, о ней говорю. Я спокойно переношу трудности с мясом, с рыбой, с хлебом, наконец, но понять, почему наша великая и могучая страна не может предоставить возможность досыта читать всем желающим, я не в состоянии. А журналы, судя по прессе, месяц от месяца становятся все интереснее...» Автор послания — Николай Львович Щиц из Воронежа.

Вот такие дела... А вы знаете, я не верю, что для пустых киосков есть хоть какая-нибудь уважительная причина. Потому что, если она и есть, она все равно неуважительная. Отсутствие журналов в розничной продаже — обстоятельство, на мой взгляд, не житейское, а политическое. Кто не понимает, что подписка на журналы дорога? Лишая людей возможности купить журнал в киоске, их вообще лишают возможности читать журнал. Ведь в библиотеках очередь за единственными номерами по полгода. Значит, журналы — для состоятельных людей?

Но когда мой воронежский читатель пишет, что нет журналов,— он имеет в виду вполне определенные журналы, десяток-полтора наименований, никак не больше. А только в России выходит около сотни журналов... Критика пишет, читатели говорят, страсти кипят — вокруг «Знамени», «Невы», «Нового мира», «Октября», «Дружбы народов». За целый год появились две-три интересные публикации в «Просторе», «Доне», «Волге», чуть больше — в «Урале».

Когда заходит речь, например, о том, что журналы наводнены «старыми», «забытыми» рукописями,— имеют в виду все те же журналы, остальные не «наводнены». Когда пишут, что журналы стали очень интересны, имеют в виду те же журналы, остальные «не стали». Когда пишут, что журналы слишком увлеклись негативными явлениями — пишут о тех же журналах, остальные «не увлеклись». Когда восхищаются тем, как много у нас, оказывается, хорошей прозы, прекрасной поэзии, дельной публицистики,— в пример приводят те же журналы, в остальных «немного».

Об остальных, о многих десятках «остальных» никто ничего не говорит, потому что нечего говорить. Их не в чем упрекать, в них нечем и восхищаться. Они бесполезны. Но бесполезное — вредно, вот в чем горькая суть журнального дела.

Не ловите меня на слове. Не хочу я «очернить» ничью работу, ничьи усилия. Понимаю, что во всех редакциях работают люди, и пользуюсь любой возможностью, чтобы сказать доброе слово о республиканском журнале, о региональном альманахе, стараюсь не пропустить ни одной стоящей публикации, ни одной заслуживающей читательского внимания статьи, ни одного славного нового имени. Вы видите это по обзорам. Но что-то за целый год ни единой возможности упомянуть себя в обзоре в добром контексте не предоставили мне, например, журнал «Ашхабад», альманах «Сибирь». Нет литературы в Туркмении? Нет в Сибири? Не верю. И никому никогда ни за что не поверю. Редакции работают плохо, по старинке, не перестроились. Писательские организации мирятся с этим, не хотят бороться. И вот почему с таким невероятным трудом пробивается на журнальные страницы наша замечательная литература.

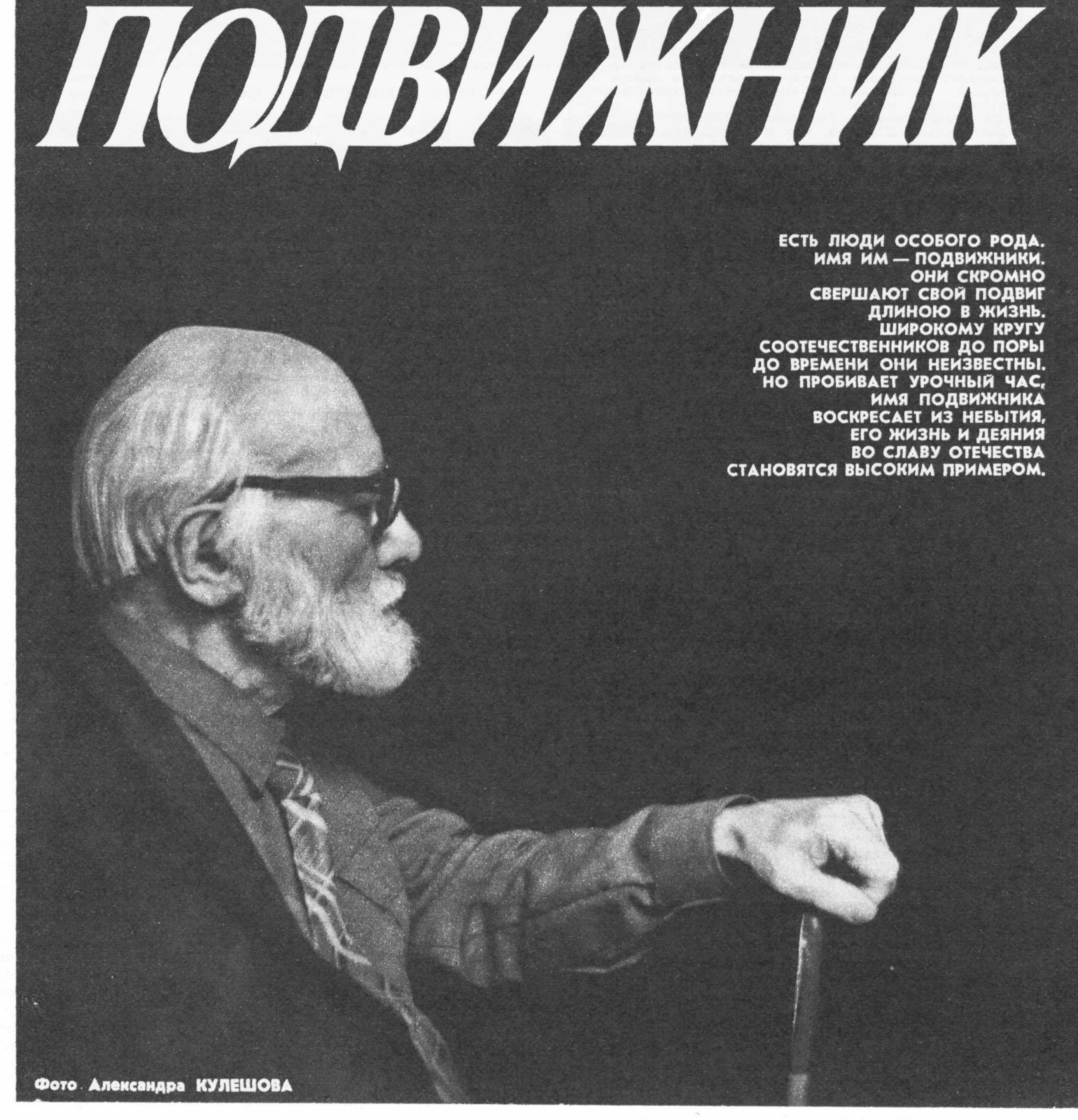
Вот где наша бумага. Вот где, видимо, и наша розница.

Десятки журналов, не давших ни одного произведения за год, достойного внимания читателей, критики (или давших два, пусть пять, пусть десять сносных произведений),— и заполнившие страницы серой прозой, вялой публицистикой, равнодушной критикой — разве эти десятки журналов не отличная, ловко устроенная баррикада на пути нашей перестройки, гласности?

ПОДВИЖНИК

ЕСТЬ ЛЮДИ ОСОБОГО РОДА. ИМЯ ИМ — ПОДВИЖНИКИ. ОНИ СКРОМНО СВЕРШАЮТ СВОЙ ПОДВИГ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ. ШИРОКОМУ КРУГУ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ДО ПОРЫ ДО ВРЕМЕНИ ОНИ НЕИЗВЕСТНЫ. НО ПРОБИВАЕТ УРОЧНЫЙ ЧАС, ИМЯ ПОДВИЖНИКА ВОСКРЕСАЕТ ИЗ НЕБЫТИЯ, ЕГО ЖИЗНЬ И ДЕЯНИЯ ВО СЛАВУ ОТЕЧЕСТВА СТАНОВЯТСЯ ВЫСОКИМ ПРИМЕРОМ.

Владимир ДЕСЯТНИКОВ

Фото Александра КУЛЕШОВА

1

В давнюю мою бытность сотрудником Министерства культуры СССР случай свел меня с архитектором - реставратором П. Д. Барановским. Ему тогда исполнялось семьдесят лет, и реставрационная мастерская, где он работал, представила его к присвоению почетного звания заслуженный деятель искусств РСФСР. Петр Дмитриевич принес в министерство автобиографию, фотокарточку, листок по учету кадров и список творческих трудов. Старший инспектор отдела кадров, бывший подполковник авиации, полистал документы Барановского и безапелляционно заявил:

— Какое вам может быть звание? Вы всю жизнь церкви реставрировали.

— Не церкви, а памятники культуры,— уточнил Барановский и забрал документы.

Было стыдно за моего коллегу, но служебная этика не позволяла «встревать» в разговор. Я вышел из кабинета и побежал в гардероб. Петр Дмитриевич неспешно одевался. Он выглядел скорее мастеровым, но никак не профессором, выдающимся ученым. Извинившись, я попросил его отдать мне принесенные документы. Расчет мой был простой. Кадровик частенько прихварывал. Я надеялся в его отсутствие заготовить необходимые бумаги и подписать у начальства. В то время я учился на вечернем отделении истфака МГУ и знал, что П. Д. Барановский приступал к реставрации Крутицкого подворья в Москве. Знал я и другое: человек он прямой и у него много недоброжелателей. Звание ему нужно было не корысти ради, а как щит от несведущих людей, а то и заведомых врагов. Забегая вперед, скажу: Петру Дмитриевичу звание присвоили. Последние годы жизни он охотно ставил свою подпись в защиту памятников Отечества на прошениях, где нужен был высокий ранг челобитчиков. Что касается личной выгоды, то Барановский никогда ее не искал. Его девизом были слова Гоголя: «Призваны в мир мы вовсе не для праздников и пирований. На битву мы сюда призваны».

Несмотря на огромную разницу в возрасте, мы подружились с Петром Дмитриевичем, и я стал бывать у него дома. Он жил с женой Марией Юрьевной в маленькой коммунальной квартире в бывших больничных палатах Новодевичьего монастыря. Мария Юрьевна была известным историком, кандидатом наук, специалистом по декабристам и крупнейшим знатоком московских некрополей. На ее долю пришелся нелегкий, скорбный труд быть секретарем комиссии по эксгумации и переносу могил Н. В. Гоголя, Н. М. Языкова, А. С. Хомякова, С. Т. и К. С. Аксаковых, Д. В. Веневитинова и многих других, кому «не повезло» в 30-е годы.

— Когда вскрыли могилу Хомякова в Даниловом монастыре,— рассказывала Мария Юрьевна,— я не могла отойти от гроба писателя, так как колонисты-беспризорники, жившие в монастыре, непременно хотели снять с Хомякова сапоги с голенищами в гармошку. А тем временем один из литераторов — членов комиссии — отрезал от сюртука «обожаемого» им Гоголя полоску сукна для книжной закладки.

П. Д. и М. Ю. Барановские были моими духовными наставниками. От Барановского я узнавал такие факты из недавней истории реконструкции Москвы и охраны памятников, что доверять памяти не решался и, придя домой, подробно записывал содержание бесед. С годами составилась целая книга.

2

За свой век, а прожил П. Д. Барановский девяносто два года, он работал по изучению и реставрации памятников России, Грузии, Карелии, Белоруссии, Кавказской Албании, Азербайджана, Украины. География научных экспедиций, в которых участвовал Петр Дмитриевич, простирается от Карпат и до Байкала, от Соловков и до Баку. Началась эта работа в 1912 году, когда за проект реставрации собора Болдинского монастыря под Дорогобужем, построенного великим зодчим Федором Конем, выпускник Московского строительно-технического училища двадцатилетний крестьянский сын Петр Барановский был награжден золотой медалью Русского Археологического общества. Потом была служба помощником архитектора и одновременно учеба на искусствоведческом факультете. Не миновала Барановского и первая мировая война. Он был мобилизован в 3-ю Инженерную дружину и служил начальником команды, строившей укрепления на Западном фронте. В этой должности П. Д. Барановский встретил Октябрьскую революцию. Почти вся 3-я Инженерная дружина самовольно разъехалась по домам, а он опломбировал склады и стал охранять их. Такой уж он был человек — преданный долгу до конца. Вскоре прибыли представители Советской власти, и он передал им спасенные от разграбления склады.

Весной 1918 года П. Д. Барановский, с золотой медалью окончив институт, получил диплом историка архитектуры и был рекомендован известными учеными В. К. Клейном и В. А. Городцовым для педагогической работы. За несколько месяцев Барановский написал диссертацию о памятниках Болдинского монастыря. Учитывая важность научных открытий, ему было присвоено профессорское звание. Осенью этого же года по указанию В. И. Ленина началось восстановление памятников ярославского Спасо-Преображенского монастыря, разрушенных во время белоэсеровского мятежа. Шла гражданская война. Казалось, откуда было изыскать средства для реставрации. Тем не менее восстановительные работы начались сразу же после подавления мятежа. Ведь это были памятники того самого монастыря, где было найдено «Слово о полку Игореве»! Руководить реставрацией назначили профессора в солдатской шинели — П. Д. Барановского. С тех пор он постоянно находился на переднем крае фронта по изучению и реставрации памятников Отечества.

Три пуда соли. Именно столько смог взять ее с собой молодой профессор Барановский, отправляясь в 1921 году в экспедицию по реке Пинеге. Деньги в то время на Севере ничего не стоили. На соль можно было выменять хлеб, нанять подводу или лодку, рассчитаться с рабочими.

— Дождался я лета и поехал,— рассказывал Петр Дмитриевич.— В то время меня интересовали деревянные шатровые храмы, своего рода «предтечи» каменной церкви Вознесения в Коломенском, о которой летописец сказал: «Бе же та церковь вельми чудна высотою, и красотою и светлостью». В прибрежных селах по Пинеге оказалось столько церквей «чудных вельми», что я решил во что бы то ни стало пройти по реке до самых верховьев. Приезжаешь в село, а там две-три шатровые церкви-красавицы, трехэтажные дома-хоромы, мельницы-крепости — и все это первоклассные

шедевры зодчества. Строили северяне так, чтобы самим всю жизнь красотой любоваться и чтобы внукам завет оставался.

А в этой лодке,— продолжал Барановский, показывая мне старую фотографию,— мы проделали обратный путь до села Пинега, где я сел на последний пароход, уходивший на зимовку в Архангельск. Страшно даже вспомнить то путешествие. Мой проводник — местный житель, согласившийся за пуд соли быть кормчим, долго, видно, потом вспоминал меня. Поездка эта нам обоим чуть ли не стоила жизни. Вначале плыли хорошо. Потом ударили холода. Плыть стало трудно. Светлого времени было мало, и мы все время рисковали разбиться на порогах. Пинега к устью стала широкой. Деревень на берегу не было видно, и нам негде было обогреться и пополнить съестные припасы. Да еще беда — стали мучить нас галлюцинации. Однажды к вечеру плывем, а впереди высокий крутой берег. Голодные, глаза слипаются от усталости, сами окоченели от холода. И вдруг мне почудились огни деревни впереди. «Гляди,— толкаю я своего кормчего,— деревня!» Тот напряженно вгляделся и заревел от радости. Ломая прибрежный лед, мы с трудом пристали к берегу. Выскочили из лодки и, перегоняя друг друга, бросились вперед. Бежим, оглашая лес тяжелым дыханием и треском сучьев, а огни все дальше и дальше уходят от нас. Понял я тогда, что это обман зрения. В лесу мы могли потеряться и замерзнуть. Собрал я остатки сил и еле смог уговорить моего обезумевшего спутника вернуться назад. У него совсем уже не было сил. Мне пришлось погрузить его, как куль, на дно лодки, и плыть вперед. Эту ночь я никогда не забуду.

Приплыли мы в Пинегу с последним гудком парохода, отдававшего швартовы. Казалось, больше на Север меня не заманишь никакими калачами. Однако все в жизни пропорционально интересу. Не утерпел я и на будущий год опять поехал в экспедицию по северным деревням. Ничего не знаю чудеснее русской деревянной архитектуры! — закончил свой рассказ Петр Дмитриевич.

Всего П. Д. Барановский совершил десять экспедиций на Север — по Беломорскому побережью, по Онеге, Северной Двине, Пинеге, в Новгород и его волости, на Соловки, в Карелию.

...«Где хоронить дорогого Петра Дмитриевича?» — так заканчивалась телеграмма, которую должны были отправить в Москву летом 1931 года участники Беломорско-Онежской экспедиции. А дело было так. Экспедиция подходила к концу. Времени оставалось мало, а в селе Пияла надо было еще обмерить, сфотографировать и зарисовать ряд памятников. Петр Дмитриевич очень боялся за их судьбу, и не напрасно. Большая часть этих памятников погибла от рук не в меру ретивых ниспровергателей старины. Особенно тщательно Барановский делал тогда обмеры уникального пияльского собора. Оставалось всего несколько замеров. Для экономии времени он решил идти не по матицам потолка собора, а прямо по доскам. Только он ступил на них, весь потолок рухнул с десятиметровой высоты, так как гвозди проржавели и повыскакивали из своих гнезд. Барановский оказался под грудой толстых досок. Когда их разобрали, Петр Дмитриевич был без дыхания. Тогда и была составлена злополучная телеграмма. Но отправить ее из глухого села оказалось не так-то просто. Вернулись к Барановскому, а он уже пришел в сознание.

— Так уж было суждено,— вспоминал Петр Дмитриевич,— это была не последняя моя экспедиция. Две недели я пролежал в медпункте села Чекуево, а как стал подниматься, то непременно захотел посмотреть, что из древностей осталось в закрытом соборе. Зашел я туда — кругом грязь, птичий помет. Вижу внизу под всякой рухлядью — резная доска. Вытащил я ее и ахнул. Передо мной был истинный шедевр—резная дверь XVII века — экспонат, достойный украшать любой музей народного творчества.

Чекуевская находка лучше всех припарок помогла тогда Барановскому окончательно подняться на ноги. Телеграмма о его смерти сохранилась у него в архиве, и Петр Дмитриевич воистину оправдал народное поверье, что будет жить после несостоявшихся похорон до ста лет. Когда вы будете в музее «Коломенское», не забудьте полюбоваться резной дверью из села Чекуево. Музейные экспонаты тоже имеют свою историю. То, что вы увидите в «Коломенском» — дом Петра I из Архангельска, башню Николо-Карельского монастыря с Беломорья, башню Братского острога с Ангары,— все это привезено и специально поставлено для вашего обозрения П. Д. Барановским. Он был организатором и первым директором музея «Коломенское».

Неподалеку от центра Москвы, на крутом берегу Яузы, стоит один из древнейших форпостов столицы, некогда прикрывавший ее с юга. Это Спасо-Андроников монастырь. Здесь русские войска в 1380 году, уходя на Куликовскую битву с ордами Мамая, прощались с Москвой. Сюда они вернулись победителями. Трудно назвать, кто из больших русских писателей и деятелей культуры не побывал в Андрониковом монастыре за его многовековую историю. И все же первым в этом ряду должен быть назван гениальный Андрей Рублев.

Сейчас в Андрониковом монастыре — музей его имени. Создан он при непосредственном участии П. Д. Барановского. В 40-е годы о музее трудно было даже мечтать. Не хватало жилья, все строения монастыря были заняты под коммунальные квартиры. И все же Петр Дмитриевич со своими единомышленниками, первым из которых следует назвать Давида Ильича Арсенишвили, добились своего. В 1947 году территория бывшего Спасо-Андроникова монастыря была объявлена музеем-заповедником. Это была большая победа, свидетельствовавшая о росте национального самосознания народа.

Из архивов было известно, что Андрей Рублев был погребен под старой соборной колокольней, не дошедшей до нашего века. Не могло быть, чтобы надгробная плита с могилы Андрея Рублева пропала. Петр Дмитриевич искал ее. Нетрудно понять, сколько материалов по этому вопросу Барановский «перелопатил» и каким он был специалистом по эпиграфике. «И вот однажды,— рассказывал мне Петр Дмитриевич,— к концу дня, когда рядом со Спасским собором рабочие закончили прокладывать траншею, я увидел вывороченную ими могильную плиту». Плита показалась Барановскому «подозрительной». Эпитафия на плите была во многих местах сколота. Петр Дмитриевич попробовал ее прочитать, но это не удалось, так как наступила темнота. Барановский углем натер плиту и передавил надпись на большой лист бумаги. Придя домой, он приступил к расшифровке эпитафии и просидел за этим занятием до утра. Сбитые буквы не позволили прочитать весь текст. Однако не вызывало сомнения, что это была надгробная плита первой трети XV века. Закончив работу, Петр Дмитриевич, окрыленный находкой, поехал в Андроников монастырь. Когда он приехал, то плиты уже не нашел.

— Где плита? — спросил он у рабочих.

— Какая плита?

— Та, которая лежала вчера вечером здесь!

— Видите, какая слякоть! — сказали рабочие.— Что мы, грязь должны месить? Мы вашу плиту на щебенку пустили и дорожку, по которой вы шли к собору, посыпали.

11 февраля 1948 года П. Д. Барановский сделал доклад в Институте истории искусств АН СССР, в котором изложил свои изыскания.

Торжественное открытие Музея имени Андрея Рублева состоялось в 1960 году. Во всем мире тогда праздновалось 600-летие со дня рождения великого художника Древней Руси, который в своем творчестве отразил черты русского национального характера и оказал огромное влияние на всю духовную культуру народа. Среди тех, кто при открытии музея скромно стоял сбоку от большого начальства, был и Петр Дмитриевич, без которого, пожалуй, и музея этого не было.

3

П. Д. Барановский был широко образованным историком материальной культуры. Академик И. Э. Грабарь говорил о нем, что такого архитектора-эрудита нет и во всей Европе. Петр Дмитриевич являлся последователем всемирно известного ученого Н. П. Кондакова. С гордостью за своего учителя он говорил: «А знаете, что один из крупнейших мировых семинаров византинистов называется «Кондаковианум»!» К сожалению, сам Петр Дмитриевич, хотя и получал персональные приглашения, ни на один из этих семинаров так и не смог выехать. Ездили другие, кому, быть может, и не обязательно было. Научные интересы П. Д. Барановского были обширные, но более всего его интересовало время сложения русской школы архитектуры, когда она освободилась от византийского влияния. Это как раз совпадает со временем создания «Слова о полку Игореве». Совпадение не случайное. То было время одного из вершинных взлетов творческого гения нашего народа, прерванное нашествием кочевников. «Потому,— говорил Барановский,— каждый из оставшихся «в живых» памятников русской архитектуры домонгольского периода, будь то Покров на Нерли или Дмитриевский собор во Владимире,— это поэмы, равные «Слову», но только сложенные в камне».

Спросите у любого знающего специалиста, и он вам подтвердит, что восстановление П. Д. Барановским черниговской церкви Параскевы Пятницы является признанным во всем мире эталоном реставрации. В период Великой Отечественной войны фашисты уничтожили многие памятники культуры. Секретным приказом рейха приписывалось оставить нас без исторического наследия. «Рабы не имеют своей истории»,— говорилось в фашистском приказе. П. Д. Барановский, будучи экспертом Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию фашистских злодеяний на временно оккупированной территории, вошел в Чернигов с войсками, освободившими город. На месте церкви Параскевы Пятницы он увидел руины. До войны считалось, что это сооружение в стиле украинского барокко построено в XVII веке. Каково же было удивление Петра Дмитриевича, когда он обнаружил, что церковь Параскевы Пятницы в своей основе древнее здание, сложенное из плоского кирпича — плинфы, употреблявшейся в домонгольскую эпоху. Тогда и возникло у реставратора предположение, что памятник этот — современник «Слова о полку Игореве». Петр Дмитриевич не ошибся в своем предположении. Чтобы доказать это и восстановить памятник в его первозданном виде, понадобилось несколько лет напряженного труда. Реставрация началась, когда шла еще война. Люди в Чернигове жили в землянках. Не хватало кирпича, чтобы сложить печи. И в то же время на виду у всего города из руин поднимался памятник архитектуры. Петр Дмитриевич рассказывал, как однажды разъяренная толпа черниговских женщин привела к нему мужичка, который поворовал плинфы и сложил себе баньку. Если бы наше самосознание было, как у тех женщин военной поры, тогда не мучил бы нас стыд за ничем не оправданный снос в 30-х годах Сухаревой башни, Страстного и Чудова монастырей, старинных московских особняков, связанных с памятью Пушкина и Лермонтова.

Имена доморощенных Геростратов у нас, к сожалению, не предаются гласности, но общественность их помнит и давно занесла в позорный поминальник. Такую «московскую летопись» начиная с конца 20-х годов вел П. Д. Барановский. В его архиве хранился пожелтевший от времени журнал «Огонек» за 1930 год. На обложке номера помещена фотография руин взорванного шедевра древнерусской архитектуры — собора Симонова монастыря. Характерна и подпись в духе того времени. Мол, на месте храма мракобесия построим Дворец науки и культуры. Только почему именно «на месте храма», а не поодаль от него, чтобы старое и новое дополняло друг друга, создавая единый ансамбль? Благо условия для этого были прекрасные. Вокруг Симонова монастыря простирались обширные, ничем не застроенные пустыри.

Гениальный пример сочетания старого и нового показал архитектор А. В. Щусев. Он построил Мавзолей В. И. Ленина на Красной площади так, будто место для Мавзолея было предусмотрено еще при основании Кремля. «А. В. Щусев,— говорил Барановский,— был достоин памятника при жизни и как архитектор, и как гражданин Отечества. Когда Щусеву предложили строить Дворец культуры Автозавода имени Лихачева в Москве и поставили условием, чтобы здание было возведено непременно на месте тогда еще только предназначенного к сносу собора Симонова монастыря, то архитектор заявил решительный протест».

Но нашлись люди, которые строить согласились. Не смутило их и то, что у стен собора располагался старинный некрополь, где покоились многие славные сыны Отечества. Выход был найден без особых трудов. Произвели эксгумацию и перенос некоторых захоронений, а остальное уничтожили. Могильные плиты пошли под фундамент Дворца культуры. Осталось только назвать авторов. Это были братья Веснины...

П. Д. Барановский за свою жизнь разработал проекты и восстановил более ста памятников архитектуры. Да как восстановил! И. Э. Грабарь говорил, что каждая реставрация Барановского — это защита докторской диссертации. Петр Дмитриевич был одним из основоположников советской реставрационной науки. Им разработана вся реставрационная методика, ее теория и практика, вытекающие из открытых им законов древнерусского строительства. За 70 лет работы в библиотеках и архивах он собрал уникальный материал к «Словарю древнерусских зодчих» — более 1700 имен. Этот труд по плечу целому научно-исследовательскому институту. Но напрасно вы будете искать имя Петра Дмитриевича Барановского в Энциклопедическом словаре. Впрочем, энциклопедии и словари — дело поправимое. Для этого надо время. Оно всех и вся на свои места расставит. «Ни хитру, ни горазду... суда... не минути!» — как сказано в «Слове». Не надо забывать, что для многих нынешних авторов энциклопедий и словарей П. Д. Барановский всю жизнь был неудобным оппонентом: говорил правду в глаза. Кому угодно мог сказать. Говорил и пять, и двадцать, и сорок лет назад, когда в «строгие» годы повально начали сносить памятники и замахнулись даже на «Василия Блаженного», Петр Дмитриевич не побоялся решительно выступить против этого. У него был разговор с Л. М. Кагановичем. Тот не прислушался к голосу ученого. Тогда П. Д. Барановский «отбил» резкую телеграмму на самый «верх». «Василия Блаженного» удалось спасти, но строптивому реставратору это стоило нескольких лет жизни вдали от семьи. Жена Барановского рассказывала: «Петр Дмитриевич одно только и успел у меня спросить на свидании перед отправкой: «Снесли?» Я плачу, а сама головой киваю: «Целый!»

В свете всего нынешнего особенно отчетливо видно, что многим из нас не хватает бойцовских качеств «беспартийного большевика», как о себе писал в старых анкетах П. Д. Барановский. Он мог, когда этого требовали интересы охраны памятников, остаться не только в меньшинстве, но и не согласиться со всеми. Это было не упрямство, а высшей пробы принципиальность гражданина Отечества. В разворошенном фашистами Чернигове он пришел на бюро горкома партии и стал говорить, что

один из цехов кирпичного завода надо приспособить для изготовления плинфы. Можно себе представить, как отреагировали на заявление реставратора члены бюро горкома. Вспоминая тот нелегкий день, Петр Дмитриевич улыбнулся в свои жесткие усы щеточкой:

— Все-таки я заставил их выслушать меня.

— Ну и что решило бюро горкома партии? — спросил я.

— В конечном итоге единственно правильное решение было принято,— ответил Барановский и пояснил: — Я добился приема у секретаря ЦК КП Украины и убедил его, что пролетариат нам никогда не простит, если мы не сохраним столпы нашей культуры.

Активная гражданская позиция Барановского ярко проявилась при создании первого в стране молодежного реставрационного клуба. Собрав московских комсомольцев — школьников, студентов, рабочих, он обучил их и на общественных началах приступил к восстановлению выдающегося памятника древнего зодчества—Крутицкого подворья. В свои 75 лет во время работы на Крутицах он упал с лесов и сломал ребро. Через месяц его снова видели на стройке.

Человек он был неуемный, принципиальности гранитной. Недаром ведь Петр по-гречески «камень». Друзья называли его «Аввакумом XX века». Таким он оставался до самых последних дней. Помню, мы разбирали архив, который Петр Дмитриевич безвозмездно передавал в Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева. На фотографии я увидел человека, который смотрелся маленькой точкой на куполе церкви Вознесения в Коломенском.

— Кто этот верхолаз и что он там делает? — спросил я.

— Как кто? Это я. Чиню крышу,— ответил Барановский.

— Как вы туда залезли?

— Вылез в оконцо, что в основании шатра, а потом по цепи до купола.

— И не побоялись?

— А что тут такого? У меня нет страха высоты. Я и сейчас бы туда залез,— сказал Петр Дмитриевич.

И залез бы, можете не сомневаться.

Полистайте нынче наши газеты и журналы. Обязательно найдете там тревожные сигналы о неблагополучии с охраной памятников Отечества. Только за последнюю треть века список утраченных памятников вместе с именами должностных лиц, повинных в этом, если все опубликовать, составит книгу толще, чем учебник «Родная речь». Обрывается цепь преемственности поколений. В конечном итоге это наносит непоправимый ущерб воспитанию патриотизма.

Как бороться с этой бедой? Жалобами и письмами отдельных любителей старины дело не поправишь. Можно спасти тот или иной памятник, но кардинально проблему не решишь. Так будет продолжаться до тех пор, пока за решение дела мы не возьмемся всем миром. Примером для нас могут служить труды и деяния П. Д. Барановского.

Вопрос самосознания народа приобретает в нынешних условиях первенствующее значение, как это было во времена всех крутых поворотов в жизни нашей страны. Мы выросли, обучились и воспитывались в советское время. Положа руку на сердце можно сказать, что историзм мышления приходит лишь с возрастом, к седым волосам. Между тем жизнь убедительно доказывает, что успехи в экономическом развитии страны во многом зависят от того, каков уровень самосознания народа.

Прав Леонид Леонов, когда говорит в своих «Раздумьях у старого камня»: «Жизненно необходимо, чтобы народ понимал свою историческую преемственность в потоке чередующихся времен,— из чувства этого и вызревает главный гормон общественного бытия, вера в свое национальное бессмертие».

Сегодня в Венгрии основные разговоры ведутся вокруг проблем дальнейшего развития экономики. Минувшим летом на пленуме ЦК ВСРП, а затем на сессии Государственного собрания ВНР рассматривалась программа экономической и социальной стабилизации на период до 1990 года. А ситуация такова: чистая задолженность страны в конвертируемой валюте достигла 9,3 миллиарда долларов. Из года в год растут выплаты процентов по предоставленным валютным кредитам, уменьшить которые пока нет никакой возможности. Общая задолженность ВНР составляет уже 16 миллиардов долларов — по полторы тысячи на каждого жителя страны... Принятая программа выдвигает основные ориентиры стабилизации.

К их числу относится новая система налогообложения предприятий (так называемый налог на прибавочную стоимость), поощряющая тех, кто хозяйствует прибыльно, но и наказывающая нерадивых. С первого января 1988 года вводится налог с личного дохода венгерских граждан с одновременным увеличением заработной платы на сумму налога. Вызвано это тем, что многие в Венгрии помимо основной работы имеют дополнительную и новые налоги, во-первых, сократят доходы от нее, а во-вторых, временно будет сокращено потребление населения, превышавшее в течение ряда лет производство и реализацию потребительских товаров и услуг. Правительственная программа была принята единогласно, налоговая реформа одобрена подавляющим большинством голосов делегатов сессии Госсобрания. Итак, отправляемся в Венгрию.

МОЕ ВТОРОЕ ОТКРЫТИЕ ВЕНГРИИ

Павел ВОЛИН

ПРЕДСТАВЛЯЮ МИКЛОША

Я познакомился с Венгрией без малого двадцать лет назад, в апреле 1968 года. То была знаменательная для страны весна. С января началась долго ожидавшаяся хозяйственная реформа, она занимала умы многих венгров, и не только их. Крупная социально-экономическая акция привлекла внимание специалистов за пределами страны. Тогда подобные реформы проводились или готовились и в других социалистических государствах, венгерская же представлялась самой радикальной, чем вызывала у сторонников таких преобразований особый интерес и внушала надежды — как пример, как доказательство жизненности, необходимости перемен. Так, во всяком случае, она воспринималась многими у нас в СССР, где экономическая реформа, затеянная двумя годами раньше, если еще и не находилась «на излете», то уже была близка к этому.

Вернувшись в Москву, я написал два очерка — «Венгерский вариант», помещенный в «Литературной газете», и «Люди и экономика», напечатанный в «Новом мире». И продолжал жадно следить — по прессе, по рассказам знакомых, ездивших в ВНР,— за всем, что там происходило. Первые сообщения радовали. Но чем дальше, тем чаще вызывали недоумение, порой даже ставили в тупик: что-то происходило явно «не так»... Но много ли узнаешь по отрывочным сведениям из чужих уст? Известно, лучше один раз увидеть...

И вот я снова готовлюсь к поездке в Венгрию. Расспрашиваю людей, хорошо знающих ее, бывавших там последние годы. Их ответы мало что прояснили. «Реформа ускорила экономическое развитие страны...», «Положение сегодня трудное...», «Уровень жизни за минувшие годы заметно повысился...», "Темпы роста благосостояния снизились..." Поди-ка разберись!

Первые по прибытии в Будапешт впечатления вызвали недоумение. Утром по дороге из аэропорта в гостиницу «Таверна» — она в самом центре — я с радостным удивлением оглядывался вокруг на знакомые места. Еще теснее и наряднее несуетливая толпа, запрудившая улицы, богаче витрины магазинов, гуще и стремительнее поток машин.

А к вечеру, услышав в окно поющие голоса, вышел на «бестротуарную», только для пешеходов, улицу Ваци и увидел двух улыбавшихся девушек, певших под собственный гитарный аккомпанемент. Прохожие замедляли шаг, кто-то останавливался, кидал монету...

Возвратившись в Москву и делясь впечатлениями с приятелем, побывавшим во многих странах, помянул и артистов с улицы Ваци. Он усмехнулся:

— Думаешь, от бедности? Ничего подобного! Это говорит лишь об их раскованности, внутренней свободе. Нравится петь перед публикой — поют, нет эстрады — на улице. Ты и художников, рисующих в Риме на тротуаре, считаешь нищими? Как бы не так! А им ведь тоже кидают монеты.

Но вернусь в Венгрию.

...Дама с брошенным на плечи норковым палантином, выпорхнувшая из блестящего лимузина, и тут же старик в поношенном пальто, понуро бредущий по улице... Подобные картинки потом я не раз наблюдал в Венгрии. Выходит, социальное расслоение? Богатые и бедные? Откуда? Почему? Вопросов накапливалась уйма.

Не знаю, кто как, а я, вновь приезжая в чужую страну, стараюсь первым делом отыскать знакомых. С особым нетерпением ждал встречи с Акошем Балашша, начальником управления Госплана республики. В первый мой приезд он много рассказывал о реформе, не скрывал своих упований на нее. Что-то скажет теперь?

И вот мы сидим в его кабинете. Первое, что я сделал после рукопожатий и дружеского обмена приветствиями,— это положил перед ним «Венгерский вариант». Он, улыбаясь, побежал по строчкам:

— Хочу посмотреть, что я вам тогда говорил.

— Могу напомнить. Я спросил: не теряете ли вы возможности руководить отраслями и предприятиями? Ведь реформа предоставила им самостоятельность. Вы ответили — нет. И объяснили: руководить не значит командовать. Согласны с этим теперь?

— Полностью! Реформа подтвердила это целиком. Другое дело, насколько последовательно мы ее проводили. Первые годы она шла нормально, как и намечалось. Но в семьдесят втором приостановилась, а в следующие пять-шесть лет были сделаны шаги в сторону и даже назад.

О реформе я говорил, тогда и сейчас, не только с Акошем — со многими. В этот раз беседовал с министр-

ром финансов Петером Меддеши и заместителем заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК Венгерской социалистической рабочей партии Яношем Барабашем, экономистом Реже Ньершем (его до сих пор некоторые называют «отцом реформы»: он руководил ее разработкой, подготовкой и первым этапом проведения, будучи в то время членом Политбюро и секретарем ЦК ВСРП, а ныне работает в институте экономики Академии наук), с заместителем министра промышленности Шандором Богнаром. Встречался с учеными — Ласло Самуэли в Институте мировой экономики и Эмилом Нюлом в Высшей политической школе. Побывал на предприятиях — крупнейшем машиностроительном «Раба», аппаратуры связи, телевизорном «Орион», швейном имени 1 Мая. Разговоры велись вокруг реформы.

Мое повествование и будет опираться на их высказывания. Постараюсь, чтобы как можно больше читатель услышал из первых уст. Но всякий раз называть имена? Боюсь, только запутает.

Чтобы облегчить себе и читателям задачу, представлю своих гостеприимных хозяев в обобщенном образе. Одно из распространенных в Венгрии мужских имен — Миклош. Так и нареку своего воображаемого собеседника.

КАК ОБРАЗОВАЛСЯ ВНЕШНИЙ ДОЛГ

Итак, реформа, начатая в 1968 году, через несколько лет застопорилась? И потому, очевидно...

— Я знаю, что вы дальше скажете, — перебивает, улыбаясь, Миклош, — потому-де мы не достигли всего, о чем мечтали? Верно? Угадал? Так вот отвечу: не только потому. Есть еще причина. Реформа была задумана далеко не идеальной, она не содержала всех необходимых элементов. Как принято сейчас говорить, пакет был неполным. Чего-то просто недодумали, а поняли это уже потом, в ходе дела. Скажем, не связали достаточно прочно нашу экономику с мировым хозяйством. А что-то не включили в реформу намеренно, хотя многие понимали: надо бы.

— Почему?

— В государственном и партийном аппарате не было единого подхода к реформе. Все протекало в спорах, столкновениях. Потому, в частности, управление промышленностью осталось старым: те же три отраслевых министерства. Вмешиваться в дела предприятий, как раньше, не могли, но действовали по-другому: не приказами, а «ожиданиями». Директора назначало министерство, и тот хорошо знал, чего от него ждут. Поступал соответственно.

— Но почему не поломали это сразу, если понимали?

— Не решились возбуждать против реформы многочисленный аппарат, которому грозила бы ликвидация или, по крайней мере крупное сокращение, «лишние» пополнили бы ряды прямых противников реформы.

— А такие были?

— А как же! Это вопрос человеческий: когда люди теряют власть...

— Кто же ее терял?

— Те в министерствах, в партийных учреждениях, кто не признавал экономических методов, верил лишь в силу приказа. Допускали ошибки, об этом надо честно сказать, и приверженцы реформы: не обеспечили организационных и даже кадровых условий ее проведения. Считали, которые учреждения начнут сами по себе действовать по-иному. Когда же — уже потом, после того, как начали реформу, — стали раздаваться демагогические голоса против нее, умалявшие успехи и раздувавшие негативные процессы, — а они тоже возникали, дело же новое, — демагогам не был дан жесткий отпор. Те, кто даже открыто выступал против реформы или не мог понять ее, остались на своих местах. В трудный момент, воспользовавшись неблагоприятными для страны обстоятельствами, они подняли голову.

Были, однако, и внешние обстоятельства, ударившие по реформе. Миклош называет:

— Взрыв цен на мировом рынке в 1973—1974 годах. Он нанес нам огромный урон. Вы ведь знаете, как мы зависим от внешней торговли: импортируем половину потребляемых энергоресурсов. Тогда-то противники реформы и восприняли духом.

— В чем это выразилось?

— Началось кое-где попятное движение. Объединяли предприятия, которые могли конкурировать между собой, отсюда снова монопольная власть производителя над потребителем. Министерства усилили вмешательство в дела предприятий. Опять централизация снабжения, опять планирование, при котором предприятия ставятся в разные условия и соревнование между ними — фикция: все оказываются рентабельными, все хорошие...

— Противники реформы взяли верх?

— Не совсем. Ни они, ни сторонники не были в силах решительно настоять на своем. Создалось некое равновесие, повлекшее годы застоя.

Миклош на минуту задумывается. Потом продолжает, словно рассуждает вслух сам с собой:

— Конечно, предотвратить катаклизмы мирового рынка мы не могли, но существенно ослабить их удар и сократить понесенный ущерб было вполне под силу. Не следовало уступать нажиму и идти на ужесточение административных мер в ущерб экономическим, а противники реформы настаивали именно на этом, рассчитывая одним махом решить все нависшие над страной проблемы. Не вышло, естественно... Усиль мы тогда реформу, а не ослабь ее, положение страны было бы сейчас куда лучше. Часть сегодняшних проблем мы бы вообще не знали.

Я подумал: интересно бы выяснить, каков ущерб, нанесенный всем этим государству? Да как тут подсчитаешь... Но Миклош ответил с готовностью и так уверенно, будто ждал этого вопроса:

— Ущерб? Весь наш внешний долг. Ведь никакой задолженности до семьдесят третьего года мы не знали! А сейчас — миллиарды долларов. Полагаю, половина из-за взрыва цен на мировом рынке, другая же половина — следствие ошибочной экономической политики в тот период.

— А не залезть в долги нельзя было? Другого выхода не оставалось?

— Судите сами. Из-за подскока импортных цен мы потеряли только за один год сорок миллиардов форинтов. Десять процентов национального дохода! Логика диктовала: замедлить темпы роста экономики, капиталовложений, жизненного уровня. Мы на такое тогда пойти не могли, ибо это грозило вызвать настоящую контрреволюцию. Пришлось залезать в долги.

Проще говоря, страна стала жить не по средствам, чтобы сгладить социальные конфликты.

Первым потрясением дело не кончилось. Из четырех последних лет страну три года терзала засуха, что вынудило резко сократить вывоз на внешний рынок продовольственных товаров — только в прошлом году на двести — двести пятьдесят миллионов долларов. Да примерно еще вдвое больше государство потеряло из-за падения мировых цен на аграрную и нефтехимическую продукцию (последняя также заметная часть венгерского экспорта), из-за роста импортных цен на кофе и некоторые другие ввозимые в Венгрию предметы. Вот уж действительно фатальное невезение! Экспорт дешевеет, импорт дорожает...

Спрашиваю Миклоша: каково положение сейчас?

— Трудное. В 1986 году впервые за пять лет наш внешнеторговый баланс оказался пассивным.

— И это сказалось на внешнем долге?

— Разумеется. По отношению к численности населения он довольно высок. Хотя важно не то, сколько человек живет в стране, а каковы ее экспортные возможности. Впрочем, и по отношению к этому долг велик.

Внешние долги уже давно проблема, можно сказать, всеохватывающая. Чуть ли не планетарного масштаба! В сумме они достигли астрономической цифры — триллиона долларов. Некоторые страны задыхаются в долгах, не могут разогнуться под их бременем. В Венгрии озабочены внешним долгом. Но заговорив о нем с Миклошем, я неожиданно для себя встретил с его стороны спокойную рассудительность—ни тени тревоги, ни тем более паники.

— Все живут в долг... И не обязательно слишком торопиться избавиться от него.— Я услышал явный нажим на слове «слишком».

— Что вы имеете в виду?

— Видите ли... Есть должники хорошие и плохие. Мы относимся к первым. Даже в самые трудные годы аккуратно рассчитывались с кредиторами. Если надо, у одних брали — другим отдавали, только не задержать! Вернуть вовремя — для нас святое дело. Оттого-то пользуемся доверием банков, а это большое преимущество. Пока мы кредитоспособны, всегда получим кредит на хороших условиях.

ОТ РОМАНТИКИ К РЕАЛИЯМ

Нелегкое для венгерского народного хозяйства время помогло освободиться от иллюзий, заставило вернуться на путь реформы. В апреле 1984 года Центральный Комитет ВСРП принял постановление о дальнейшем совершенствовании управления экономикой. Как образно выразился Миклош, реформа из своего романтического периода («Эйфория первых успехов, а в предвкушении дальнейших она переливала через край») после нескольких лет оцепенения перешла к этапу практических реальностей.

Вообще-то этот этап наступил еще раньше, когда начался обратный процесс децентрализации — дробление крупных предприятий, разукрупнение хозяйственных организаций. Упразднялись тресты, объединения, обретали самостоятельность разного рода филиалы. Образовалось таким образом около четырехсот новых предприятий. Были открыты и более широкие возможности перед мелким производством — в индивидуальной и кооперативной форме.

— До этого,— поясняет Миклош,— у нас сохранялась слишком большая концентрация в сфере услуг. Не только бытовых, производственных тоже. В таких условиях поднять и поставить на ноги эту сферу невозможно. Мелкие предприятия гораздо быстрее реагируют на потребности рынка, легче перестраиваются — словом, лучше приспосабливаются к меняющимся условиям. Но тут надо решить вопросы собственности... Вы никогда не задумывались, сколько человек должен иметь любой административный аппарат? — вдруг спросил меня Миклош.

Вопрос был неожиданным, хотя я уже стал понемногу привыкать к непредсказуемым поворотам, на которые иногда круто сворачивал Миклош. Сколько человек, сколько человек?.. Я на секунду задумался, произнес неуверенно:

— Смотря где.

— Неважно. На предприятии, в магазине, мастерской.

— Зависит, очевидно, от размеров — сколько всего там работает.

— Ну, а минимум? По функциям? Кто должен быть в любом случае? Скажем, директор должен быть? Обязательно. Бухгалтер? Тоже. Плановик? Машинистка? Курьер? Уборщица? Все необходимы, согласны? Вплоть до пожарного! Так вот, подсчитано: не менее тридцати обязательных функций. Чтобы этих людей содержать, нужны сотни рабочих. Иначе, как у вас говорят, один с сошкой, семеро с ложкой. Безумные накладные расходы! Теперь представьте себе ресторанчик или небольшую мастерскую, где всего-то десяток человек, как быть там? Есть один способ: совместить разные функции в одном человеке. Однако захочет ли директор взять на себя обязанности, скажем, еще и плановика, и бухгалтера, и даже пожарного? А машинистка выполнять работу курьера и уборщицы? Захотят, но лишь в одном случае: если накладные расходы вынимают деньги из их собственного кармана. Еще один вопрос: как избежать в этих мелких ячейках злоупотреблений? Поставить в каждой контролера? Но тогда понадобятся десятки, сотни тысяч контролеров! А можно обойтись вовсе без них — если собственником или арендатором у государства станет частное лицо. Одно или в кооперации с другими: сам у себя воровать не станешь. С 1980 года у нас начало быстро развиваться в разных формах индивидуальное предпринимательство. И вот что любопытно: в последующие шесть лет национальный доход увеличился более чем на семь процентов, причем производство на мелких предприятиях росло гораздо быстрее, чем на крупных.

А какую пользу сразу же ощутило население! Годами, вспоминает Миклош, не могли решить вопрос с такси — в часы пик даже не пытайся поймать. Как только позволили использовать в качестве такси собственные автомашины, проблема исчезла. Владельцы объединились в артели, те обзавелись телефонами, и теперь вызвать машину ничего не стоит.

ЧТО СКАЗАЛ БЫ ГАМЛЕТ...

Но если мелкое производство — частное или кооперативное — само приспосабливается к меняющимся условиям, срабатывает некий автоматизм, то крупное, государственное, составляющее основу социалистического хозяйства, надо приспособить. Как? В этом, пожалуй, и за-

УБЕЖДЕННОСТЬ ХУДОЖНИКА

Фото Михаила МЕЗЕНЦЕВА

Зашел недавно в мастерскую Льва Кербеля и сразу почувствовал атмосферу труда и вдохновения. Глядя на выразительные портреты знакомых и незнакомых мне людей, изваянных в мраморе и бронзе, я вспомнил, как в 1965 году в Подмосковье собрались А. Твардовский, М. Ромм, М. Турсун-заде, Л. Кербель, другие деятели искусства, и между ними шел заинтересованный разговор о творческих планах, удачах и неудачах, о судьбах советского искусства. Там впервые я познакомился с этим художником, обаятельным человеком, творчество которого мне, конечно же, было знакомо.

Лев Кербель — ровесник Октября. Он родился 7 ноября 1917 года — в суровые и прекрасные дни нашей Истории. Вместе со своими сверстниками в грозные годы Отечественной войны Кербель уходит добровольцем на фронт и служит на Северном флоте. Вспоминаю блестящие портреты героев-североморцев, исполненные мужества и величия. Отгремела война. Лев Кербель увековечивает подвиг советского воина монументом, установленным в Германии. В 1961 году новая работа — монумент Карлу Марксу в Москве, затем памятники Ленину в разных городах планеты, портреты борцов за мир, деятелей науки и искусства, космонавтов, рабочих, поражающие своей эмоциональностью, мастерством исполнения. Особенно удался зодчему памятник вождю революции на Октябрьской площади в Москве, открытый в 1985 году, в воплощении которого Кербель проявил себя как подлинный художник своего времени.

Впереди — новые работы, новые замыслы...

Расул ГАМЗАТОВ

ключается главное. «Вот в чем вопрос!» — воскликнул бы принц датский, окажись он перед проблемами, с которыми столкнулись страны социалистического содружества на стыке семидесятых — восьмидесятых годов, а некоторые еще раньше. Впрочем, для венгров, как я понял, это уже не вопрос, а чисто практическая задача, которую они осуществляют сегодня, мне показалось, последовательно и настойчиво.

— Самостоятельность предприятий должна быть широкой, а условия жесткими,— убежден Миклош.

— Самый жесткий контролер—рынок, не так ли? А самый точный его инструмент — цены...

— Да, рынок. Но без вмешательства государственных и даже...— Миклош посмотрел на меня внимательно,— даже партийных органов. Никто не вправе вмешиваться в действия рыночного механизма под каким бы ни было предлогом. Никто не должен защищать интересы «своей территории», это почти всегда в ущерб общественным.

— Ну, а инструмент? То бишь цены?

— Цену любого товара должны определять не затраты,— мало кто сколько затратит,— а рынок. Причем не внутренний, а международный, если мы хотим, чтобы наши изделия были действительно конкурентоспособными.

— Нельзя обрывать экономическую цепочку,— продолжает свою мысль Миклош.— Если неэффективное производство невозможно превратить в эффективное, от него надо избавиться. Пусть лучше его не будет совсем! Чем без конца кидать в него, как в прорву, тысячи или миллионы. Таким образом, мы только высвободим средства, которые можем вложить в эффективные производства и получить дополнительную прибыль, а не наоборот — обирать сильных, чтобы поддержать слабых.

Я уточнил:

— Переливать таким способом средства из отсталых отраслей в передовые? Изменится само лицо экономики...

— И хорошо! Это как раз нам надо. Раньше мы тоже обновляли структуру хозяйства. Но как? Не хватало, допустим, предметов химии — давайте строить заводы, создадим свою химию! И строили. Не задумываясь: а выгодно ли это с точки зрения международного разделения труда? Нерентабельно какое-то металлургическое производство — мы все равно не закрывали его, продавая продукцию в убыток и покрывая потери за счет других отраслей. Решимости не хватало. Конечно, избавляться от неэффективных ячеек жалко, больно, ведь создавали их в поте лица, отказывая себе ради них во многом. Но должен быть поставлен конец. Нельзя терпеть те предприятия и отрасли, что воспроизводят одни лишь убытки, да еще в расширенном объеме, отсасывая все больше и больше средств.

Миклош добавил: действовать надо без колебаний. Тут не место эмоциям. Убыточные предприятия, словно малые дети, вопиют: «Да-ай!» Начни их жалеть — ни о какой глубокой перестройке промышленности не мечтай.

Эта задача, как я понял, для страны важнейшая, выходит за пределы чисто экономических проблем. Она касается многих сторон жизни и решается разными путями. Один из них — так называемый «закон о банкротстве». Суть его в том, что, если предприятие в финансовом отношении, как мы говорим, дошло до ручки, оно закрывается. Смысл такой хирургической операции — экономический, социальный и просто житейский — Миклош выразил краткой, но емкой формулой:

— Пусть будет хорошо тому, кто хорошо работает, и плохо тому, кто плохо.

— Кто же произносит приговор обреченному?

— Кредиторы. Банк, которому не в состоянии вернуть ссуду, поставщики, с которыми не в силах расплатиться.

Закон о банкротстве вступил в силу в восемьдесят шестом и уже кое-кому потрепал нервы. Не будем, однако, забывать: банкротство — не только провал, но и — вслед ему — шаг к возрождению. Для одних — тревога, беда, неблагополучие, для других — праздник, деловое, так сказать, ликование. Хотя одновременно и забота. Будапештский завод аппаратуры связи, выдержав конкуренцию с двумя предприятиями, приобрел разорившийся завод близкого профиля. Понятно, вместе с его долгами. Взяли кредит в несколько миллионов долларов и перво-наперво расплатились с кредиторами нового своего собрата, затем назначили туда другое руководство и приступили к полной модернизации, которую рассчитывают завершить к 1990 году.

— Закрытие неэффективных предприятий оздоровляет экономику, но это процесс непростой,— предупреждает Миклош,— чреватый неприятными последствиями. Не исключаю, например, что появится безработица.

— Как быть? С той же безработицей?

— Управлять этим процессом. Государственные, партийные, профсоюзные органы должны держать в руках социальные последствия хозяйственных преобразований. Скажем, в нашем случае помочь перегруппировать рабочую силу так, чтобы это прошло наименее болезненно и для самих уволенных, и для всего общества.

Подсчитано: в неэффективно работающей части промышленности примерно сто пятьдесят — двести тысяч лишних рабочих рук. Поэтому предусмотрено: если предприятие ликвидируется или его численность уменьшается, а уволенный не может сразу найти работу, то он получает довольно продолжительное время пособие, чтобы приобрести другую профессию, устроиться на новом месте.

На «перелицовку» промышленности работает и введенная в нынешнем году банковская реформа. Ее цель — найти и вложить в перспективные отрасли дополнительные капиталы, взяв для этого свободные деньги у организаций и отдельных лиц. Но как взять? Так просто никто не даст. Просто нет, а в долг да еще с выгодой — пожалуйста. И вот выпускаются ценные бумаги, владельцам которых выплачиваются высокие — до пятнадцати!— проценты! Желающих немало, кто откажется получить ощутимый выигрыш? Так чьи-то «лишние» деньги на время перетекают в руки рачительных хозяев, способствуя росту самых продуктивных отраслей.

Я подумал: это, конечно, хорошо, прекрасно — использовать умело «невидимую» силу банков, которые способны, не вмешиваясь в дела предприятий, влиять сильнейшим образом на промышленность. К этому, однако, примешивалась другая, горьковатая мысль: ладно продавать столь соблазнительные облигации организациям, но населению? Выходит, у тех, кто имеет больше денег, их станет еще больше! Поделился с Миклошем.

— А когда вы кладете деньги в сберкассу и получаете какой-то процент? — ответил он вопросом на вопрос.— Никто же вас не обвиняет в нетрудовых доходах!

— Словом, участие в прибылях?

— А что вас смущает? Строго говоря, это есть и сейчас.

— Тринадцатая зарплата?

— Да. Но она только за то, что я там работаю. А будет так: купил я билет, допустим, за тысячу форинтов — получу из прибыли одну сумму, купил за двести тысяч — гораздо большую, соответственно величине своего пая. Значит, я кровно заинтересован, чтобы прибыль моего предприятия была как можно выше. Буду для этого стараться всеми силами! Жизнь показала: если нет такой заинтересованности, то и нет по-настоящему хозяйского подхода.

Один рубль равен приблизительно восемнадцати форинтам. Миклош назвал суммы, разумеется, условные, для примера. Тем не менее их масштаб впечатляет. Выходит, есть у трудящихся свободные деньги?

— Есть, есть...— проговорил Миклош.— Вклады в сберкассы увеличились только за один год, с восемьдесят четвертого по восемьдесят пятый, почти на двадцать пять миллиардов форинтов и превысили 244 миллиарда. Это почти тридцать процентов годового национального дохода! А ведь вы сами убедились: купить у нас есть что, в магазинах полно хороших, нужных товаров.

Окончание следует.

С. В. ДЖЯУКШТАС. Род. 1928. СМЕРТЬ АКТИВИСТА. 1969.

ПАЛИТРА
ЭРЫ
ОКТЯБРЯ

С. Джяукштас, развивая в своем творчестве декоративно-пластические традиции литовской школы живописи, создает тематические полотна, посвященные сложному периоду становления Советской власти в Литве. В основе широко известного произведения «Смерть активиста» лежит личное переживание художника, которое во многом определяет эмоциональную ткань картины. Неожиданность композиции — остановленный кадр, от которого время словно начинает отсчитываться назад.

В. Н. ПЕРЕЛЬМАН. 1892—1967. СИНЯЯ БЛУЗА. 1926.

В. Н. Перельман — старейший деятель советского изобразительного искусства. Имя художника принято связывать с той большой общественной деятельностью, которую он вел в АХРРе — организации художников революционной России. В 20—30-е годы им был создан целый ряд ставших хрестоматийными полотен, которые сейчас находятся во многих крупнейших музеях Советского Союза. Учеба у таких мастеров русского и советского изобразительного искусства, как А. Архипов, Н. Касаткин, К. Коровин, С. Малютин, помогла ему найти новую тематическую форму картины в русле традиций русской демократической школы. Его жанровые работы полны искренности, непосредственного чувства.

СНАЧАЛА В РЕДАКЦИЮ ПРИШЛО ПИСЬМО — НЕОЖИДАННОЕ, НЕПОХОЖЕЕ НА ПИСЬМА, КОТОРЫЕ ОБЫЧНО ПОЛУЧАЕТ «ОГОНЕК», ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГЛАВНОМУ БАЛЕТМЕЙСТЕРУ БОЛЬШОГО ТЕАТРА СССР ЮРИЮ НИКОЛАЕВИЧУ ГРИГОРОВИЧУ

«Уважаемый Юрий Николаевич!

Сначала немного о написавших эти строки. Мы в большинстве своем люди преклонных лет, все чего-то достигли в жизни, и объединяет нас только одно — мы любим балет Большого театра.

Посещение балетного спектакля ГАБТа престижно, что привело к положению, которое как-то хорошо охарактеризовал народный артист СССР О. Виноградов, обращаясь к москвичам: «Вы обречены на успех!» Эту мысль мы хотим особо подчеркнуть в связи с теми вопросами, которые хотим задать вам, Юрий Николаевич.

Поверьте, мы не ретрограды, застывшие в ностальгической тоске по тому, что происходило когда-то. Мы были в числе тех, кто приветствовал ваш приход в Большой: восторгались «Каменным цветком», «Легендой о любви», мы приняли ваше-го «Щелкунчика», такого близкого замыслу его гениального автора. Но взяться за перо, чтобы задать вам несколько вопросов, сегодня необходимо. На наш взгляд, коллектив балета находится в кризисном состоянии. Скажете, парадоксально звучит: в газетах чаще всего комплименты, отчеты о зарубежных поездках хвалебны. Все так. Но отвечает ли это фактическому положению дел?

Нам кажется, что после «Ангары» в вашем творчестве стали наблюдаться повторы. «Ангара» не удержалась в репертуаре. С этого времени и началось ваше охлаждение к большой группе ведущих мастеров, а потом и полное к ним пренебрежение. Вы настояли на новой постановке «Ромео и Джульетты» С. Прокофьева. Сейчас уже нет никакого сомнения, что она не удалась и не идет ни в какое сравнение с выдающимся творением Л. Лавровского и Г. Улановой. Или «Золотой век». Несомненно, заслуга большая — возродить забытое творение Д. Шостаковича. И в постановке много достоинств. Но у кого ни спросишь, что запоминается в балете, ответ один: все, что связано с рестораном, его бытом, персонажами. Колоритны Яшка, Люська, Конферансье. А вот Рита и Борис остались почему-то на втором плане. Для решения этих персонажей вами выбраны средства плакатные. Не кажется ли вам, что увлечение усложненными спортивными поддержками стало в вашем творчестве чрезмерным, что это лишает сочиненный вами танец одухотворенности?.. Да, танцуя в ваших балетах, нужно иметь молодые ноги. Потом начинаются сбои: травмы, деформация фигуры, уже сейчас, например, мы отмечаем перерывы в выступлениях И. Мухамедова и Ю. Васюченко. За тридцать — сорок лет, что мы посещаем балет, не было столько замен артистов, как в минувшем сезоне...

Долгое время вокруг вашего имени искусственно сохранялся ореол непогрешимости: выделился даже определенный круг рецензентов ваших работ. Но, думается, пришла пора, когда, как недавно сказала профессор В. М. Красовская, в адрес балета (и в ваш в том числе) будут раздаваться не одни соловьиные трели. Мы глубоко уверены, что, поставленный вне критики и вне конкуренции творческой, потеряли от этого прежде всего вы.

В создавшемся положении нас беспокоит, что молчат крупные деятели хореографии — артисты, балетмейстеры, критики. А может быть, они лишены трибуны для выступления? О том, что это, видимо, так и есть, свидетельствует пример В. Гаевского, выступившего с некоторыми критическими соображениями в своей книге «Дивертисмент». А что последовало за тем? Вместо открытой и честной дискуссии — административные меры...

В своем недавнем интервью вы говорили, что привлекли для работы в Большом театре более двадцати хореографов. Но ведь привлечение сильных хореографов, Юрий Николаевич, относится к самому началу вашей деятельности как руководителя труппы. Тогда у вас не было авторитарных тенденций, тогда в Большом театре действительно сотрудничали К. Голейзовский, О. Виноградов, Н. Касаткина и В. Василёв и многие другие мастера — наши и зарубежные. Но с тех пор прошли годы и годы. А сейчас? В своем интервью, Юрий Николаевич, вы упоминаете о работах М. Плисецкой и В. Васильева. Талант выдающейся балерины настолько уникален, что вы действительно не препятствовали появлению созданных ею в содружестве с Р. Щедриным балетов. Но ни в чем никогда не помогали, а — будем откровенны — заняли позицию стороннего наблюдателя. Что же касается В. Васильева, который удачно начал как балетмейстер при вашем содействии (о чем он не раз с благодарностью вспоминал), то, как только он вырос в самостоятельного и яркого мастера-хореографа, он тут же был лишен вашей поддержки. Последний балет В. Васильева «Анюта» в свой актив вы как руководитель труппы никак не можете занести. Не заявленный ни в каких планах ГАБТа, он был поставлен в кратчайший срок (за неполных два месяца!) в ваше отсутствие: вы находились в длительной зарубежной командировке.

Нет, не все в порядке, Юрий Николаевич. Мы предлагаем обсудить поднятые в этом письме проблемы на зрительской конференции в удобное для вас и для театра время, мы все готовы на нее прийти, чтобы поговорить откровенно. А пока обращаемся в журнал с просьбой напечатать наше письмо, пусть его публикация и будет началом нашего разговора.

С уважением
Р. ПЕРОВ, Т. ФОМИЧЕВА, Ш. ДЗАМПАЕВА — всего 60 подписей».

ВПЕРЕДИ ПЛАНЕТЫ ВСЕЙ?

Можно было бы сразу переслать это письмо в Большой театр СССР и просить Юрия Николаевича Григоровича ответить авторам. Но ответ на письмо (здесь оно печатается с сокращениями) — это еще не дискуссия. Так редакция решила начать серьезный разговор о многих процессах, происходящих сегодня в Большом театре, предельной откровенности в их оценке. Наше предложение было поддержано деятелями отечественной хореографии, музыки, науки. Разговор получился деловой. Теперь очень важно, чтобы его продолжил и сам Юрий Николаевич Григорович.

Не так давно труппа возвратилась из очередных зарубежных гастролей. Там, в США, они имели большой зрительский успех, но происходили не просто. Достаточно сказать, что в день их открытия сионисты подложили в зрительный зал взрывное устройство: все честные люди Америки были возмущены провокацией, газеты Нью-Йорка подробно рассказали об инциденте в театре. Но уже буквально на следующий день эта история была забыта, и в центре внимания оказались сами спектакли Большого. Почти все критики высоко оценили мастерство Л. Семеняки, которая была названа «любимицей Америки», Н. Бессмертновой, И. Мухамедова. Тем не менее сами спектакли вызвали среди специалистов противоречивые отклики. Оценки критиков опять, как это было в предыдущие поездки, разделились серьезно и веско.

Все это сегодня надо знать. Необходимо. Долгие годы у нас существовал только один взгляд на искусство Большого театра как оперное, так и балетное — комплиментарный. Мы не замечали, многих проблем. А они, хотим мы или нет, существуют. «Сложные, противоречивые процессы идут сегодня в коллективе Большого театра,— говорилось в феврале этого года на пленуме Московского горкома КПСС,— проявляются покровительство, неприятие критики, дает о себе знать «табель о рангах»... Театр не имеет права утрачивать место, отведенное ему в духовной жизни нашего народа».

Действительно: сегодня дела в театре идут не так хорошо, как это было в семидесятые годы,— гастроли Большого последних лет в Англии, Франции и других странах, работа театра в минувшем сезоне обозначили новые серьезные вопросы. И чем скорее они будут конкретно и точно поставлены, тем скорее и решены. Так получился некий вариант «круглого стола», то есть несколько человек обсуждают один и тот же вопрос: каково, по их мнению, современное состояние «Большого балета»?

Мы решили опубликовать результаты обсуждения немедленно по его окончании, тут же предложив Герою Социалистического Труда, народному артисту СССР, лауреату Ленинской премии Ю. Н. Григоровичу откомментировать его результаты. Дважды мы пытались включить главного балетмейстера Большого театра в разговор, и всякий раз он уходил от обсуждения, откладывал, а то и вовсе противился ему. Тем временем разговоры, вырвавшиеся за пределы Большого, перестали быть секретными, задержка с публикацией материала порождала домыслы, сплетни, еще более осложняла ситуацию. Нас уже обвиняли в том, что мы интересовались исключительно отрицательными рецензиями (попросили дать нам полные тексты выступлений зарубежной прессы о гастролях Большого); журналист, выезжавший в составе труппы театра на гастроли, опубликовал статьи, ставящие в ранг политической незрелости попытки усомниться в постоянстве прогресса и только прогресса в делах Большого театра, в редакцию звонили и звонят люди, объяснявшие в подробностях, что с нами случится, решись мы на подобное обсуждение. А письма о сложности ситуации в «Большом балете» шли и шли. Узнав о готовящейся публикации, к нам опасливо и в открытую приходили танцовщики и балерины, театральные критики. Многие наши читатели, видимо, слышали выступление по Центральному телевидению народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии В. В. Васильева, который прочитал свое открытое письмо в «Огонек», написанное в связи с тем, что публикация статьи в очередной раз была отложена. И мы решились...

Итак, несколько мнений; поверьте, что мы выбирали самые сдержанные и пытались выстроить их с предельной тактичностью. От выдержек из зарубежной прессы, пишущей о гастролях «Большого балета» не только восторженно, мы умышленно отказываемся, дабы не быть обвиненными бог знает в чем.

ЧТО ЖЕ ПРОИСХОДИТ?

Асаф МЕССЕРЕР, педагог Большого театра, народный артист СССР:

— Мы гордимся балетом Большого театра, его вклад в мировую культуру можно сравнить разве что с вкладом великих итальянцев в оперное искусство, его влияние можно легко обнаружить в театрах балета самых разных стран. Но человек жив не только прошлым. Это вечный процесс: то, что было хорошо еще вчера, сегодня устаревает и отходит на второй план. В последние годы в жизни Большого появилась некоторая самоуспокоенность. Думаю, это — прямое свидетельство того, что долгий период Большой театр был вне критики. У нас много писали о «Большом балете», но писали преимущественно восторженно. Вот и получилось, что на неблагополучие в репертуаре и хореографии первыми обратили внимание не мы...

Здесь мы опускаем отрывки из чужестранных откликов — их очень много. И хотя в обстоятельных статьях многие газеты и журналы сказали в адрес Большого театра добрые слова, они лишь подчеркнули всю серьезность обнаружившихся себя проблем.

Этери ГУГУШВИЛИ, секретарь Союза театральных деятелей СССР, доктор искусствоведения, профессор:

— Летом 1986 года «Большой балет» гастролировал в Англии. Нельзя сказать, что английская пресса резко критически встретила приезд Большого, это не так. Известный критик Мэри Кларк, например, писала, что как постановщика «новых балетов, демонстрирующих силу и особые возможности Большого, Григоровича может превзойти только он сам». Но в лагере противников оказалось большое число людей балета, написавших десятки статей.

Среди английских критиков почти не было людей, огульно и тенденциозно отрицавших искусство Большого. А вот мы, к сожалению, все еще не можем расстаться с мыслью, что любое критическое слово, сказанное о нашем искусстве на Западе, произнесено со злым умыслом и имеет политическую подоплеку. Знаю многих английских критиков и могу сказать, что им действительно дорог наш балет, они умеют радоваться нашим успехам и не будут молчать, если что-то не так.

В новейших хореографических течениях на Западе есть свои достоинства. Мы же их по ряду причин почти не заметили. Так определилось реальное отставание. В нем нельзя винить только одно руководство Большого, это наша общая беда, но сегодня уже нужно что-то делать и что-то менять. По силе, красоте, одухотворенности труппа «Большого балета» по-прежнему остается одной из лучших в мире. Но спектакль — это не только одни танцовщики. А вот тут возникают уже достаточно серьезные проблемы. Они заставили говорить о себе и в Англии, и в других странах, где недавно гастролировал Большой театр...

Истина о гастролях наших театров за рубежом часто замалчивалась. А иной раз картина оказывалась просто искаженной.

Анатолий РЫБАКОВ, академик АМН СССР:

— Балет Большого — часть моей жизни, все, что связано с балетом, всегда было моей страстью, и, находясь за границей, я находил время, чтобы внимательным образом познакомиться с прессой. Прекрасно помню газеты 1956 года, когда Большой впервые приехал в Лондон; это был взрыв всеобщего восторга, открытие целого мира. А сейчас пресса волнуется, специалисты видят, что проблемы в коллективе Большого возникают быстрее, чем решаются. Но если читать некоторые наши издания, то создается впечатление, что ничего не случилось. Всюду успех, только успех и ничего, кроме успеха. Как так можно, не могу понять. Нам ведь очень нужна полная правда — во всем...

Екатерина МАКСИМОВА, народная артистка СССР:

— Вы спрашиваете, мирились ли мы с тем, что в последние годы информация о поездках театра за рубеж дается в печати только в усеченном виде? Мы говорили об этом. Но Министерство культуры, очевидно, устраивали только хвалебные рецензии. Так спокойнее и радостнее. Некоторые критики же, освещающие в нашей прессе гастроли Большого, ездят в эти командировки за счет самого Большого театра. Вывод: кто платит, тот и заказывает музыку.

Михаил ЛАВРОВСКИЙ, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии:

— Нельзя сказать, что мы молчали все последние годы, это неверно, но наша вина заключается в том, что мы говорили об этом не так, как следовало бы, излишне осторожно, считая, что дадим повод думать, что мы все чем-то обижены. Такая точка зрения, кстати сказать, все равно появилась. Может быть, только сейчас, когда ясно, что любая поездка Большого за рубеж получает в западной прессе больше негативных отзывов, чем прежде, наши слова обретут наконец истинный вес...

Вячеслав ГОРДЕЕВ, народный артист СССР:

— В октябре прошлого года я после долгого перерыва участвовал в гастролях во Франции. Танцевал «Жизель». А за день до «Жизели» шла «Раймонда». Меня поразило, что зрительный зал был заполнен только наполовину. В прежние годы такого не было никогда. Тут могут быть, конечно, разные объяснения: может быть, в этот вечер на сцене не было признанных «звезд», может быть, именно на том спектакле террористы грозились устроить какую-нибудь диверсию. Но дело, думаю, в другом...

Михаил РОЩИН, писатель:

— Я не балетный критик и не стану судить спектакли и репертуар. Я о другом.

Большой театр перестал быть народным, московским, подотчетным зрителю своему — широкому, а не иностранному, элитарному, профессиональному. Жажда заграничных гастролей заразила, к несчастью, многих артистов Большого, и особенно молодежь. Быть или казаться — это беда не только одного Большого. Высокое искусство всегда и элитарно, и народно. Презрение к непосвященным, замкнутость, самомнение увели Большой от современности. То, что Большой успешно «продавал» за границей, было наработано дома и для себя. Когда эта работа оскудела, и заграница, как видим, расходится во мнениях.

Мы любим, когда нас хвалят, и не любим, когда ругают. В большинстве корреспонденций о поездке Большого театра в США приводились только положительные рецензии. Нам давали понять, что другая точка зрения если и существует, то она тенденциозна. Но как быть с тем, что американские газеты и журналы выявили ряд серьезных проблем в творчестве Большого театра?

Елизавета СУРИЦ, кандидат искусствоведения:

— Передо мной ряд рецензий на выступления балета Большого театра в США. Интересно их проанализировать.

Подробные отчеты публиковал давний друг советского балета Клайв Барнс. Он приветствует новое поколение балерин и танцовщиков «замечательной труппы», более сдержанно пишет о хореографии, особенно новой редакции балета «Жизель» («глубокое разочарование»). Анна Киссельгоф, один из самых влиятельных американских критиков, много внимания уделила исполнителям. По ее мнению, благодаря Юрию Григоровичу, который умеет «по-новому использовать выразительные возможности типовой лексики», они приобрели «более современный облик», не утеряв и тех качеств, которые отличали их предшественников. С другой стороны, откровенно критическую позицию заняли Арлен Кроче, Тоби Тобайес, Нэнси Голднер, Марсия Сигель, Джоан Акоччела, все известные журналистки, авторы книг по балету. Немало написано о «схематизме» (Сигель), «упрощенчестве» (Кроче), отличающих хореографию новых балетов. Многие критики (даже Барнс) употребляют слово «heroics», что переводится вовсе не как «героический», а как «высокопарный», «гипертрофированно патетический». Указывается, что этот стиль остается неизменным со времен «Спартака» (Тобайес). В балетах классического наследия неоправданна замена эмоционально насыщенных мимических сцен танцами, которые необходимого содержания не несут (Голднер, Барнс). В оценке актеров критики разошлись. Одни считают, что приехавшие в этот раз танцовщики сильно уступают тем, кто участвовал в прошлых гастролях, другие находят и у них немалые достоинства. Существенны размышления о состоянии труппы и ее репертуара, принадлежащие Арлен Кроче, в прошлом не раз писавшей о советском балете, а также Дейла Харриса, искусствоведа широкого профиля, знатока русского искусства. Оба стремятся сопоставить настоящее балета с его прошлым, оценить его в контексте общего развития культуры. Их впечатление, что труппа Большого театра остановилась в развитии, настораживает.

Владимир ВАСИЛЬЕВ, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии:

— Сегодня Большой театр, как никогда, нуждается в глубоком и дружеском разговоре о реальном положении дел. Он ведь только поможет, этот разговор. Мы же как были «неприкасаемыми», так и остаемся, времена меняются, но только не у нас... Когда же один-единственный раз шесть лет назад в книге «Дивертисмент» прозвучала первая тревога, продажу книги остановили, а ее редактор Сергей Никулин был круто понижен в должности, да так и не восстановлен поныне. Большой театр создан на века. Сейчас самое время подумать о нашем завтрашнем дне и понять, что же все-таки у нас происходит...

СТАРЫЕ ПРЕМЬЕРЫ

Одна из самых важных проблем, стоящих перед балетом,— создание спектаклей на современные темы.

Федор КОНСТАНТИНОВ, академик:

— Дискуссии о традициях и новаторстве в балетном искусстве не утихают, и я за ними внимательно слежу. Думаю, что сохранение балетного классического наследия — дело нашей чести. Но не менее, особенно сегодня, важны балеты с современной проблематикой. А они ставятся крайне редко. Обещано, что к 70-летию Советской власти в Большом будет возобновлена «Ангара» Андрея Эшпая, поставленная... к 60-летию Октября, то есть десять лет назад. Может быть, я, конечно, чего-то не понимаю, но разве это решение проблемы?

Особенно серьезно вопрос о создании новых балетов возник в Большом в этом сезоне — и не только в связи с «Ангарой».

Из газеты Большого театра СССР «Советский артист», 3 апреля 1987 года:

«28 марта состоялся оркестрово-сценический прогон балета на музыку М. Таривердиева «Девушка и Смерть»... Результаты просмотра не удовлетворили участников обсуждения. Дирекция театра согласилась с мнением членов балетной секции художественного совета — балет «Девушка и Смерть» не будет показан зрителям».

Впервые за многие годы новая постановка не увидит свет. В решении этого вопроса коллектив еще раз подтвердил свою высокую требовательность к самому себе. Но всегда ли и во всем она проявляется? Разве нет таких неудач, которые можно предвидеть заранее?

Этери ГУГУШВИЛИ:

— Большой театр всегда был уникальным явлением в русской и многонациональной советской культуре, к нему все мы относимся по-особому и по-особому с него спрашиваем. Здесь все важно: кто ставит, что ставят, как строится репертуар, кто приглашается на постановку. В последние годы театр, однако, заметно сдает свои позиции: здесь стали возможными случайные спектакли, случайные приглашения на постановку или в труппу...

Илья ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, доктор искусствоведения:

— Знаю, как Серж Лифарь мечтал поставить в Большом театре три одноактных балета, это было самое заветное желание всех последних лет его жизни. Чтобы оно скорее и легче осуществилось, он предлагал принять в дар его богатейшую коллекцию русских реликвий, среди которых, между прочим, было 12 автографов Пушкина к Натали. Большой театр обращался в Министерство культуры, но не получилось, театр так и не открыл перед выдающимся хореографом свои двери. А сейчас, после его смерти, мы эту коллекцию уже едва ли увидим...

Владимир ДАШКЕВИЧ, композитор:

— Как же может балет не реагировать на многообразие новых пластических и музыкальных форм, возникающих в современном мире? Большой, мне кажется, потерял живую нить, всегда связывавшую его с происходящим вокруг. Мне кажется, что за бравурными, победоносными улыбками танцовщиков, которые они «подают» в зал, скрывается порой смертельная тоска. Выход напрашивается сам собой: надо менять репертуарную политику.

Елена ТКАЧ, заместитель главного редактора молодежной редакции журнала «Театральная жизнь», балетный критик:

— Вплоть до самого последнего времени понятия «критика» по отношению к Большому театру (и всего, что так или иначе с ним связано) просто не существовало. Редко какая газета или журнал решались сказать правду, особенно после драматической судьбы книги «Дивертисмент». В 1985 году «Театральная жизнь» опубликовала мою статью о V Международном конкурсе артистов балета, в которой был затронут ряд болезненных проблем, касающихся этики творческого соревнования. И что же? Редакция журнала «Советский балет» прервала со мной все деловые контакты. Печален не столько этот факт, сколько начавшаяся дискредитация профессии балетного критика, которого вынуждают в определенных изданиях произносить по адресу «Большого балета» одни только панегирики...

Асаф МЕССЕРЕР:

— Как-то так получилось, что у нас слово не только расходится с делом, но и с реальными фактами.

Считается, что на сцене театра идет более сорока балетов. Так пишется в разных отчетах, эти цифры передаются в печать. На самом деле картина заметно иная. С конца 70-х не идет в Большом «Весна священная», с 1981-го — балет «Тени», с 1983-го не идут «Эти чарующие звуки», «Икар», «Петрушка», «Жар-птица», с 1984-го — «Гусарская баллада», «Деревянный принц», с 1985-го — «Анна Каренина». Список можно продолжить, но у нас почему-то считается, что эти спектакли по-прежнему в репертуаре, хотя сами артисты в большинстве своем их давным-давно забыли, переключились на другие работы, да и декорации к ним в наших запасниках, я думаю, будет уже не так-то просто найти. Полнометражных, то есть неодноактных спектаклей в репертуаре Большого сегодня всего лишь восемнадцать. Мы сохраняем на сцене только один балет Фокина («Шопениана»), только один балет Горского («Дон Кихот»). На сцене Большого нет ни одного спектакля других корифеев XX века: Голейзовского, Лопухова, Мясина, Баланчина, Лифаря, Аштона, Роббинса, Пети, Бежара... Балету Большого всегда было интересно танцевать самую разную хореографию, это одна из наших традиций, которая сегодня, увы, уходит. Но самая серьезная наша вина перед отечественной культурой в том, что мы не сохранили ни одного спектакля из золотого фонда советской хореографии. На наших афишах нет больше имен Захарова, Якобсона, Лавровского, Вайнонена, Чабукиани — тех спектаклей, с которых, собственно говоря, и начался «Большой балет». Мы ничего не оставили в своем репертуаре. Современный период в жизни театра стал эпохой одного хореографа.

Екатерина МАКСИМОВА:

— Все, с чем «Большой балет» приехал в Европу во второй половине пятидесятых, Запад очень быстро взял на вооружение. Им так понравился наш балет, что они не только с годами всему научились, но и пошли дальше. Мы же давным-давно ничему не учимся. Мы из года в год твердим себе: ах, мы лучшие в мире, ах, с нами некому сравниться, ах, нас некому превзойти. «А также в области балета мы впереди планеты всей...» И на том стоим.

Михаил ЛАВРОВСКИЙ:

— Большой театр никогда не был и не может быть театром одного человека, ибо это — Большой театр. Он всегда соединял в своей афише все лучшее, что было в нашей хореографии. А сегодня даже на гастроли вывозятся только спектакли, поставленные нашим руководителем. Чаще всего это происходит даже вопреки просьбам импресарио, которые хотели бы видеть разные работы. Почему так получается? Не знаю. Но такого в Большом не было никогда...

О неблагополучии в Большом театре сейчас говорится все больше и больше. Музыкальный мир подробно обсуждал статью «Закулисная история», опубликованную в декабре прошлого года в «Труде»,— газета рассказала о валютных махинациях, в которых было уличено руководство оркестра (музыканты в поездках получали одни суммы, а расписывались в ведомостях за другие, более высокие). Артист оркестра А. Ф. Леонов, посмевший возмутиться поборами, был немедленно уволен. Суд восстановил музыканта на работе, но в театр А. Ф. Леонов так и не вернулся, он скончался минувшим летом. Только за последний год в театре работали комиссии горкома партии, народного контроля; в неблаговидных делах был уличен, а затем отстранен от работы председатель местного комитета театра, предстоит дать ответ некоторым другим административным работникам...

Атмосфера вседозволенности, царящая в театре, едва ли способствует реальному решению всех назревших проблем.

Вадим ГАЕВСКИЙ, искусствовед, балетный критик:

— То, что происходит в Большом, я до конца объяснить не могу. Это история для писателя-психолога, а не для искусствоведа. Как могло случиться, что Юрий Григорович, художник по призванию, по структуре мышления, по человеческой сути своей, недооценил процесс, в результате которого «Большой балет» все меньше становится предприятием художественным и культурным и все больше утрачивает собственные, казалось, на века завоеванные позиции? Почему этот новатор, немало натерпевшийся в свое время именно из-за своего новаторства, тяготеет теперь к архаизированному стилю? Нет ответа. А новые балетные спектакли в Большом выходят все реже и реже. Имея одну из лучших в мире трупп, действительно непревзойденных солистов, мы вдруг стали отставать. Казалось бы, вот ситуация, когда нужно работать так, как никогда,— выпускать большее количество разноплановых спектаклей, искать новую хорошую музыку, возвращать старую, классическую, приглашать на постановки наших лучших хореографов, талантливую молодежь, звать мастеров из-за рубежа, мастеров подлинных, и не бояться, что они могут оказаться в чем-то сильнее нас... Но этого пока что не произошло. Закончился театральный сезон. Новых спектаклей мы не увидели. Взамен нам сказали, что отныне премьерой 1987 года считается «Жизель». Но в чем же новизна этой «новой редакции»? В спектакле обновлены декорации, что, кстати сказать, полагалось бы сделать и так, ибо «Жизель» идет в репертуаре с 1944 года, и внесены отдельные коррективы в крестьянский танец. И все. Нет новых художественных идей, недостает творческой энергии... С каждым годом это становится все более очевидно.

Этери ГУГУШВИЛИ:

— Все, что предложил Большой театр в минувшем сезоне,— это не выход из положения. И даже не иллюзия этого выхода. Его еще предстоит искать и найти. Это непросто. Могут быть самые разные варианты. Учитывая уникальные возможности труппы Большого театра, стоит, мне кажется, подумать о том, чтобы у «Большого балета» был бы прежде всего художественный руководитель, который сделал бы принципом своей работы регулярные приглашения на постановки самых разных хореографов. Ясно одно: он, этот выход, наверняка существует. И самый короткий путь к нему — смотреть правде в глаза...

НАШЕГО УМА ДЕЛО

Разговор, который мы ведем сегодня, был бы, наверное, неполным, если бы не уверенность, что Большой театр в состоянии решить любые самые серьезные творческие вопросы.

Анатолий РЫБАКОВ:

— У меня нет сомнений, что руководство театра конструктивно продолжит наш разговор. Самое главное — принять факты, услышать мнения именно так, как они высказаны, не искать в них какого-то скрытого подтекста, не уводить разговор в сторону выяснения личных отношений и дать конкретный ответ на все поставленные вопросы. Ситуация в театре не проста, но она в какой-то мере разрешится, если каждый из мастеров, чьи имена известны во всем мире, будет иметь действительно достойную их таланта работу,— это касается не только хореографов, но и солистов. Разве нужно говорить, что это еще выше поднимет престиж нашей культуры?

Владимир ВАСИЛЬЕВ:

— Мне кажется парадоксальным, что многие деятели советской хореографии, критически относящиеся к сложившемуся положению в Большом театре (да и только ли в Большом?), ищут сейчас поддержки собственным взглядам в иностранной прессе.

Объясняется этот факт очень просто: отсутствием объективной отечественной информации в печати, боязнью быть обвиненными в непатриотичности, групповщине, преследующей мелкие личные интересы, с одной стороны, и с другой — многолетним утверждением позиций главного балетмейстера людьми, многие из которых в той или иной мере зависят от него. Для меня сегодня ясны несколько положений, которые я и хочу высказать:

1. Славу «Большого балета» не составлял да и не может составить один человек, какими бы замечательными способностями он ни обладал. Слава Большого — это созвездие блестящих имен, таких имен, которых нет ни в одном театре мира. 2. Ранее существовавшая структура управления огромной труппой театра нуждается в кардинальной перемене. Коллектив в 270 человек, живущий по старым законам, при всем желании не может стать коллективом единомышленников. 3. Авторитарность, необходимая на первых порах при создании новой труппы с оригинальными творческими задачами, где все подчинено замыслам и поискам руководителя, возможна только в небольших коллективах. Со временем она становится губительной прежде всего для самого художника, лишенного критики «извне» и «изнутри». 4. Необходимо четко различать функции руководителя и творческого создателя нового репертуара. При смешении этих функций репертуарная политика неизбежно подчиняется личным интересам самого создателя. 5. Мне кажется, каждому художнику, берущему власть в свои руки, нужно помнить о том, что после него возможно повторение ошибок, допущенных им самим. В «Большой балет» ходили на Семенову, Уланову, Лепешинскую, Плисецкую, Стручкову, Мессерера, Габовича, Ермолаева, Лавровского, Захарова, Вайнонена, Григоровича, сейчас ходят и будут ходить на Семеняку, Ананиашвили, Семизорову, Мухамедова, Фадеечева, Таранду. И хочется только пожелать, чтобы каждый из будущих мастеров оставил яркую страницу в истории «Большого балета».

Вахтанг ЧАБУКИАНИ, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии:

— Все, чем живет Большой театр,— это не только его внутренние беды и радости. Большой театр — это Большой театр. Он — один. Он — наше национальное достояние. По нему судят и о нашем искусстве, и, если угодно, о нашей жизни. По нему судят об уровне нашей культуры. На него смотрят десятки других музыкальных театров не только в нашей стране, а и по всему свету. Поэтому разговор, начатый сегодня, по-моему, очень своевремен. Откладывать его до «лучших времен» нельзя. Да и чего бояться? Здесь все правда. Я могу не соглашаться — и не соглашаюсь — с некоторыми из выступавших по каким-то частностям, но я полностью разделяю их озабоченность и тревогу. Еще и еще раз скажу: все, что происходит в Большом театре, нашего ума дело, хотя бы потому, что мы давно и преданно любим Большой театр...

ОТ РЕДАКЦИИ. В ближайших номерах мы по-прежнему надеемся опубликовать ответ главного балетмейстера Большого театра СССР, Героя Социалистического Труда, народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Юрия Николаевича Григоровича, тем более, что мы, напомним, пригласили его в редакцию и познакомили со статьей еще в начале сентября. Хотелось бы, чтобы и другие заинтересованные артисты, специалисты и зрители продолжили разговор. Истина вызревает в споре — забывая это, мы не раз уже препятствовали сами себе при решении и простых и сложных вопросов. Авторитет отечественного балета, доброе имя советского искусства — превыше всего.

Публикацию готовил Андрей КАРАУЛОВ.

ЗВЕНЯТ «КЛИНКИ» В СЕВИЛЬЕ

Марк ТАЙМАНОВ,
международный гроссмейстер,
шахматный обозреватель «Огонька»

За быстротекущими событиями единоборства великих шахматистов современности обозревателю еженедельного журнала угнаться невозможно, и нужно быть готовым к тому, что читатель ко времени получения очередной статьи будет лучше осведомлен о положении дел, чем автор в момент ее написания. Но «из песни слова не выкинешь», и панорама титанического соперничества требует ретроспективного анализа на каждом этапе сражения.

И хотя внешняя канва спортивных реалий пока не выходит за рамки сложившихся традиций, подтекст десяти прошедших встреч заметно отличается и жесткостью борьбы, и особой бескомпромиссностью в принципиальных схватках.

Дополнительным допингом для непримиримых соперников могли стать по меньшей мере два чрезвычайных обстоятельства. Прежде всего исключительность ситуации нынешней баталии, призванной словно бы подвести итог всему многострадальному циклу трехлетнего соперничества и определить незыблемость шахматного трона надолго вперед. Уже этого было бы достаточно, чтобы накал страстей превзошел привычные нормативы. Но сложилось так, что еще накануне состязания сами партнеры в полемическом задоре обострили напряженность взаимоотношений и недвусмысленно обозначили неспокойный психологический фон, усложняющий и без того многообразные проблемы творческого единоборства. В их предматчевых интервью для прессы прозвучали не только оправданные в подобных случаях слова оптимизма и гордого самоутверждения, но и менее привычные взаимные претензии, связанные с выходом в свет исповедальной автобиографической книги Г. Каспарова «Дитя перемен» и затрагивающие конфликтные ситуации прошлых поединков...

Словом, матч начался в довольно напряженной атмосфере, что не могло не отразиться и на творческом состоянии соперников и на ходе сражения.

И по первым впечатлениям было очевидно, что адаптировался к этой сложной обстановке лучше А. Карпов. Уже второй, а затем и пятый поединок показали, что в условиях жесткого, бескомпромиссного боя сдержанный в эмоциях экс-чемпион мира хладнокровнее реагирует на резкие перепады в ходе обоюдоострых перипетий, чем его темпераментный и импульсивный соперник. В этих сложнейших схватках, требовавших широкомасштабных трактовок, А. Карпов не только умело контролировал труднопредсказуемый ход изменчивых событий, но и выдвигал перед соперником одну за другой коварные дилеммы, для решения которых нужно было и время, и особенно хладнокровие, которых Каспарову тогда явно недоставало.

Лишь однажды на старте дрогнул невозмутимый экс-чемпион. Это случилось в четвертой партии, где «силовое поле», созданное Г. Каспаровым, А. Карпов не выдержал ни в дебютном теоретическом диспуте, ни в острой схватке в середине игры. Но даже в этом с большой силой проведенном поединке Каспаров, видимо, еще испытывал непреодоленную стартовую импульсивность, едва не погубившую плоды его глубокой стратегии. Она ощущалась и дальше.

И хотя чемпион мира как-то утверждал, что присущая ему возбудимость не имеет никакого значения для шахматной игры, потому что, как правило, он может поддерживать свое возбуждение на определенном уровне, эта задача ему долго не давалась... Вспомните, как забыл он нажать кнопку часов в решающей ситуации финала второй партии, как чрезвычайно импульсивно действовал в цейтнотной горячке пятой, сколько времени неосмотрительно затрачивал на обдумывание дебютных ходов в тех драматических поединках, где присущий ему творческий максимализм вступил в конфликт с практической целесообразностью. А каким неподдельным было его отчаяние после грубой ошибки в партии, где он помышлял только о победе, отчаяние, столь выразительно переданное в телерепортаже...

Но, пожалуй, самым сильным разочарованием для Гарри Каспарова на старте стал шестой поединок. Он закончился быстрым заключением мира и, казалось бы, мог восприниматься привычной данью состязанию столь высокого ранга, но именно после него Г. Каспаров сокрушенно признал: «У меня пока что-то не получается...», а А. Карпов добавил: «Я могу понять разочарование чемпиона мира».

В этот день Г. Каспаров не сумел использовать выгоды достигнутого положения, сыграл в несвойственной ему вялой манере, и его творческая натура была уязвлена собственной пассивностью...

Потребовался тайм-аут. И он оказался целительным для чемпиона мира. Следующий этап борьбы хотя проходил в зоне еще более высокого напряжения, но Каспаров уже никак не уступал в выдержке и целеустремленности своему партнеру и играл, что называется, со вкусом и в свое удовольствие. Более того, в седьмом поединке, подлинном «симфоническом опусе», насыщенном глубочайшим творческим содержанием и покоряющем изобретательной фантазией обоих партнеров, чемпион мира, сумевший отразить могучий натиск стремившегося только к победе соперника, видимо, перехватил психологическую инициативу, долгое время принадлежавшую Карпову.

Во всяком случае в следующей встрече диктовал волю чемпион мира, а Карпов был неузнаваемо безволен...

К чести экс-чемпиона мира, процесс восстановления для него оказался стремительным — 9-й поединок великолепно провели оба соперника. И после десятого предпраздничо-миролюбивого равный счет в матче стал справедливым отражением упорной напряженнейшей схватки, в которой достойные друг друга партнеры демонстрируют высшее творческое мастерство и бескомпромиссность намерений.

Севилья

Жорж СИМЕНОН

РОМАН

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

Мегрэ и его мертвец

Мегрэ расследует дело об убийстве неизвестного, который несколько раз звонил комиссару в день своей гибели и просил спасти его от преследователей. Вскоре в одной из гостиниц была задержана женщина-роженица, покинутая сбежавшими от облавы сообщниками. Она была опознана свидетельницей как опасная преступница. В это же время Мегрэ узнает от неких Боксера Джо и Фердинанда, знавших маленького Альберта по скачкам, что тот звонил им. Альберт сообщил, что его преследуют какие-то люди, но он придумал способ отделаться от них. Он сказал, что дело жуткое, и попросил их приехать к нему в восемь вечера. Друзья не успели добраться вовремя из-за поломки желтого «ситроена». А когда они оказались в кафе, Альберта уже не было в живых. Чтобы их не заподозрили в убийстве, они отвезли труп на площадь Согласия. Перед комиссаром стоит задача: найти трех остальных членов банды и их вожака.

Начавший с перепродажи театральных билетов, Маршан стал теперь заметной личностью, сохранив при этом вульгарные манеры и грубую речь. Положив локти на стол, он разглядывал меню. В ту минуту, когда к нему подошли детективы, он говорил метрдотелю:

— Что-нибудь этакое легкое, голубчик Жорж... Поглядим... Куропатка есть у тебя?

— Под гарниром из капусты, мсье Маршан.

— Садитесь, мой дорогой. Ого! И органы правопорядка пожаловали? Еще один прибор и стул, голубчик Жорж. Как вы относитесь к куропатке с капустой, господа? Минуточку! Принеси-ка нам пока запеченную форельку. Она у тебя живая, Жорж?

— Можете взглянуть в цистерну, мсье Маршан.

— И еще какой-нибудь закуски, чтоб ждать было не скучно. Вот и все. Напоследок суфле, раз уж настаиваешь.

Таково было его излюбленное меню. Даже приходя в одиночку, он заказывал его два раза в день. И это называл «легким закусоном, чтоб червячка заморить». А после представления, наверно, еще и поужинает.

— Ну, так чем могу помочь, голубчик? Надеюсь, не по поводу моего ревю заявились?

Окончание. См. «Огонек» №№ 39—45.

Вести серьезный разговор было еще рано. Подошел кельнер, подающий вина, и Маршан несколько минут выбирал напитки.

— Слушаю вас, ребятки.

— Если я вам кое-что сообщу, сумеете ли вы держать язык за зубами?

— Вы забываете, старина, что я знаю столько тайн, сколько не знает ни один другой обитатель Парижа. Судьба сотен счастливых семейств находится вот в этих самых руках. Держать язык за зубами? Да я только этим и занимаюсь.

Как ни странно, то была сущая правда: Маршан болтал с утра до самого вечера, но никогда не говорил больше, чем хотел сказать.

— Вы знаете Франсину Латур?

— Она выступает у нас вместе с Дреаном.

— Что вы о ней думаете?

— А что я, по-вашему, должен о ней думать? Это еще ребенок. Спросите лет этак через десять.

— Талантлива?

Маршан с комическим изумлением взглянул на комиссара.

— А зачем ей нужен талант, скажите на милость? Ей не больше двадцати, а она одевается у лучших портных. По-моему, и бриллианты носить начала. Во всяком случае, на той неделе в норковой шубе заявилась. Чего вы еще хотите от нее?

— Любовники у нее есть?

— Как и у каждой танцовщицы, у нее есть друг, господин вполне приличный.

— Вы его знаете?

— Как не знать.

— Иностранец, не правда ли?

— Теперь все более-менее иностранцы. Франция, похоже на то, производит одних только верных мужей.

— Послушайте, Маршан. Дело гораздо серьезнее, чем вы предполагаете.

— Когда вы его сцапаете?

— Надеюсь, нынче вечером.

— Признаться, это стреляный воробей. Если мне не изменяет память, он раза два попадался с пустыми чеками и еще чем-то вроде того. Сейчас он, похоже, на мели.

— Его имя?

— За кулисами все его называют мсье Жан. Настоящая фамилия Бронский. Какое-то время он был связан с кино. По-моему, он и теперь еще якшается с киношниками,— продолжал Маршан, знавший подноготную всех знаменитостей Парижа, в том числе и тех, чья знаменитость дурного свойства.— Симпатичный малый, обходительный, не прижимистый. Женщины от него без ума, мужчины сторонятся: очень уж обаятельный.

— Он влюблен?

— Вроде бы. Во всяком случае, шага от девчонки не отходит. И, говорят, ревнив.

— Как вы считаете, где он сейчас?

— Если сегодня днем были скачки, то скорее всего они с ней ездили на ипподром. Девочка, которая последние несколько месяцев шьет свои платья в салонах на улице Мира и носит новое манто из норки, не прочь поразвлечься на скачках. Ну, а сейчас эта парочка сидит в каком-нибудь баре на Елисейских полях. Позднее полдевятого Франсина не засиживается. В театр приходит около девяти. Так что у них есть еще время поужинать у Фуке, у Максима или в ресторане Сиро. Если хотите найти их...

— Не сейчас. Бронский сам привозит ее в театр?

— Почти всегда. Проводит ее в артистическую уборную, поболтается немного за кулисами, потом идет в бар, с Феликсом потрепаться. После второго скетча возвращается в уборную Франсины. Как только она переоденется, увозит. Почти всякий раз они уезжают к кому-нибудь в гости.

— Живет он у нее?

— Вполне вероятно, старина. На этот счет у консьержки поинтересуйтесь.

— Вы его видели последнее время?

— Кого, его? Вчера вечером видел.

— Вам не показалось, что он нервничает?

— Знаете, такие, как он, всегда нервничают. Когда ходишь по натянутому канату, занервничаешь. Если я правильно понял, канат вот-вот оборвется. Жаль девочку! Конечно, она прибарахлилась, так что переживет. А может, найдет себе что-нибудь поприличней.

Разговаривая, Маршан не переставал есть и пить, вытирал губы салфеткой, приветливо здоровался с людьми, которые входили и выходили из ресторана, и даже успевал позвать метрдотеля или буфетчика.

— Не знаете, с чего он разбогател?

Маршан, о чьих первых шагах нередко сплетничали журналисты, ответил довольно резко:

— Таких вопросов порядочным людям не задают, приятель.

Однако немного погодя прибавил:

— Знаю только, что одно время он заправлял агентством, которое занималось массовками, набирало статистов.

— Давно?

— Несколько месяцев тому назад. Уточнить нетрудно.

— Не утруждайте себя. Попрошу только, не рассказывайте никому о нашей беседе. Особенно нынче вечером.

— Придете в театр?

— Нет.

— Тем лучше. Я б вас попросил не обстряпывать свои делишки в моем заведении.

— Не хочу рисковать, господин Маршан. Слишком уж часто появлялись в газетах наши с Коломбани фотографии. Судя по тому, что вы рассказали и что я знаю о нем, тип этот достаточно хитер и без труда обнаружит присутствие детективов.

— Послушайте, дружище, слишком уж вы серьезно взялись за дело. Навалитесь-ка лучше на куропатку.

— Могут быть неприятности.

— Да неужто?

— Уже были. И немалые, по правде говоря.

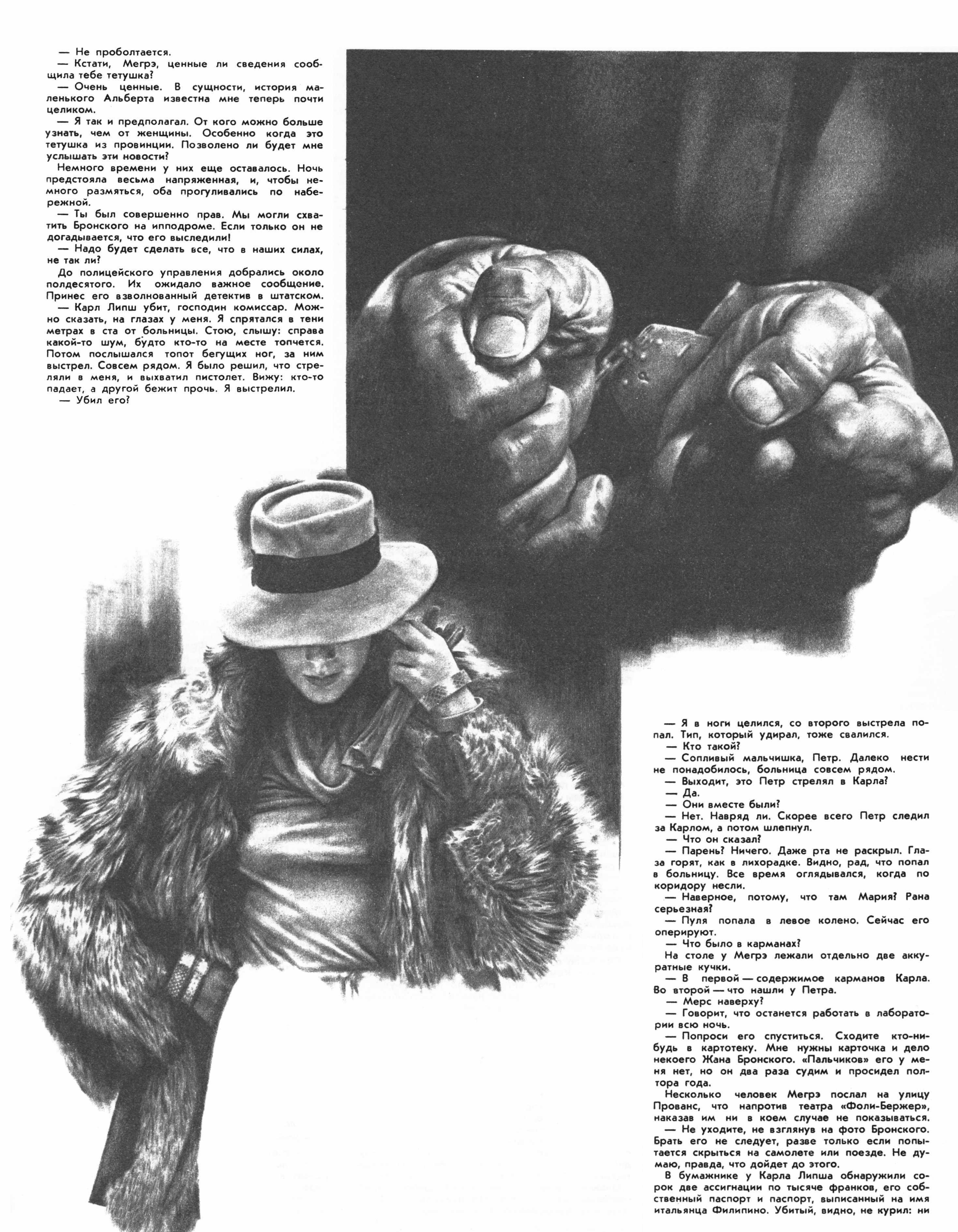
— Ну, хватит. Не надо мне ничего рассказывать. Лучше узнаю все завтра или послезавтра из газет. Если Жан пригласит меня нынче вечером за свой столик выпить, мне будет не по себе. Да вы ешьте, ребятки. Что скажете насчет этого «шатонеф»?.. Этого вина только полсотни бутылок, и все я велел приберечь для меня. Теперь осталось сорок девять. Еще одну?

— Нет, спасибо. Нам еще всю ночь работать.

Через четверть часа детективы оставили Маршана, чуть разомлевшего от изрядной трапезы, обильно орошенной вином.

— Надеюсь, он не проболтается,— проворчал Коломбани.

— Не проболтается.
— Кстати, Мегрэ, ценные ли сведения сообщила тебе тетушка?
— Очень ценные. В сущности, история маленького Альберта известна мне теперь почти целиком.
— Я так и предполагал. От кого можно больше узнать, чем от женщины. Особенно когда это тетушка из провинции. Позволено ли будет мне услышать эти новости?
Немного времени у них еще оставалось. Ночь предстояла весьма напряженная, и, чтобы немного размяться, оба прогуливались по набережной.
— Ты был совершенно прав. Мы могли схватить Бронского на ипподроме. Если только он не догадывается, что его выследили!
— Надо будет сделать все, что в наших силах, не так ли?
До полицейского управления добрались около полдесятого. Их ожидало важное сообщение. Принес его взволнованный детектив в штатском.
— Карл Липш убит, господин комиссар. Можно сказать, на глазах у меня. Я спрятался в тени метрах в ста от больницы. Стою, слышу: справа какой-то шум, будто кто-то на месте топчется. Потом послышался топот бегущих ног, за ним выстрел. Совсем рядом. Я было решил, что стреляли в меня, и выхватил пистолет. Вижу: кто-то падает, а другой бежит прочь. Я выстрелил.
— Убил его?

— Я в ноги целился, со второго выстрела попал. Тип, который удирал, тоже свалился.
— Кто такой?
— Сопливый мальчишка, Петр. Далеко нести не понадобилось, больница совсем рядом.
— Выходит, это Петр стрелял в Карла?
— Да.
— Они вместе были?
— Нет. Навряд ли. Скорее всего Петр следил за Карлом, а потом шлепнул.
— Что он сказал?
— Парень? Ничего. Даже рта не раскрыл. Глаза горят, как в лихорадке. Видно, рад, что попал в больницу. Все время оглядывался, когда по коридору несли.
— Наверное, потому, что там Мария? Рана серьезная?
— Пуля попала в левое колено. Сейчас его оперируют.
— Что было в карманах?
На столе у Мегрэ лежали отдельно две аккуратные кучки.
— В первой — содержимое карманов Карла. Во второй — что нашли у Петра.
— Мерс наверху?
— Говорит, что останется работать в лаборатории всю ночь.
— Попроси его спуститься. Сходите кто-нибудь в картотеку. Мне нужны карточка и дело некоего Жана Бронского. «Пальчиков» его у меня нет, но он два раза судим и просидел полтора года.
Несколько человек Мегрэ послал на улицу Прованс, что напротив театра «Фоли-Бержер», наказав им ни в коем случае не показываться.
— Не уходите, не взглянув на фото Бронского. Брать его не следует, разве только если попытается скрыться на самолете или поезде. Не думаю, правда, что дойдет до этого.
В бумажнике у Карла Липша обнаружили сорок две ассигнации по тысяче франков, его собственный паспорт и паспорт, выписанный на имя итальянца Филипино. Убитый, видно, не курил: ни

сигарет, ни трубки, ни зажигалки при нем не оказалось. Нашли лишь карманный фонарь, два носовых платка, один из них испачканный, билет в кино на этот день, перочинный нож и автоматический пистолет.

— Вот видишь! — заметил Мегрэ, обращаясь к Коломбани.— Мы-то воображали, что все предвидели,— показал он на билет.— А вот они смекнули. Гораздо лучше, чем слоняться по улицам. В темноте можно сидеть часами. А на бульварах, где кинотеатры открыты всю ночь, можно даже вздремнуть.

В карманах у Петра было лишь тридцать восемь франков мелочью. В бумажнике лежали две фотокарточки. Одна Марии, небольшая карточка для паспорта, снятая, видно, год назад. На другой фотографии сидели на пороге своего дома, судя по архитектуре, где-то в Центральной Европе, крестьянин с крестьянкой.

Документов не оказалось. Сигареты. Зажигалка. Небольшая записная книжка в синей обложке. Несколько страниц исписаны убористым почерком.

— Стихи, похоже.

— Точно, стихи.

Мерс обрадованно посмотрел на вещи, которые ему предстояло унести к себе на чердак. Вскоре на столе у комиссара лежало дело Бронского.

Строгая и безжалостная, как все полицейские фотографии, карточка не соответствовала описанию, которое дал Маршан: еще молодое небритое лицо, худые скулы, острый кадык.

— Жанвье звонил?

— Он сказал: все спокойно, и вы можете с ним связаться. Его номер Пасси 62-41.

— Соедини меня с ним.

Дело комиссар читал вполголоса. Выяснилось, что Бронский — уроженец Центральной Европы, ему тридцать пять лет. Учился в Венском университете, затем несколько лет жил в Берлине. Там женился на некой Хильде Браун, но когда в возрасте двадцати восьми лет приехал во Францию (документы у него оказались в исправности), он уже был один. Назвался профессиональным кинорежиссером, снял номер в гостинице на бульваре Распай.

— Жанвье на проводе, господин комиссар.

— Это ты, дружище? Обедал? Слушай меня внимательно. Сейчас я подошлю на машине двух человек.

— Нас и так двое! — несколько обиженно запротестовал детектив.

— Не имеет значения. Послушай, что я скажу. Когда они прибудут, поставь их незаметно снаружи. Главное, чтоб ни одна живая душа не заподозрила, что они тут спрятаны. Ты со своим напарником войди в дом. Подожди, пока не погаснет свет у консьержа. Что собой представляет здание?

— Новое, довольно шикарное. Большой белый фасад, застекленная дверь с железной фигурной решеткой.

— Хорошо. Назови какое-нибудь имя, поднимись наверх.

— Как найду квартиру?

— И то правда. Где-нибудь поблизости есть молочная лавка. Разбуди молочника, если понадобится. Наплети ему что-нибудь, лучше нечто романтическое.

— Понял.

— Не забыл, как отмычкой орудовать? Войдите. Свет не зажигайте. Спрячьтесь где-нибудь в углу оба, чтоб при необходимости вмешаться.

— Хорошо, шеф,— вздохнул бедный Жанвье. Видно, предстояло не один час просидеть тихо, как мышь, в чужой квартире.

— Да курить не вздумайте!

Мегрэ улыбнулся: сколько запретов. Потом отобрал двух детективов для дежурства на улице Лоншан.

— Захватите свои пушки. Неизвестно, как дело обернется.

Взгляд на Коломбани. Оба понимали друг друга с полуслова. Они имеют дело не с жуликом, а с вожаком банды убийц и рисковать не вправе.

Арестовать Бронского в баре театра «Фоли-Бержер» куда проще. Однако трудно предвидеть его поведение. Вполне вероятно, что он вооружен, а это, похоже, такой человек, который станет защищаться, возможно, станет даже стрелять в толпу, чтобы скрыться в суматохе.

— Кто сходит в «Дофин» заказать пива и бутербродов?

Это означало, что предстоит большая работа. Оба помещения отдела, которым заведовал Мегрэ, напоминали полицейский участок. Люди курили, сновали взад-вперед. Телефоны молчали.

— Соедините, пожалуйста, с «Фоли-Бержер».

Маршана удалось отыскать с трудом. Пришлось привести его из-за кулис, где он увещевал двух голых танцовщиц.

— Слушаю, голубчик,— начал он, не зная, кто с ним говорит.

— Мегрэ у телефона.

— Да?

— Он там?

— Только сейчас видел.

— Хорошо. Ничего не говорите. Просто позвоните, если он уйдет один.

— Понял. Только не надо портить ему физиономию.

— Об этом скорее всего позаботятся без нас,— загадочно ответил комиссар.

Через несколько минут вместе с комиком Дреаном Франсина Латур появится на сцене, ее любовник на мгновение зайдет в разгоряченный зал, потом вместе с другими завсегдатаями постоит в гостиной, вполуха прислушиваясь к диалогу, который знает наизусть, к взрывам хохота, доносящегося с галерки...

Мария все еще лежала в больничной палате. Она бесилась: согласно правилам, ребенка у нее на ночь отобрали, а в коридоре дежурили два детектива. Еще один полицейский в штатском находился в другом флигеле, куда только что доставили из операционной Петра.

С бульвара Сен-Жермен, где он был в гостях, улучив свободную минуту, позвонил судья Комелио.

— Все еще никаких известий? — озабоченно спросил он.

— Так, сущие пустяки,— отвечал Мегрэ.— Убит Карл Липш.

— Кто-нибудь из ваших людей убил?

— Нет, свой. Мои люди ранили в ногу Петра.

— Выходит, остался всего один бандит?

— Да, Серж Мадок. И еще главарь.

— Имя коего вам по-прежнему неизвестно?

— Имя коего Жан Бронский.

— Как вы сказали?

— Бронский.

— Разве он не кинорежиссер?

— Не знаю, режиссер он или нет, но с кино связан.

— Три года назад я приговорил его к восемнадцати месяцам.

— Он самый.

— Напали на его след?

— Сейчас он в «Фоли-Бержер».

— Где вы сказали?

— Я сказал: в «Фоли-Бержер».

— Разве вы не намерены его арестовать?

— Намерены. Но время еще терпит. Хотелось бы избежать лишних жертв. Понимаете?

— Запишите номер телефона. Я пробуду у друзей примерно до полуночи. Потом буду ждать вашего звонка дома.

— Очевидно, вы вполне успеете выспаться.

Мегрэ не ошибся. Наняв такси, Жан Бронский и Франсина Латур сначала отправились поужинать к Максиму. Мегрэ по-прежнему сидел в своем кабинете на набережной Орфевр, наблюдая за передвижениями парочки. Из «Дофина» дважды приходил с подносом кельнер. Повсюду валялись грязные стаканы, огрызки бутербродов, из-за табачного дыма было нечем дышать. Несмотря на жару, Коломбани не снимал свое пальто из верблюжьей шерсти и сдвинутую на затылок шляпу, ставшие для него как бы формой.

— Разве ты не пошлешь за женщиной?

— Какой еще женщиной?

— За Ниной, женой Альберта?

Мегрэ досадливо покачал головой. Какое Коломбани до этого дело? Он готов сотрудничать с людьми из «Сюртэ», но зачем вмешиваться, куда их не просят?

Ему было о чем подумать. Как только что сказал судья Комелио, комиссар вправе арестовать Жана Бронского, когда только сочтет нужным. Помнится, еще в самом начале расследования, с необычной серьезностью обращаясь к кому-то, комиссар заметил: «На этот раз мы имеем дело с убийцами».

И эти убийцы понимают, что терять им нечего. Если бы их схватили в толпе и та узнала, что они из «пикардийской банды», то полиция не смогла бы помешать расправе.

После того, что они натворили на фермах, любой суд приговорит их к смерти, убийцам это хорошо известно. Лишь Мария, у которой ребенок, может рассчитывать на помилование.

Да и то сомнительно. Есть показания оставшейся в живых девочки. А обожженные ноги и груди? Дерзость же и даже ее неукротимая красота только восстановят против нее присяжных.

Цивилизованные люди боятся диких зверей, особенно двуногих, тех, что напоминают им отдаленные эпохи, жизнь в лесных зарослях.

А Жан Бронский — еще более опасный зверь, зверь, который одевается на Вандомской площади, у лучшего портного, зверь в шелковой сорочке, с университетским образованием, зверь, которому каждое утро постригают и завивают волосы, точно куртизанке.

— Ты осторожничаешь,— заметил Коломбани, обращаясь к Мегрэ, терпеливо сидевшему у одного из телефонов.

— Я осторожничаю.

— А если он выскользнет у тебя из рук?

— Пусть лучше выскользнет, чем убьет кого-нибудь из моих людей.

В конце концов к чему теперь оставлять в бистро на набережной Шарантон Шеврье и его жену? Надо им позвонить. Но они спят. Мегрэ с улыбкой пожал плечами. Как знать, может, эта игра стала для них забавой? Почему бы им не продолжить ее еще несколько часов?

— Алло! Это вы, шеф?.. Они только что зашли во «Флоранс».

Модный ночной клуб на Монмартре. Подают только шампанское. Очевидно, Франсине Латур захотелось похвастаться новым платьем или украшением. Она совсем юна, еще не устала от подобной жизни. Правда, есть и богатые титулованные старушки, владеющие особняками на авеню Дюбуа и в Сен-Жерменском предместье, которые вот уже сорок лет ошиваются по таким же клубам!

— Пошли! — решился внезапно Мегрэ.

Достав из ящика пистолет, убедился, что он заряжен. Коломбани с легкой улыбкой наблюдал за комиссаром.

— Берешь меня с собой?

Со стороны Мегрэ это было любезностью. Все происходило на его территории. Именно он напал на след «пикардийской банды». Он вполне мог провести операцию со своими людьми, и тем самым набережная Орфевр записала бы на свой счет еще одно очко.

— Шпалер при тебе?

— Я всегда хожу с оружием.

Мегрэ, напротив, редко брал с собой пистолет.

Проходя двором, Коломбани указал на одну из полицейских машин.

— Нет! Лучше возьмем такси. Не так будем заметны.

Выбрал таксомотор, которым управлял знакомый водитель. Впрочем, все таксисты Парижа знали Мегрэ в лицо.

Квартал, где жила Франсина Латур, находился в самом начале улицы, неподалеку от знаменитого ресторана, где комиссар не раз обедал. Все двери были заперты: пробило два часа. Требовалось подыскать удобное для стоянки место. Мегрэ был мрачен и неразговорчив.

— Сделайте еще круг. Я скажу, когда остановиться. Включите лишь одни подфарники, будто пассажира ждете.

Остановились меньше чем в десяти метрах от дома. Они знали, что в подъезде спрятался детектив. Поблизости должен быть еще один. А наверху, в темной квартире, все еще находился Жанвье со своим товарищем.

Заняв сиденье со стороны тротуара, Мегрэ нервно попыхивал трубкой. Своим плечом он ощущал плечо Коломбани. Прошло сорок пять минут. Одно за другим подъезжали такси, из них выходили люди и исчезали в соседних домах. Наконец таксомотор остановился возле их подъезда. Выпрыгнув на тротуар, молодой стройный мужчина наклонился, чтобы помочь спутнице.

— Пора!..— единственно, что произнес Мегрэ. Все движения его были точно рассчитаны. Отпустив ручку (дверь он давно держал распахнутой), с неожиданной легкостью комиссар бросился вперед и в тот самый момент, как Бронский полез в карман смокинга за бумажником и наклонился к счетчику, прыгнул на преступника.

Женщина закричала. Схватив Бронского сзади за плечи, Мегрэ вместе с ним упал на тротуар. Получив удар головой в подбородок, комиссар пытался удержать руки Бронского: тот мог выхватить револьвер. Подоспевший Коломбани точно и расчетливо пнул бандита в лицо.

Франсина Латур, все еще взывавшая о помощи, кинувшись к парадной двери, начала отчаянно звонить. Прибежали оба детектива, и возня продолжалась еще несколько секунд. Последним поднялся Мегрэ, находившийся внизу.

— Кто-нибудь ранен?

При свете подфарников он заметил на ладони кровь, но, оглянувшись, увидел, что у Бронского разбит нос. На руки «кинорежиссера» уже были надеты наручники, и поэтому ему пришлось чуть согнуться. Лицо у него было невероятно свирепое.

— Псы поганые! — брезгливо сплюнул бандит.

Один из детективов хотел было ответить на оскорбление пинком. Мегрэ удержал его:

— Пусть себе брызжет ядом. Это единственное, что ему теперь остается.

В суматохе чуть не забыли про Жанвье и его напарника. Рабы долга, они до самого рассвета остались бы в засаде.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Первым делом Мегрэ позвонил начальнику уголовной полиции, что судье Комелио наверняка пришлось бы не по душе.

— Отлично, дружище. А теперь в постель, сделайте такое одолжение. Остальными займемся завтра. Железнодорожников вызовем?

Он имел в виду начальников станций Годервиль и Муше. Нужно было опознать человека, которого видел один из железнодорожников при высадке 19 января, а второй — когда тот садился на поезд несколько часов спустя.

— Коломбани уже распорядился. Они выехали.

Тут же на стуле сидел и Бронский. Такого множества пивных бокалов и бутербродов ему еще никогда не приводилось видеть. Больше всего преступника поразило то, что никто не пытался его допрашивать.

Франсина Латур тоже находилась в кабинете Мегрэ. Будучи твердо уверена, что полиция арестовала ее спутника по ошибке, она настояла, чтобы ее впустили. И тогда, как дают ребенку книжку с картинками, чтобы успокоить его, комиссар протянул ей дело Бронского. Теперь молодая женщина внимательно читала досье, время от времени с ужасом поглядывая на своего любовника.

— Что намерен делать? — поинтересовался Коломбани.

— Позвоню судье, а потом спать.

— Подбросить тебя?

— Нет, спасибо. Зачем тебе делать лишний крюк?

Мегрэ снова темнил, и Коломбани понимал это. Громко назвав свой адрес, немного погодя комиссар постучал по стеклу.

— Езжайте вдоль Сены. В сторону Корбей.

Так они встретили рассвет. Он видел, как на берегу, над которым поднимается легкий туман, располагаются рыболовы, как подходят к шлюзам первые баржи и из печных труб к перламутровому небу поднимаются ранние дымки.

— Чуть выше по течению увидите гостиницу,— заметил он, когда Корбей остался позади.

Тенистая терраса выходила к Сене, вокруг здания располагались беседки; в воскресные дни, там, должно быть, толпился народ. Хозяин гостиницы — мужчина с висячими рыжими усами — вычерпывал из лодки воду, на пристани сушились сети.

После нелегкой ночи приятно было идти по росистой траве, вдыхать запах земли и горящих в печи дров, наблюдать, как хлопочет на кухне расторопная служанка, не успевшая причесаться.

— Кофе не напоите?

— Через несколько минут будет готов. Вообще-то мы еще не открылись.

— Ваша жиличка рано спускается?

— Я слышала, она ходила по спальной. Послушайте...

Действительно, наверху раздавались шаги.

— Я для нее варю кофе.

— Накройте, пожалуйста, на двоих.

— Вы ее друг?

— Конечно. А как же иначе!

Именно так и случилось. А произошло все очень просто. Когда Мегрэ представился, назвав свою должность, женщина немного испугалась, но он приветливо спросил:

— Нельзя ли мне позавтракать с вами?

Возле окна на красной клетчатой скатерти были накрыты два массивных фаянсовых прибора. Из кофейников струился пар. Масло имело привкус ореха.

Нина действительно косила, причем ужасно. Она это знала и, когда заметила, что ее разглядывают, покраснела и застеснялась.

— Когда мне было семнадцать,— объяснила она,— мама заставила меня сделать операцию: левый глаз у меня косил вправо. После операции стал косить в другую сторону. Хирург предложил сделать новую операцию бесплатно, но я отказалась.

Правда, уже немного погодя этого недостатка вы почти не замечали. И даже находили ее почти красивой.

— Бедный Альберт! Знали бы вы его! Всегда такой веселый, доброжелательный.

— Он вам кузеном приходился?

— Троюродный или четвероюродный брат.

Акцент даже придавал ее речи особую прелесть. Но больше всего в Нине поражала безграничная потребность любви. Не любви к ней самой, а потребность излить ее на ближнего.

— Мне было почти тридцать, когда я лишилась родителей. Я слыла старой девой. У родителей водились кое-какие деньги, и я никогда прежде не работала. В огромном нашем доме мне было тоскливо, и я уехала в Париж. Альберта я знала понаслышке и решила с ним повидаться.

Ну, разумеется. Мегрэ понял. Альберт был тоже одинок. Должно быть, Нина окружила его заботой, к какой он не привык.

— Знали б вы, как я его любила! Я никогда не просила его любить меня, вы понимаете? Это было невозможно. Но он говорил, что любит. Я делала вид, что верю. Мы были счастливы, господин комиссар. Уверена, он тоже был счастлив. Как же иначе? Недавно мы отпраздновали годовщину нашей свадьбы. Что произошло на скачках, я не знаю. Несколько раз он оставлял меня одну: ходил делать ставки. Вернулся какой-то озабоченный и после этого то и дело оглядывался, словно кого-то выискивал. Настоял, чтоб мы поехали домой на такси, и все время смотрел назад. Возле нашего дома зачем-то велел шоферу ехать дальше. Тот довез нас до площади Бастилии. Альберт вышел, а мне сказал: «Поезжай домой одна. Через час-два я вернусь». Это из-за того, что его кто-то преследовал. Но в тот вечер он не вернулся. Позвонил и сказал, что придет утром. На другой день он мне два раза звонил...

— Это было во вторник?

— Да. Когда позвонил второй раз, велел, чтоб не ждала его, а сходила в кино. Мне не хотелось, но он настоял. Чуть не рассердился. Вот я и пошла. Вы их арестовали?

— Всех, кроме одного. Этого тоже скоро поймаем. Не думаю, чтоб он был опасен, тем более что мы знаем, кто он, знаем его приметы.

Мегрэ даже не подозревал, скольон близок к истине. В эту самую минуту детектив из полиции нравов обнаружил Сержа Мадока в заведении на улице Капеллы, грязном вертепе. Он попал туда накануне вечером и упорно не желал уходить.

Сопротивления, однако, он не оказывал. Он был настолько пьян, что в полицейский фургон его пришлось нести.

— Что вы теперь намерены делать? — поинтересовался Мегрэ, набивая трубку.

— Не знаю. Скорее всего вернусь на родину. В одиночку я не смогу содержать ресторан. Да и нет тут у меня никого.

Молодая женщина повторила последнее слово и оглянулась вокруг, словно ища, на кого бы излить свою нежность.

— Не знаю, как и жить дальше.

— А что, если вам усыновить ребенка?

Нина подняла неподвижный взгляд, но потом улыбнулась:

— Вы думаете, я смогла бы?.. Мне б позволили?..

Идея эта так быстро возникла и обрела форму, что Мегрэ встревожился. Хотя фраза вырвалась не вполне случайно, он хотел лишь прощупать почву. Мысль эта родилась во время поездки его сюда, в Корбей. То была одна из тех фантастических, бредовых идей, которые рождаются в полудреме или в состоянии полного истощения сил, всю несуразность которой осознаешь лишь на следующее утро.

— К этому мы вернемся позднее. Ведь мне бы хотелось, если позволите, увидеть вас снова... Во всяком случае, мне нужно уладить с вами кое-какие финансовые дела: мы позволили себе открыть ваш ресторан.

— У вас есть на примете такой ребенок?

— Видите ли, мадам. Есть один ребенок, который через несколько недель или месяцев может стать сиротой.

Нина покраснела до корней волос. Мегрэ тоже побагровел: он уже пожалел, что имел глупость заговорить об этом.

— Это малыш, да? — сбивчиво спросила женщина.

— Да, совсем крошка.

— Он же не виноват ни в чем.

— Нисколько.

— И необязательно, чтобы он стал...

— Простите, мадам. Мне пора возвращаться в Париж.

— Я подумаю.

— Не думайте слишком много. Я жалею, что завел подобный разговор.

— Нет, вы сделали правильно. Смогу ли я взглянуть на него? Скажите, мне это позволят?

— Разрешите задать еще один вопрос. Альберт говорил мне, будто вы меня знаете. Не помню, чтоб, я когда-нибудь видел вас прежде.

— Зато я вас видела. Правда, давно. Мне тогда едва исполнилось двадцать. Матушка была еще жива, мы с ней поехали в Дьепп погостить...

— Отель «Приятный отдых»! — воскликнул комиссар. В этой гостинице они с женой провели две недели.

— Все обитатели гостиницы только о вас и говорили и разглядывали исподтишка...

На пути в Париж, проезжая мимо залитых солнцем полей, Мегрэ испытывал какое-то необычное чувство. На живых изгородях набухали почки.

«Славно было бы взять отпуск»,— подумал он, возможно, вспомнив дни, проведенные в Дьеппе.

Мегрэ понимал, что ничего подобного с ним не произойдет, хотя такие мысли и появлялись у него время от времени. Это было вроде простуды, которую излечивала напряженная работа.

Вот и предместья... Мост Жуэнвилль...

— Поезжайте через Шарантонский мост.

Бистро оказалось открытым. У Шеврье был несколько обескураженный вид.

— Хорошо, что приехали, шеф... Мне позвонили, сказали: все кончено. Жена не знает, ехать ей на рынок или нет.

— Как ей будет угодно.

— Сидеть тут больше ни к чему?

— Совершенно ни к чему.

— Спрашивали, не видел ли я вас. Наверно, повсюду искали: и дома, и в управлении. Не позвоните туда, в контору?

Комиссар заколебался. На этот раз силы у него были действительно на пределе, и ему хотелось лишь одного: забраться под одеяло и уснуть сном крепким и без сновидений.

— Бьюсь об заклад: просплю целые сутки кряду.

К сожалению, он ошибался. Столько спать не дадут. В управлении уголовной полиции — и в этом он сам виноват — укоренилась привычка дергать Мегрэ по любому пустяку.

— Что будете пить, шеф?

— Кальвадос, раз уж так настаиваешь.

Начав с кальвадоса, он тем же мог и кончить.

— Алло! Кто меня спрашивает?

Говорил Бодэн. Он про него совсем забыл. Как, должно быть, забыл о других детективах, которые понапрасну дежурили в разных районах Парижа.

— Я нашел письмо, шеф!

— Какое письмо?

— Оставленное до востребования.

— Ах, да. Вот и хорошо.

Бедняга Боден. Не оценили по достоинству его открытие!

— Может, вскрыть конверт?

— Как хочешь.

— Сейчас взгляну, письма никакого нет. Один только билет железнодорожный.

— Хорошо.

— Вы знали о нем?

— Догадывался. Первый класс. Обратный билет Париж — Годервиль.

— Совершенно верно. Тут вас дожидаются начальники станций.

— Пусть ими Коломбани занимается.

Прихлебывая свой кальвадос, Мегрэ чуть улыбнулся. Вот еще один штрих к портрету маленького Альберта, которого он не знал при жизни, но чей образ он восстановил как бы из кусочков мозаики.

Как и у многих других любителей скачек, у Альберта была привычка разглядывать землю. Подчас среди выброшенных бумажек попадался выигрышный билет.

В то же утро вместо билета тотализатора он поднял железнодорожный.

Если б у него не было этой страсти... Если б он не увидел, у кого из кармана выпал этот билет... Если б название станции не напомнило ему об убийствах, совершенных «пикардийской бандой»... Если б на лице не отразились охватившие его чувства...

— Бедный Альберт! — вздохнул Мегрэ.

Да, тогда бы он остался жив. Но в таком случае после пыток и истязаний погибло бы еще несколько престарелых супружеских пар.

— Жена готова прикрыть лавочку хоть сию минуту,— заявил Шеврье.

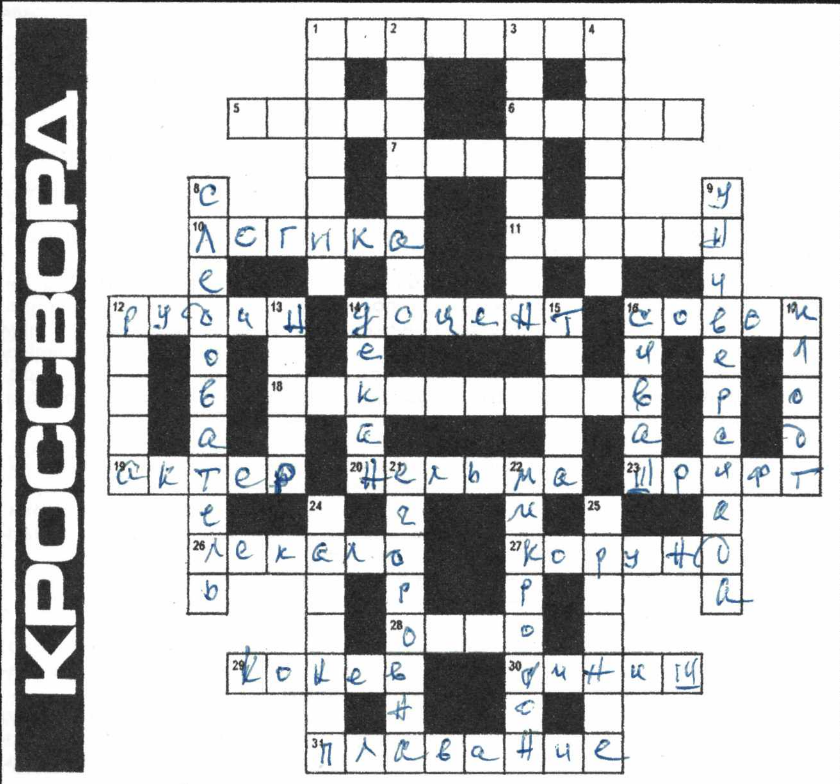
— Ну, так пусть и прикрывает!

Потом были улицы, астрономическая цифра на счетчике, мадам Мегрэ, после знакомства с Ниной показавшаяся комиссару не такой уж и заботливой, и нежной. Когда муж юркнул под одеяло, она решительно заявила:

— На этот раз сниму телефонную трубку и никому не открою дверь.

Мегрэ разобрал лишь начало фразы. Конца ее он так и не услышал.

Перевел с французского Виктор КУЗНЕЦОВ.

По горизонтали: 1. Один из руководителей партизанского движения в Белоруссии, Герой Советского Союза. 5. Птица семейства вороновых. 6. Река в Болгарии и Греции. 7. Денежная единица Древней Руси. 10. Наука о законах и формах мышления. 11. Конструктор артиллерийского вооружения, Герой Социалистического Труда. 12. Роман И. С. Тургенева. 14. Ученое звание и должность преподавателя вуза. 16. Небольшая лопатка с короткой ручкой. 18. Действующее лицо в пьесе В. В. Иванова «Бронепоезд 14-69». 19. Исполнитель ролей в театре, кино. 20. Рыба семейства лососей. 23. Комплект типографских литер. 26. Фигурная линейка. 27. Минерал, абразивный материал. 28. Стихотворение А. С. Пушкина. 29. Маршал Советского Союза. 30. Конечный пункт спортивного состязания на скорость. 31. Вид водного спорта.

По вертикали: 1. Узбекская советская поэтесса. 2. Отрывистое исполнение музыкальных звуков. 3. Областной центр в Узбекистане. 4. Приток Оби. 8. Должностное лицо, выясняющее обстоятельства, связанные с преступлением. 9. Всемирные студенческие спортивные соревнования. 12. Созвучие концов стихотворных строк. 13. Шотландский математик, изобретатель логарифмов. 14. Руководитель факультета в вузе. 15. Город в Амурской области. 16. Система заливов у западного берега Азовского моря. 17. Скульптор, автор конных групп на Аничковом мосту в Ленинграде. 21. Действующее лицо в опере Э. Ф. Направника «Дубровский». 22. Устройство для преобразования звуковых колебаний в электрические. 24. Птица, обитающая на болоте. 25. Озеро на Чукотке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

По горизонтали: 3. Кербель. 8. «Железный». 9. Иогансон. 10. Веерт. 13. Лобов. 15. Орловский. 17. Ледоруб. 18. «Октябрь». 19. Новиков. 20. «Геологи». 22. Аракажу. 24. «Возмездие». 26. Серов. 27. «Ермак». 30. Швейница. 31. Измайлов. 32. «Тачанка».

По вертикали: 1. Дрейф. 2. Федин. 4. Аллегро. 5. Озеро. 6. Ханой. 7. История. 11. Трубников. 12. Звягинцев. 13. Ликование. 14. Стебель. 16. Дирижер. 21. Лебедев. 23. Корабль. 24. «Волна». 25. Еркат. 28. Парча. 29. Вишня.

Шум волны послышался ранним утром — песней «Дайте миру шанс», рвущейся наружу из тесной для нее коробки гостиничного радио. Чуть позже, юркнув в объективы видеокамер, промчавшись через космические спутники связи и мощные ретрансляторы Хельсинкской телебашни, волна мира вспыхнула на телевизионном экране: кнопки пусковых установок, «трайденты», метящие в небо, буддисты, сложившие руки в мольбе о мире, переполненные атомной памятью раскосые глаза хибакуся — жертв ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Обрушившись на нас из космоса, волна в несколько часов захлестнула каждый дом, каждую финскую семью, взволновала, увлекла за собою на улицы...

ВОЛН

По выходным финны, как правило, ходят в церковь или подолгу сидят за завтраком, листая свежие газеты и попивая кофе с молоком. Но в день, когда по земному шару катилась Всемирная волна мира, они вышли на улицы, что называется, ни свет ни заря. Столичные полицейские, которых в будни днем с огнем не сыщешь, заняли свои места на самых оживленных перекрестках Хельсинки. И тем не менее, чтобы добраться до Сенатской площади, мы вынуждены были оставить свой автомобиль за несколько кварталов от нужного места,— все парковки были давно забиты.

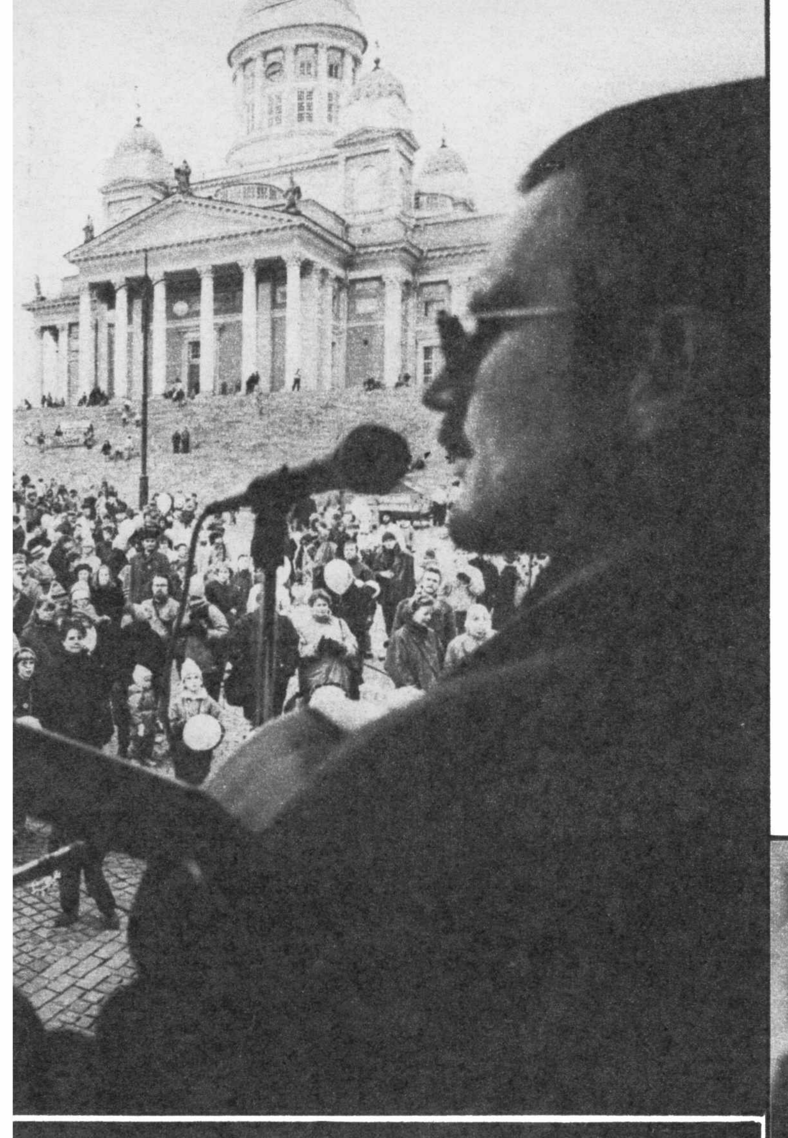
Колокольный перезвон, зародившийся в полдень по местному времени в японском городе Хиросима, раскачав языки колоколов отечественных соборов, достиг Хельсинкского евангелического только к двум часам пополудни. И с первыми ударами колокола на площadь перед собором начали выходить люди.

Сначала их было немного — человек сорок, но чем сильнее раскачивался набатный колокол, чем громче возвещал об угрозе ядерного пожара, тем больше мужчин, женщин, подростков и стариков вливалось в неисчислимый людской поток. Пацифисты, «зеленые», коммунисты, панки, социал-демократы — сегодня они шли по брусчатке Сенатской площади рядом, ибо, к какой бы партии или группировке ты ни примыкал, никому не хочется надевать костюм химической защиты или сверять жизнь со счетчиком Гейгера.

Здесь же, на площади, в радостной сутолоке, среди звуков песен никарагуанского ансамбля, мы встретились с секретарем Всемирного Совета Мира Мэрилин Оллсон.

— Волна мира, — сказала Мэрилин,— уже прокатилась по восьмидесяти городам Финляндии. Знаете, честно говоря, я даже не предполагала, что эта акция соберет и объединит столько людей самых разных

убеждений и воззрений. Но это и хорошо. Ведь в деле мира не может быть места соревнованию за первенство, ибо все мы в этой борьбе едины...

Холодно было, с моря дул пронизывающий до костей ветер, но люди не расходились с Сенатской площади до первых сумерек: пили кофе из бумажных стаканчиков, приплясывали, подпевали: «Эль пуэбло унидо...» Какая-то девчушка протянула мне листовку, призывающую поддержать борьбу народов Намибии за свою независимость. Какой-то парень водрузил на шест ржавую каску, а потом так наподдал ее ногой, что она с грохотом покатилась по мостовой.

На обратной дороге я увидел двух девушек и долговязого парня с шариками в руке. На шариках — что-то вроде символа: свеча, оплетенная колючей проволокой. Мне объяснили: это активисты организации, выступающей под антисоветскими лозунгами. И в этот самый момент шарик у долговязого вдруг лопнул, будто исчез призыв к конфронтации. А люди шли мимо и покупали своим детям другие шары — с Микки Маусом и белыми голубями.

Дмитрий ЛИХАНОВ,
фото Сергея ПЕТРУХИНА

Хельсинки — Москва.

А МИРА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 46 (3147)

14—21 НОЯБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Молодожены.

Фотоэтюд Сергея Петрухина

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии О. И. КОЗАК

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

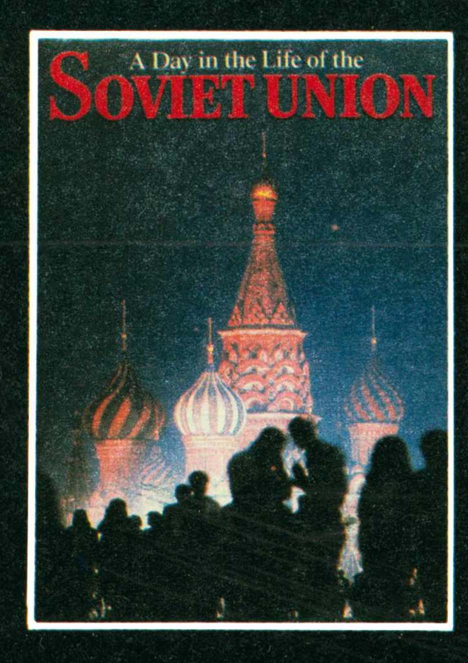
Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 251-89-83; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 23.10.87. Подписано к печати 10.11.87. А 00457. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2697. Заказ № 1404.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

СТОП—КАДР

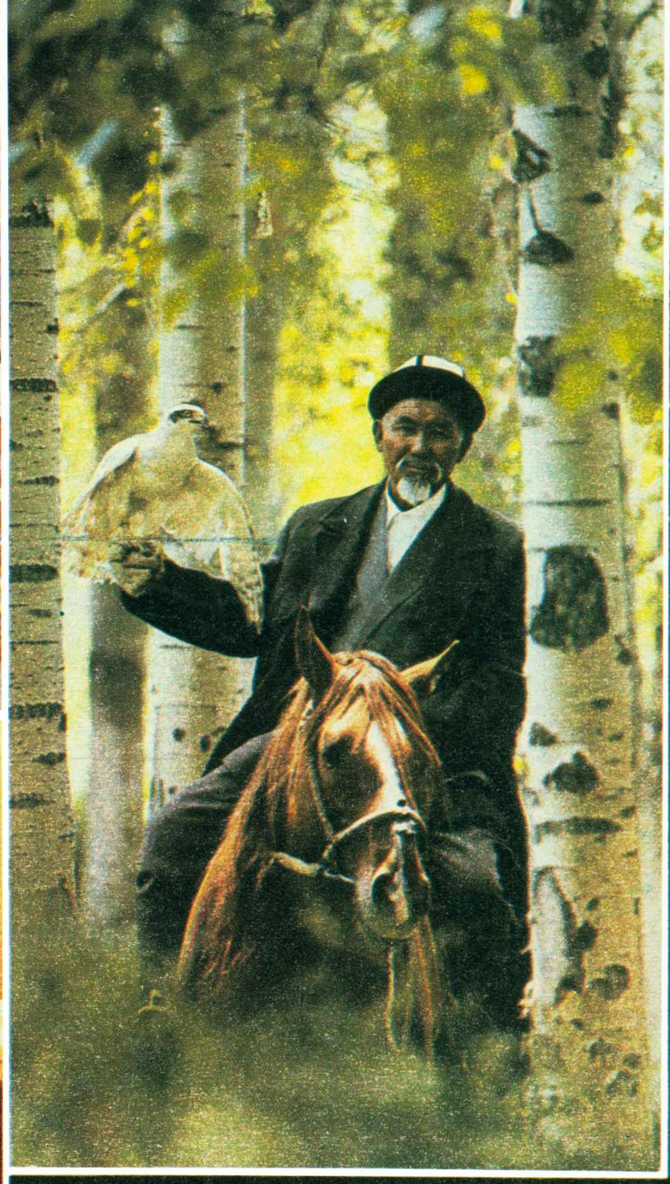
Постарайтесь вспомнить, что вы делали 15 мая нынешнего года. Поверьте, это отнюдь не праздное любопытство. Именно в этот день 100 лучших зарубежных и советских фотографов в 83 городах Советского Союза снимали кадры для книги «Один день из жизни Советского Союза», которая вышла в США.

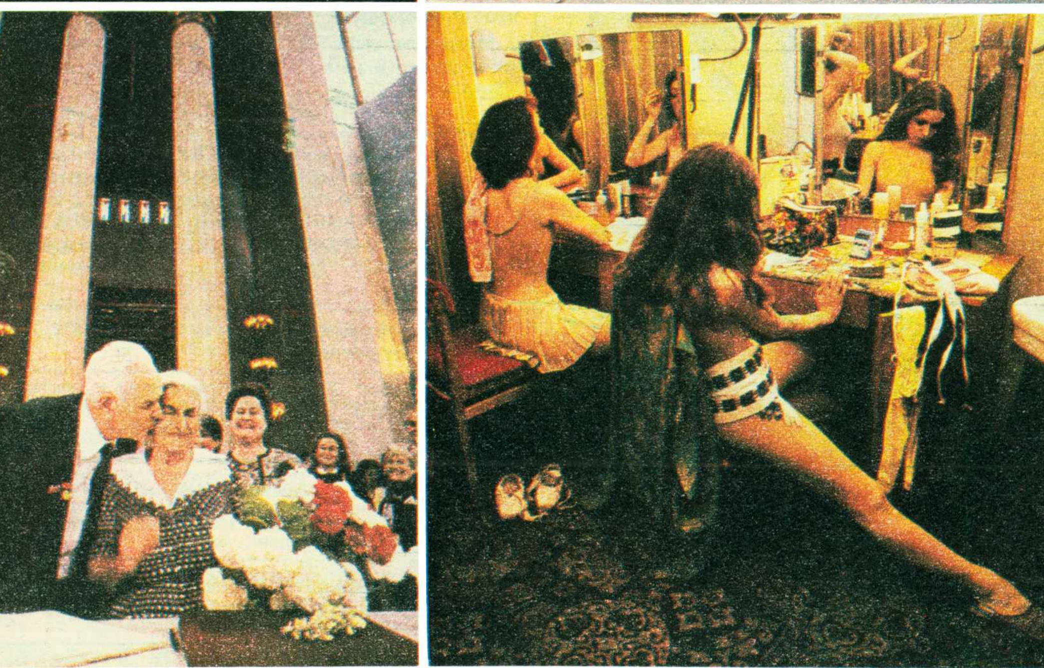
Впрочем, этот альбом и книгой не назовешь. Скорее это стоп-кадры из фильма о нашем самом обычном дне, главные герои которого советские люди.

Наверное, в этом причина успеха книги. Сейчас в США к печати уже готовится дополнительное издание.

Вспомните, что вы делали 15 мая. Может быть, вы узнаете себя на фотографиях из альбома...

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663